

Библиотечка россиеведения. Выпуск № 7

Белая Россия

Опыт исторической ретроспекции

Материалы международной научной конференции
в Севастополе

С.-Петербург — Москва

«ПОСЕВ»

2002

Библиотечка россиеведения. Выпуск № 7

Белая Россия
Опыт исторической ретроспекции

Материалы международной научной конференции
в Севастополе

С.-Петербург – Москва

«ПОСЕВ»

2002

Белая Россия: Опыт исторической ретроспекции: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. В. Терещук. — СПб.; М.: «Посев», 2002. — 176 с. — (Б-чка россиеведения; Вып. № 7).

В настоящем сборнике опубликованы тексты наиболее интересных докладов, сделанных на международной научной конференции, организованной московским издательством «Посев» и проведенной в октябре 2000 г. в Севастополе. Конференция была посвящена истории Белого движения в России в период Гражданской войны, духовно-нравственным истокам Белого дела.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Ответственный редактор	А. В. Терещук
Компьютерная верстка	М. Ф. Бекетов
Корректор	Е. А. Миллер

Некоммерческое партнерство
Издательское, исследовательское и просветительское
содружество «Посев».
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, пом. 96.
Тел./факс (095) 925-92-48
E-mail: posev@online.ru

Лицензия Государственного комитета по печати РФ
ЛП № 066807 от 29.07.1999

Подписано в печать 19.06.2002.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 10,23.
Уч.-изд. л. 11,05. Тираж 700 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в типографии Издательства Санкт-Петербургского университета.

ISBN 5-85824-140-9

© Содружество «Посев», 2002

© Авторы материалов, 2002

Содержание

К читателю (<i>А. В. Терещук</i>)	5
<i>Протоиерей Георгий Митрофанов</i> Духовно-нравственное значение Белого движения	8
<i>Б. С. Пушкарев</i> Врангель в Крыму	18
<i>В. Ж. Цветков</i> Земля и земство – основы Белой России	25
<i>Л. А. Молчанов</i> Опыт пропаганды идеологии Белого движения: успехи и просчеты (1918–1920 гг.)	44
<i>Р. Г. Гагкуев</i> Источники комплектования и социальный состав Русской армии генерала П. Н. Врангеля. (Марковские и корниловские части)	52
<i>А. А. Бобков</i> Красный террор в Крыму. 1920–1921 гг.	72
<i>И. И. Руденко-Миних</i> Дроздовский и дроздовцы: «Крестоносцы распятой Родины...»	80
<i>Н. И. Дмитриев</i> Экономические перспективы России глазами правительства адмирала А. В. Колчака	90
<i>К. О. Орлов</i> Путь русского офицера: очерк о братьях Перхуровых	103
<i>А. Г. Матрошилин</i> Жизнь – Родине, честь – никому	113
<i>И. Ю. Шауб</i> Русские писатели и Белое дело	118
<i>М. В. Ветрова</i> Трагедия Гражданской войны в творчестве Ивана Шмелева и Бориса Зайцева	127
<i>А. В. Меснянко</i> Образ русского офицера в произведениях П. Н. Краснова	136

<i>А. В. Александрова</i>	
Революция и Белая идея в философских исканиях И. А. Ильина	143
<i>К. М. Александров</i>	
Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России	152

К читателю

Более восьми десятилетий минуло с тех памятных осенних дней 1920 года, когда берега Крыма покинули части Русской армии генерала П. Н. Врангеля и гражданские беженцы. Под торжественные звуки Преображенского марша с Родиной попрощались люди, для которых Белая идея была последней надеждой на возвращение прежней России — независимой, могущественной, единой.

Перед современным российским обществом сегодня стоит невероятно трудная, но, безусловно, выполнимая задача: всемерно способствовать возрождению страны, ее будущему процветанию. Эта задача не может быть решена без серьезного изучения опыта исторического прошлого, в том числе — драматических событий Гражданской войны, которые, увы, пока исследованы явно недостаточно, как в фактическом, так и в концептуальном отношениях. Свой посильный вклад в изучение исторического материала, идейного наследия Белого движения, не утратившего актуальности для России, перешагнувшей рубеж XXI столетия, внесла Международная научная конференция, организованная московским издательством «Посев» и проведенная 1–4 октября 2000 года в Севастополе.

В конференции приняли участие ученые и общественные деятели Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Николаева, Феодосии, Трускавца, Севастополя. Всего было заслуша-

но 22 доклада и сообщения, посвященных разным аспектам истории Гражданской войны, главным образом на Юге России. В поле зрения участников конференции оказались проблемы, связанные с малоисследованными страницами истории Белого движения, с историческими и нравственными исканиями лучших представителей творческой интеллигенции, таких как И. А. Ильин, И. С. Шмелев, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, А. Т. Аверченко и др. Особый интерес представляют сообщения, в которых подвергнуты научному анализу социально-экономические аспекты программ и практической деятельности антибольшевистских правительств, в первую очередь на Юге и в Сибири. Большой резонанс среди участников конференции и заинтересованных слушателей вызвали доклады известного общественного деятеля Б. С. Пушкарева, посвятившего свое выступление конструктивным начинаниям П. Н. Врангеля в Крыму и поделившегося соображениями о непреходящей ценности исторического опыта, а также ведущего преподавателя Санкт-Петербургской Духовной академии протоиерея Георгия Митрофанова, который всесторонне проанализировал Белое движение как духовно-религиозный феномен.

Своеобразие конференции, особый характер завязавшихся дискуссий были в определенной мере обусловлены участием в «Севастопольских чтениях» главных редакторов ряда исторических и обществен-

но-политических периодических изданий. Среди участников конференции были: В. Ж. Цветков (альманах «Белая гвардия»; Москва), Н. И. Дмитриев (альманах «Белая армия. Белое дело»; Екатеринбург), А. Ю. Штамм (журнал «Посев»; Москва), А. В. Терещук (журнал «Новый Часовой», альманах «Русское прошлое»; Санкт-Петербург).

Участники конференции присутствовали на панихиде по вождям Белого движения, отслуженной во Владимирском военно-морском соборе Севастополя, возложили цветы к мемориальному знаку «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Родину в ноябре 1920 года» на знаменитой Графской пристани.

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли наиболее интересные материалы, полноценно отражающие тематический спектр конференции, ставшей заметным событием научной и общественной жизни современной России.

*А. В. Терещук,
доцент С.-Петербургского государственного
университета, главный редактор журнала
«Новый Часовой» и альманаха «Русское прошлое»*

Духовно-нравственное значение Белого движения

Обоснованность рассмотрения Белого движения как духовно-религиозного феномена русской истории связана прежде всего с тем, что его главного противника, большевизм, следует воспринимать прежде всего не как политическую идеологию и не как экономическое учение, которое по каким-то причинам овладело массами, но прежде всего как величайший духовно-исторический соблазн, который, к сожалению, сумел овладеть умами значительной части русского народа. В истории многих народов в XX в. та или иная идеология становилась не просто временным заблуждением, но тем, что можно было бы назвать духовно-историческим соблазном. Однако история России XX в. демонстрирует нам то, что кажущаяся утопической политическая система, выработанная даже вне пределов России, получает статус своеобразной религии, которая овладевает массами.

Глобальный утопизм большевизма является проявлением именно этого стремления данной идеологии выступать в качестве новой религии. Но религии, в которой отсутствует Бог. Тоталитарный характер большевизма, его стремление овладеть умами, сердцами, всеми сторонами жизни народа, является проявлением намерений коммунизма утвердить в народе новую, обезбоженную и, вместе с тем, обезчеловеченную псевдоцерковь, которая в условиях секуляризованного общества XX в. принимает характер тоталитарного государства.

В русской религиозной философии немало было сказано очень верных слов о том, что коммунизм в истории России выступает именно в качестве религиозного соблазна. И именно с этой точки зрения следует рассматривать те движения, которые имели место в русской истории, которые выступали в то же время в качестве не только политической, но, прежде всего, духовно-исторической альтернативы большевизму.

То, что большевизм, ставший в русской истории проявлением коммунистической идеологии и заметно повлиявший в XX в. на развитие многих народов, является попыткой тоталитарно означить и религиозно изменить сознание общества, достаточно очевидно при рассмотрении событий прошлого столетия. Везде, где коммунизм пытается осуществить себя в полной мере, он вступает в конфликт с религиями, прежде всего с христианством, но не только с ним. Именно поэтому противостояние коммунизму в полной мере не может ограни-

чиваться противостоянием военно-политическим, и чрезвычайно важно отметить то, что русское Белое движение, которое впервые в столь глобальном и непримиримом конфликте столкнулось в истории человечества с коммунизмом в его большевистской форме, выступило, вместе с тем, как движение не только военное, не только политическое, но и как движение религиозное.

Чтобы проиллюстрировать эту кажущуюся парадоксальной мысль, следует обратиться к русскому философу, который, пожалуй, наиболее последовательно пытался осмыслить феномен Белого движения именно религиозно-философски и сформулировать его религиозное значение. Пытаясь оценить Белое движение с этой точки зрения, он также ставил вопрос о религиозном содержании коммунизма, о том, что революция в нашей стране явилась воплощением духовно-исторического соблазна для русского народа. «За всей внешней видимостью революции, – писал Иван Александрович Ильин, – от анкеты до расстрела, от пайка до трибунала, от уплотнения до изгнания эмиграции, от пытки голодом, холодом, унижением и страхом до награбленных богатств и посягания на мировую власть, – за всем этим укрывается один смысл, единый, главный, по отношению к которому все есть видоизменение, оболочка, наружный вид. Этот смысл передается словами: духовное искушение. От этого искушения в России не ушел никто, это испытание достигло всех – от государя до солдата, от Святейшего Патриарха до последнего атеиста, от богача до нищего; и каждый должен быть в этом небывалом испытании, стать перед лицом Божиим и заявить о себе – или словом, которое стало равносильно делу, или делом, которое стало равносильно смерти.»

За этими звучащими более чем выразительно словами скрывается то, что позволяет действительно говорить о Белом движении, противопоставившем себя коммунизму, как движению, имеющему свою, противоположную коммунизму, противоположную большевизму духовную подоплеку. Действительно, для многих участников Белого движения, независимо даже от характера их личной религиозности, их личной воцерковленности, борьба с большевизмом приобретает характер духовного, религиозного, нравственного противостояния. И вот в этой борьбе, именно потому, что уже на изначальных ее этапах для многих она представлялась борьбой, обреченной на историческую неудачу, особое значение имеет фактор экзистенциального выбора личностью своей позиции в противостоянии коммунизму, именно как духовно-историческому соблазну. В такого рода противостоянии уже не имеет значения – победишь ты или потерпишь поражение. Важно то, что ты пытаешься сопротивляться, ибо отсутствие сопротивления есть не подлежащий прощению грех.

Опять обратимся к И. А. Ильину: «По глубокому смыслу Белая идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная. Это есть идея борьбы за дело Божие на земле, идея борьбы с сатанинским началом в его личной и в его общественной форме. Борьба, в которой человек, мужаясь, ищет опоры в своем религиозном опыте. Именно такова наша Белая борьба. Ее девиз: «Господь зовет, сатаны убоюсь ли?».

При этом не стоит убеждать себя в том, что большевики являются какими-то сознательными сатанистами. Нет, под обличем примитивного безбожия, вульгарного атеизма скрывается действительно сатанинская воля, которая проявляет себя, пусть и в секуляризованных формах, весьма разрушительно. Именно эта удивительная духовно-историческая трезвость, которая была присуща многим участникам Белого движения, позволяла им опять-таки независимо от их личной религиозности распознать в большевизме явление, противостоять которому нужно было на всех уровнях борьбы: не только военно-политической, но, прежде всего, – духовной и нравственной.

Формулируя религиозный статус Белого движения, я бы отметил в качестве основной отличительной черты его духовно-историческую трезвость. Действительно, случилось так, что значительная часть нашего народа потеряла способность духовно трезво осмысливать собственную историю, обстоятельства современной им жизни. А впадение в прелесть представляется одним из самых больших соблазнов. Я сейчас не останавливаюсь конкретно на тех соблазнах, которые предлагал большевизм массовому народному сознанию, отмечу лишь одну очень важную деталь: как справедливо отмечали наши философы, русский народ чаще был склонен обольщаться не дьяволом, а Антихристом. А Антихрист от дьявола отличается именно тем, что он выступает как величайший благодетель человечества, чаще всего – защитник униженных и оскорбленных.

Это – глубинная тема большевизма, когда от его имени выступают люди, поразительно не напоминающие народных вождей – достаточно вспомнить в этой связи физиогномику Ленина и Троцкого, по сравнению, скажем, с внешностью Алексеева и Деникина. Так вот, несмотря на эту физиогномическую разницу, позволяющую нам обнаружить именно в Белых вождях представителей традиционной народной жизни, а в их красных оппонентах – великих искусителей, творящих утопию из ничего, вот в этом удивительном соблазне, в этой подмене одних другими, заключается, может быть, то, что традиционно рассматривалось в религиозной жизни России как своеобразный антихристов соблазн.

Тем важнее было то, что лидеры Белого движения не обольстились тем, что предлагала распадавшейся тогда России большевистская

партия, большевистская идеология. Действительно, примитивность тех соблазнов, которые предлагали народу Ленин и Троцкий, иллюзия мира, земли и воли, за которыми следовали реальный террор, реальный голод и реальная война, очевидность этой иллюзии показывает нам, что в тот период времени подвиг Белого движения заключался именно в том, что приходилось не только распознавать зло большевизма, но и преодолевать сомнения, связанные с тем, что это зло не распознается основной массой русского народа. Белое движение было движением не только против утопии, которая не просто соблазняла русский народ, но разрушала его душу, извращала его суть, но и движением, направленным против основной массы народа, который не стремился активно противостоять злу.

Религиозный характер Белой борьбы проявлялся не только в духовно-исторической трезвости Белого движения, но и в духовно-нравственной самоотверженности, которая была характерна как для образа мысли, так и для образа жизни его участников. Их борьба была, прежде всего, жертвенным служением России, а отнюдь не являлась борьбой за сохранение или приобретение каких-то земных благ и привилегий. Традиционный большевистский стереотип о том, что Белое движение состояло из людей, защищавших собственные поместья и фабрики, представляется совершенно несостоятельным. Даже по подсчетам советских историков, подавляющее большинство участников Добровольческой армии и ее руководителей не имело недвижимого имущества вообще. Их служение было в высшей степени бескорыстным, на борьбу их подвигала та особая духовная реальность, которая у них связывалась со словом «Россия». В то же время движущей силой сторонников большевиков было как раз стремление приобрести отсутствовавшие у них материальные привилегии. И с этой точки зрения духовный характер Белого движения не нуждается в обосновании, хотя мы можем привести немало примеров личного аскетизма руководителей Белого движения, чем особенно отличался, в частности, генерал Деникин.

Подобно тому как религиозный характер жизни личности преодолевает фатальность индивидуальной смерти, религиозный характер Белой борьбы обуславливает преодоление того временного военнополитического поражения, которое потерпело Белое движение и перспектива которого была ясна очень многим его руководителям. Достаточно вспомнить деятельность в Крыму генерала Врангеля, осознававшего обреченность защиты Крыма и, тем не менее, видевшего в сопротивлении большевикам исполнение своей духовно-исторической миссии по отношению к собственному народу.

Здесь я опять обращаюсь к Ильину, который писал, имея в виду эту черту Белой борьбы, черту, которую можно было бы назвать нравственной победой, одержанной в условиях военно-политического поражения: «Здесь человек закладывает камень своего алтаря, своего жизненного храма и сам становится неодолим для врат ада, посылающих соблазны и страхи. Человек уже победил, еще не победивши, и останется победителем, если даже умрет, во внешней видимости пораженный. Побеждает тот, кто соглашается потерять все свое, для того, чтобы спасти что-то Божие. Вот такова победа русской национальной Белой армии».

Подлинно религиозный характер основополагающих принципов и доминирующих умонастроений Белого движения ярко проявляется при сопоставлении их с лжерелигиозным характером основополагающих принципов и доминирующих умонастроений большевизма. Попытаемся наметить ряд подобного рода антиномий.

Для Белого движения было характерно отстаивание традиций – религиозной, государственной, национальной. Для некоторых участников Белого движения та или иная традиция, может быть, имела большее значение. Для кого-то – национальная, для кого-то – религиозная, для кого-то – государственная или даже просто военно-патриотическая. Для большевизма же характерно разрушение этих традиций. Ощущение того, что за Белым движением стоит целая эпоха – девятисотлетняя история России, которая, собственно, не нуждается в пропагандистском утверждении, которая должна осознаваться и переживаться всеми участниками Белого движения без всякого рода нарочитой пропаганды, противостоит ощущению большевиков. Они не живут прошлым, для них не существует прошлого, да и настоящее для них ценно постольку, поскольку оно открывает дорогу «в светлое будущее». Они готовы превратить настоящее в ад, предать забвению прошлое, дабы утвердить утопический идеал «светлого будущего». Устремленность же Белого движения к прошлому не является каким-то узким консерватизмом, это, наоборот, ощущение своей причастности к многовековой ретроспективе русской истории, без которой, собственно, не существует русского народа как народа. Данная черта совершенно отсутствует у большевиков. Итак, с одной стороны – отстаивание традиций, с другой стороны – их разрушение.

Еще одна выразительная антиномия. Для белых характерно тяготение к цельному, многомерному образу мысли, мироощущения и жизни. В то же время для красных – тяготение к упрощенному и одномерному образу мысли, мироощущения и жизни. Действительно, даже рядовые участники Белого движения при сравнении их с боль-

шевиками поражают и по сей день сложностью своего мировоззрения. Да, оно подчас исполнено противоречий, сомнений, антиномий, но как противостоит оно примитивному, лишенному часто элементарной способности к саморефлексии мироощущению большевиков. Хочу подчеркнуть, что это стремление к сложному мироощущению отнюдь не предполагает какой-то развинченности. Цельность – не менее характерная черта Белого движения.

Пусть это прозвучит парадоксально, но мы можем обозначить еще одну антиномию. Для белых свойственны волевой характер, стремление к свободе, для красных, наоборот, – безволие и бесхарактерность, близкие деспотизму. Именно потому Белое движение и тяготеет к свободе, что оно состоит из людей, способных к индивидуальной личностной самоорганизации. Красные, упиваясь стихией бунта, стихией воли, на самом деле проявляют безволие и бесхарактерность, которые ищут себе прибежища в деспотизме.

Еще одна характерная нравственная антиномия для двух лагерей Гражданской войны. Самоотвержение и бескорыстие большей части участников Белого движения. Не будь этого самоотвержения и бескорыстия, Белое движение просто не достигло бы тех размеров, которые оно приобрело в период Гражданской войны. И одновременное самоутверждение и своекорыстие большевиков. Самоутверждение в желании экспроприировать «буржуя», занять его дом, захватить его имущество. И своекорыстие, идущее рядом с этим постоянным самоутверждением.

Наконец, еще одна весьма характерная черта. Исполненный нравственной ответственности реализм восприятия белых – для этого достаточно обратить внимание на очень сдержанную и лаконичную пропаганду белогвардейцев: они никогда ничего не обещали сверх того, что могли предложить реально, тем самым разочаровывая значительную часть населения страны. При этом нравственная безответственность утопических обещаний красных, ориентирующихся на присущую нашему национальному характеру мечтательность в отношении жизни. Они обещали абсолютно все, что хотели получить массы, совершенно не задумываясь над тем, будут ли у них какие-нибудь объективные условия, чтобы свои обещания выполнить. Вот почему пропаганда красных оказывалась более эффективной, вот почему она могла привлечь гораздо большее количество народа – именно потому, что она обращалась к их затаенным, по преимуществу низменным чаяниям.

В этой связи возникает вывод, который можно было бы сформулировать следующим образом: безусловно, и Белое движение, и большевизм выступают как явления органичные для русского национального характера. Каждое из них являет нам лишь одну из сторон этого

характера. При этом парадигма белого сознания преодолевает недостатки русского национального характера, утверждая его достоинство, а парадигма красного сознания по существу предполагает усугубление, утверждение недостатков русского национального характера и нивелирование, поприение его достоинства. Эта обращенность большевизма к низменным сторонам народной души и привлекала к нему значительные слои русского народа. Она, по существу, и сделала неизбежным поражение Белого движения, которое апеллировало к традиционным церковным и государственным символам, потерявшим былое значение для русского народа. По существу, успех большевизма был обусловлен одним: грешить легче, чем исполнять свой духовный, религиозный, нравственный долг. Легкость греха, его ненаказуемость привлекала к большевикам значительную часть народа.

Именно поэтому, говоря о Гражданской войне, приходится констатировать ту печальную истину, которую не хотели признавать многие участники Белого движения: поражение белых в этой войне стало не только результатом неприятия большинством народа этого движения, но стало величайшим грехопадением нашего народа.

Показательно что, как вожди, так и рядовые участники Белого движения, анализируя уже в эмиграции причины собственных поражений, нередко искали их в самих себе. Очень немногие из них решались на то, чтобы признать прямо и откровенно, что победа красных была не результатом каких-то объективных военных, экономических, политических условий Гражданской войны или субъективных ошибок руководителей Белого движения, но результатом того, что Белое движение, вобравшее в себя в значительной степени лучшую часть нашего народа, не нашло отклика в сознании большинства, которое искусилось тем самым духовно-историческим соблазном, которым стал большевизм в русской истории.

В этой связи мы сталкиваемся с очень важной темой, которую можно было бы сформулировать как народопоклонство русской культуры, русской интеллигенции, русской исторической жизни. Действительно, люди самых разных политических убеждений, от монархистов до социалистов, культивировали в России на протяжении многих десятилетий убеждение, что народ является высшим носителем истины, и любая попытка противостоять народу обрекает противостоящих ему людей на отстаивание заблуждений. «Народ всегда прав». И, безусловно, для многих деятелей Белого движения постепенно обнаруживавшаяся в годы Гражданской войны пассивная позиция русского народа, а иногда и активное сопротивление некоторой его части Белому движению, была поводом для

мучительных и в общем-то бесплодных раздумий о собственной правоте.

Подчеркивая религиозный характер Белого движения, подчеркивая, что оно отличалось духовно-исторической трезвостью, все-таки рискну предположить, что и для него характерен этот рудимент народопоклоннического сознания, характерный в целом как для русской интеллигенции, так и для русской культуры вообще. Что, кстати, впоследствии выразится в развитии евразийства в Белом движении, когда утвердилась мысль о том, что народ, отвергнувший белых и признавший большевиков, оказался прав, а значит, надо быть с народом.

В этой связи хочется отметить следующее. Подобного рода рудимент стал результатом, на мой взгляд, достаточно давней расцерковленности сознания нашего образованного класса. Действительно, Церковь Христова, основанная именно на том, что Христос был не просто человеком, тем более не человеком из народа, а Богочеловеком, не допускает такого рода упования на какого-либо человека, даже на совокупность людей, называемых народом. И близкая история дает нам удивительные примеры того, насколько часто богоизбранный народ отпадает от религиозной истины. Очень часто церковное учение, как, впрочем, и церковная история как таковая, являют нам примеры того, как единицы оказываются религиозно правы в противостоянии с массой своих единоверцев и единоплеменников. Этот недостаток религиозного видения происходивших в России событий во многом мешал участникам Белого движения мужественно воспринимать этот действительно трагический для них парадокс. Парадокс того, что им приходилось выступать в противостоянии с основной массой собственного народа. Мысль о том, что право может быть меньшинство, что религиозная истина – достояние немногих, нередко отсутствовала в их восприятии событий Гражданской войны.

В этой связи особое значение имеет позиция Церкви, в частности патриарха Тихона, который за годы Гражданской войны прошел очень сложный путь от безусловного противника большевиков до, не хочу сказать сторонника, но до иерарха, занявшего позицию лояльности по отношению к большевистской власти – победившей и ставшей в стране единственной формой правления. Его позиция, его послания, начиная с посланий 1918 г. и заканчивая посланиями 1920 г., позволяют нам видеть, как за годы Гражданской войны не склонный обольщаться этой априорно присутствующей в народе религиозной истиной, Святейший патриарх был вынужден изменить свою позицию. Но это тема уже другого разговора, позволяющая нам, впрочем, понять, насколько необходима эк-

клезиоцентричная точка отсчета для понимания и восприятия событий Гражданской войны.

Итак, Белое движение потерпело поражение, поражение военно-политическое, но оно лишь подчеркнуло апофатический в истории характер их духовно-нравственной победы над большевизмом. Россия не вся отдалась утопическому соблазну коммунизма. В ней нашлись силы, способные уже тогда распознать его зло. И, лишенные возможности сопротивляться злу силою, многие представители русской эмиграции, белой эмиграции, ибо она вбирала в себя не только участников Белого движения, но и многих идеологов Белого движения, представителей белой эмигрантской интеллигенции, в последующие 20–40-е гг. смогли дать очень верное восприятие происшедшей в России Гражданской войны как конфликта двух по существу духовных сил русской истории. Возможно, странно прозвучала бы для участников Ледяного похода точка зрения, сводившаяся к тому, что там, в Кубанских степях, эти, часто совсем юные, белогвардейцы выступали в качестве прямых продолжателей подвижников созидателей Святой Руси. Но, вместе с тем, не будучи сформулированной столь религиозно, столь радикально в те годы, эта точка зрения, к которой склонялись взгляды подчас очень разных представителей русской эмиграции – от Ильина и Струве до Федотова и Степуна, позволяет нам, по существу, увидеть самое главное. Гражданская война в России представляла собой войну религиозную, в этой религиозной войне очень часто религиозно осмысливавшее себя Белое движение выступает как начало, утверждающее жизнь, а большевизм, без всяких претензий на то, чтобы быть религией, – как антихристианская, по сути дела сатанинская, сила, которая посредством утопии эту жизнь, данную Богом, уничтожает. Белое движение утверждает вечный религиозный смысл России, большевизм – отрицает его.

И с этой точки зрения чрезвычайно важным для нашей современной эпохи представляется признание того важного факта, что разрешение многих проблем как нашей культуры, так и нашей государственной жизни должно сводиться к очень четкому осознанию того, какого рода преемственность мы обнаруживаем в нашей современной жизни, по отношению к чему мы осознаем себя преемниками, продолжателями чего мы являемся. Нельзя согласиться с дьяволом и примириться со злом. Поэтому чем последовательней и четче наши современники будут осознавать себя продолжателями дела тех, кто стоял у истоков Белого движения и продолжал утверждать Белую идею почти четверть века, создавая замечательную культуру Русского Зарубежья на уровне богословском, философском, художественном, эсте-

тическом, даже общественном, тем скорее мы сможем возродить ту традицию, на защиту которой встало Белое движение и которую попытался уничтожить большевизм. Попытка же осознавать себя одновременно продолжателями и белых, и красных означает по существу лукавое стремление избавиться себя от труда принять на себя духовно-историческое бремя, быть продолжателями того самого Белого движения, которое, потерпев в 1920 г. военно-политическое поражение, одержало ту духовно-историческую победу, которая должна быть положена в основу возрождения России в наши дни.

Врангель в Крыму

Были в XX веке события, определившие весь дальнейший ход истории. Сегодня мы с вами в Севастополе отмечаем 80-ю годовщину одного такого события. Отсюда 15 ноября 1920 г. 145 тысяч воинов Русской армии и гражданских лиц в образцовом порядке на 126 судах навсегда покинули Родину. Они образовали костяк «Зарубежной России», которая за три четверти века пережила советскую власть. Скажу сразу, что для меня это время и это место имеют и личное значение. В Севастополе 80 лет назад после тяжелого ранения в бою выздоравливал мой отец. Здесь он служил сначала в Управлении начальника авиации, потом на бронепоезде «Офицер», действовавшем на Сивашской дамбе. Здесь он вел дневник, впервые опубликованный в этом году стараниями В. Ж. Цветкова в нашем альманахе «Белая гвардия» (№ 3). Отсюда отец отплыл в эмиграцию – в числе тех 145 тысяч.

Хочу подчеркнуть и то, что конец Белого Крыма отнюдь не был концом Гражданской войны. Война после этого шла еще 2 года – и на Дальнем Востоке, и в виде народных восстаний по всей России: Тамбовского, Западносибирского, Забайкальского и других, вплоть до Кронштадтского. Народные восстания, в борьбе с которыми Красная Армия понесла примерно четвертую часть своих боевых потерь, добились частичной победы в Гражданской войне – они заставили Ленина объявить НЭП. Тем не менее семь месяцев правления Врангеля в Крыму остаются явлением, как теперь принято говорить, знаковым.

Разбитые части Вооруженных сил Юга России Врангель сумел в два месяца переформировать в боеспособную армию, которая успешно вырвалась из «крымской бутылки» и пять месяцев дралась с намного превосходящими силами противника в Северной Таврии.

Врангель был не только выдающимся военачальником – он совмещал в себе таланты крупного политика и администратора. Исправляя ошибки двух предыдущих лет, он навел порядок в гражданской администрации и провел две коренные реформы: прежде всего аграрную, закреплявшую за крестьянами землю в собственность, а также учредил местное самоуправление. В национальной политике упрощенное понятие «единой и неделимой» России уступило при нем идее федеративных отношений с Украиной и с народами Кавказа.

Крым при Врангеле стал наиболее зрелым прообразом той пореволюционной России, которая бы вышла из Гражданской войны в случае победы над большевиками. Ни о какой «реакции» или «реставрации» дореволюционных порядков не было речи, Врангель стремился «закладывать основы Новой России»... Именно поэтому его политическое наследие актуально для нас сегодня.

Этим двум темам — военно-историческому анализу и значению политического наследия Белого движения для нынешнего государственного строительства посвящено большинство докладов нашей конференции. Чтобы не опережать наших докладчиков, я не буду далее в эти темы углубляться. Я хочу затронуть две другие темы: о Белом движении в перспективе XX века и о роли политиков в Гражданской войне.

О Белом движении в перспективе XX века

В сентябре 1919 г. Ленин писал: «Не понять даже теперь, что идет в России (и во всем мире начинается или зреет) Гражданская война пролетариата с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот». В нашей Гражданской войне Ленин видел, прежде всего, пролог мировой революции. Соответственно и Врангель в июле 1920 г. заявил: «В Европе, по-видимому, уже начинают понимать все мировое значение нашей домашней распри». Воины Белых армий, попав на Запад, не только показали, что были в нашем народе силы, отказавшиеся сдавать Россию большевикам без боя. Они были убеждены, что хотя и проиграли Гражданскую войну, но защитили Европу от большевизма. (Мой отец как историк разделял эту точку зрения.) Политические условия в Европе после Мировой войны были крайне неустойчивы, «советские республики» возникли в Венгрии и в Баварии, в Польше Красную Армию еле-еле остановило «чудо на Висле». Но основные силы Красной Армии были связаны на фронтах Гражданской войны, и Европа получила передышку.

Если допустимо думать о том, что было бы, если бы Белого движения вообще не было (победы красных в Европе), то тем более допустимо думать и об обратном: а что, если бы Белое движение победило? Вдумаемся в эту возможность. Не было бы катастрофы коллективизации, уничтожившей огромные людские и экономические ресурсы. Без нее и сельское хозяйство, и промышленность достигли бы к 1940 г. значительно более высокого и сбалансированного уровня, чем в надрые первых пятилеток. Это теперь доказано эконометрическим анализом, мы об этом писали в «Гранях» (№ 136 за 1985 г.). Не было бы террора 1930-х и 1940-х гг., не было бы ГУЛАГа, не было бы потери

100 миллионов населения погибшими и неродившимися. Не было бы подавления российской науки и культуры, не было бы разрушения права и моральных устоев нации, не было бы разрушения Церкви, которая бы развивалась на путях, предначертанных Собором 1917–1918 гг. Не было бы эмиграции миллиона русских людей, преимущественно интеллигенции, за границу. Россия, даже в нынешних границах Федерации, имела бы вдвое больше населения и была бы многократно сильнее экономически. Вся мировая история пошла бы иными путями. Вероятно, не было бы прихода Гитлера к власти. Ведь привел его к власти не только чаемый реванш за Версаль, но и страх немцев перед тем, что Гитлер называл «иудо-большевизмом». К тому же, Гитлер строил свой тоталитаризм по ленинскому образцу, привлекательность которого стала бы сомнительной, если бы Ленин был побежден. Но даже в случае прихода Гитлера к власти, прочный союз России и западных держав не дал бы ему начать Вторую мировую войну, которую Сталин, наоборот, развязать стремился. Не было бы невообразимых потерь, вызванных этой войной. Не было бы атомного оружия, а выход в космос не имел бы милитаристской подоплеки, хотя и был бы, вероятно, значительно более поздним. Ведь и атомное оружие, и мощные ракеты – продукт Второй мировой войны, до тонкостей усовершенствованный в войне «холодной». Не было бы и самой этой войны, и сорокалетней гонки вооружений. Нельзя забывать и про огромные человеческие жертвы, разрушение всего уклада жизни в десятках стран, от Афганистана до Эфиопии, где советская власть тогда пыталась «строить социализм».

Мне могут возразить с помощью избитого клише: «История, мол, не знает сослагательного наклонения». Или проще: «Если бы да кабы, да во рту росли грибы...». Но примитивный взгляд, заключенный в формуле: могло быть только то, что было, игнорирует причинно-следственные связи в истории. Если мы признаем, что были некие причины, которые привели к определенным последствиям, то надо признать, что изменение этих причин вызвало бы и иные последствия. Более того, любая оценка какого-либо состояния требует сравнения с другим, возможным состоянием. Я купил что-то выгодно или не выгодно по сравнению с тем, как мог бы купить. Оценить события можно только, если у нас есть убедительные модели альтернативного развития. Потому контрфактическая история – занятие отнюдь не праздное, если оно опирается на жесткий анализ причин и следствий. Нравственное его значение в том, что оно учит ответственно просчитывать результаты принимаемых решений, видеть многовариантность будущего.

В свете объявленного самим Лениным международного характера Гражданской войны в России, очень уж нелогично звучали жалобы позднейших советских авторов на помощь Антанты белым войскам. «Интервенция» эта была на самом деле крайне ограниченной и неэффективной. Зато позже тратиться пришлось очень серьезно, особенно американцам в эпоху «холодной войны», которая, конечно же, была продолжением мировой гражданской, начатой Лениным в октябре 1917 г. Какие-то крохи от этих американских затрат перепали и российской оппозиции – продолжателям Белого дела – на что, опять же совершенно напрасно, жаловались коммунисты. Сигнал о капитуляции в мировой гражданской войне поступил из Москвы через 70 лет после ее начала, когда М. С. Горбачев в «Правде» от 17 сентября 1987 г. объявил об отказе от «классовой борьбы» в пользу общечеловеческих ценностей. Отказ от претензии на мировое господство вскоре повлек за собой крушение диктатуры КПСС, а затем и Советского Союза – «государства нового типа», созданного как инструмент для завоевания мира, как прототип всемирного союза социалистических республик. Логика причин и следствий здесь оставалась железной, нельзя было соблазняться толкованием СССР как российского государства, которым он никогда не был. Именно белая эмиграция 70 лет не уставала повторять, что «СССР – не Россия». Поэт Белого движения Н. Кудашев писал:

Мы первыми подняли знамя,
Мы первыми вынули меч,
Изгнания годы за нами
И горькая слава предтеч.

О роли политики в Гражданской войне

О причинах неудачи Белого движения написано много, в первую очередь его же вождями – Деникиным и Врангелем. Белые наступали разрозненно, с периферии – с Дона и Кубани, из Сибири, из Прибалтики, из Архангельска... У Троцкого же было преимущество центральной позиции, царских военных складов, центральных железнодорожных узлов, жестко централизованного командования, беспощадного и безоглядного. Но это, отчасти, только метафора. Не менее серьезной была раздробленность политическая и социальная, наследие тех терзавших общество разрывов, которые привели к крушению империи в Февральской революции. Крайне правые монархисты, во главе с депутатом думы Марковым, не хотели иметь дела с Белым движением, видя в нем «февралистов». Левая же «революционная демокра-

тия», видя в лице белых генералов только «реакцию» и «диктатуру», выдвинула якобы принципиальный, но на самом деле гибельный лозунг: «Ни Ленин, ни Колчак». Крестьянская масса в большинстве своем хотела только одного: чтобы ее оставили в покое и не втягивали в Гражданскую войну. В условиях полной политической разногласности в стране генерал А. И. Деникин полагал, что во имя единства армии последняя должна оставаться вне политики. Т. е. большевиков надо победить военной силой, а потом уже любое свободно избранное законодательное собрание будет решать политические вопросы.

Но Гражданская война — война политическая. От политики зависит, на чью сторону человек встанет, на твою или на сторону противника. Потому в ней армию от политики отделить невозможно. Армия Деникина наступала, ее встречали как освободительницу цветами и благодарственными молебнами. Потом армия шла дальше, а в ее тылу начинался хаос, спекуляция, реквизиции, самоуправство. Ни административных кадров, ни органов самоуправления как следует подготовлено не было. В теории все белые правительства и в Сибири, и на Юге, и, в особенности, Северо-западное и Северное, в разной мере признавали захват крестьянами помещичьих земель, происшедший в 1917–1918 гг. Ни одно из них не ставило себе задачу возвращения помещикам их имений. Но соответствующее законодательство разрабатывалось слишком медленно, чтобы иметь практическое значение в быстротекущих военных событиях. Тем временем на местах порой процветало самоуправство, идущее наперекор официальной политике. Так что крестьянам эта политика вовсе не была ясна, они не знали, чего ожидать от белых. Закон Врангеля от 25 мая 1920 г. закреплял за крестьянами в их личную собственность все земли, фактически находившиеся в их «распоряжении», при условии ежегодной выплаты государству 1/5 части урожая зерновых. Крестьяне, закрепившие землю в собственность, освобождались от власти общины. Увы, закон Врангеля был принят тогда, когда у Врангеля было слишком мало территории, и крестьяне уже не могли быть уверены в прочности белого правительства. Такой закон мог решительно изменить обстановку двумя годами ранее, когда началась первая волна крестьянских восстаний против ленинских продотрядов и продразверстки в Центральной России и Поволжье. Но тогда в Добровольческой армии, вернувшейся из Первого кубанского похода, некому было думать об аграрной реформе.

Логично дополнявшим закон о земле был закон Врангеля о волостном земстве, призванный заменить народным самоуправлением на местах как безвластие, возникавшее после упразднения советов на занятой белыми территории, так и произвол случайно назначенных,

некомпетентных чиновников. Ведущая идея Врангеля выражена в его известных словах: *«Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»*. Но, повторим еще раз, осуществлять этот замысел летом 1920 г., когда Красная Армия достигла многократного численного превосходства, было уже поздно.

Неспособность Белых армий своевременно, авансом, а не в неопределенном будущем, «после победы», решать насущные политические вопросы правопорядка и устройства повседневной жизни в тесном союзе с крестьянским большинством населения по праву расценивается как одна из основных причин крушения Белого движения. Неспособность эта объясняется как унаследованным еще от царских времен недостатком гражданского политического опыта, так и практической трудностью осуществления гражданских реформ в быстро меняющихся военных условиях.

Но эта неспособность вовсе не означает, что у Белого движения, как иногда утверждается, «не было политической программы», кроме как приносить свою жизнь в жертву за Россию. Разработки программы политических действий велись довольно интенсивно почти всеми Белыми правительствами, но не успели получить широкой огласки. Причем характерно то, что, несмотря на разное происхождение, они шли, более или менее в том же направлении. Подобно земельной реформе Врангеля, они в разной мере узаконивали «черный передел», но не на основе «социализации земли», как Ленин и возглавлявшееся Черновым Учредительное собрание, а на основе частной собственности на землю. Они подчеркивали важность местного самоуправления, при временной верховной диктаторской власти в центре. Они признавали необходимость созыва законодательного собрания, но только непартийного, не такого, как собравшаяся в январе 1918 г. «Учредилка». Они, вопреки лозунгу о «Единой и неделимой», прагматически видели необходимость федеративных отношений. Отвлекаясь от вынужденных мер военного времени, они видели важность свободной торговли, рыночных цен и частного владения предприятиями. Они признавали роль профсоюзов, но отрицали нарушающие управление предприятиями фабзавкомы. Признавали, особенно на Севере, в Сибири и в казачьих областях, важность опоры на кооперативное движение.

Через 10 лет после крымской эвакуации все эти идеи были суммированы в «идеологических положениях» Национального союза русской молодежи, собравшегося на свой первый съезд в Белграде и ныне известного как НТС — Народно-Трудовой Союз российских солида-

ристов. Полный текст этого документа приведен в «Посеве» № 7 за 2000 г., а дальнейшее развитие программных положений НТС сделано в книге «НТС: Мысль и дело. 1930–2000». Прямая преемственность этих положений от разработок белых правительств видна не только из сравнения текстов, она была и персональной. Идеальный вдохновитель раннего НТС экономист А. Д. Билимович служил начальником Управления землеустройства и земледелия при генерале Деникине и был автором проекта земельной реформы, которую генерал так и не успел провести. Другой юрист — Г. К. Гинс, который ввел термин «солидаризм» в обиход зарубежной русской общественной мысли, служил секретарем кабинета министров при адмирале Колчаке.

Как уже сказано, в ходе военных действий значительная часть программно-политических разработок белых правительств не успела осуществиться, а порой даже не была оглашена. Прицел был на время «после победы над большевиками»... Но вот прошло три четверти века, в 1993 г. советская власть формально пала, была принята ныне действующая российская Конституция. Элементами исторической преемственности нового государства стали: историческое имя, национальный флаг, Государственная Дума. В наследство от Временного правительства мы получили обстоятельную трактовку гражданских прав, введенное им название «милиция». От Учредительного собрания 1918 г. мы унаследовали принцип федеративной структуры государства. Но где идеи, которые стремились развивать белые правительства и их последователи?

1. Где частная собственность крестьян на землю?
2. Где кооперативное движение, обеспечивающее крестьян-хозяев кредитами и техникой?
3. Где земское самоуправление?
4. Где беспартийное представительство в законодательных палатах?

О последнем стоило бы подумать особо. К нему стремилось Белое движение, чтобы избежать разлагавшего страну «яда партийности», этой темой много лет занимался НТС. Сегодня мы, наоборот, жалуемся, что настоящие партии у нас не складываются. Так, может быть, это и к лучшему? Может быть, именно этим надо воспользоваться?

Земля и земство – основы Белой России

Вот уже 80 лет прошло со дня окончания в ноябре 1920 г. Белой борьбы на юге России. Белый Крым, последняя частичка Белой государственности – «остров Крым», – погиб под натиском красного Интернационала. Тысячи русских людей были вынуждены покинуть Родину, унося с собой не только боль потерь и горечь эмиграции, но и веру в то, что начатая ими борьба с большевизмом не была напрасной, что рано или поздно она завершится не только победой над советской властью, но и становлением новой, Белой России. Эта Россия со временем превратилась в некий светлый образ, постепенно утратила свои реальные черты. Стали говорить и писать только о борьбе «против» коммунистического режима. О том, что была борьба «за», за реализацию определенной политической программы, говорили гораздо меньше. Однако представлять ее, равно как и все Белое движение, только героическим символом ошибочно. Говорить о том, что была только «светлая идея», но не было идеологии – неверно. Черты будущего реально воплотились в жизнь в Крыму 1920 г.

Новый Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (позднее – Главнокомандующий Русской армией) генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель так определял задачу возглавляемой им власти: «...Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»¹. Тем самым провозглашался отказ от заветной цели южнорусского Белого движения еще с 1918 г. – занятия Москвы, декларировалось намерение создать из Крыма своего рода плацдарм, на котором можно было бы реализовать новую политическую программу, создать модель Белой России, альтернативную России большевистской.

Главной частью этой программы стала земельная реформа, рассчитанная на создание новой социальной базы Белого движения, зажиточного и среднего крестьянства, способного снабжать армию и тыл, поддержать Белую власть. Для всех, кто даже немного знаком с историей нашего Отечества начала XX в., известно, что в драматических событиях Февраля–Октября 1917 г. в «борьбе за власть» особенно часто провозглашался лозунг радикальной земельной политики, «черного передела», который якобы даст возможность «измученному не-

посильным, подневольным трудом и безземельем крестьянству» вести «свободное, продуктивное хозяйство». Предлагалось провести полную ликвидацию крупных имений, причем совершенно не учитывалось, что крестьянские хозяйства, даже получив дополнительные участки земли, не смогут сразу же заменить собой разоренные экономии как по общему сельскохозяйственному производству, так и по степени применения интенсивных способов земледелия. В 1917 г. преобладающими оказались идеи аграрной революции, последствия которой сказались как в быстром падении основных показателей развития сельского хозяйства, так и в резком сокращении, запустении плодородных пахотных земель. Ощутимого прибавления земли после произведенного «черного передела» большинство крестьянских хозяйств так и не получило. Те 1–2 десятины земли от разделенных имений не привели к ожидаемому процветанию села. Становилось ясным, что мизерное наделение землей, к тому же землей, не закрепленной в собственность, не разрешит проблем российской деревни.

Необходимость усиления крестьянских хозяйств, закрепления за ними земли на правах собственности составила основу реформ П. А. Столыпина. Но нормальный, эволюционный ход развития российского земледелия был нарушен начавшейся войной и революцией. Белое движение с момента своего зарождения на Юге России (ноябрь 1917 г.), заявив о восстановлении государственного порядка и законности, должно было определить и свое отношение к совершившемуся «черному переделу». Восстановить существовавшие до февраля 1917 г. поземельные отношения уже не представлялось возможным. В этой ситуации перед правительствами генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля вставала задача направить процессы земельных разделов в русло организованной земельной реформы. Об этом говорил в одном из интервью осенью 1919 г. будущий министр иностранных дел Правительства Юга России П. Б. Струве: «Сейчас земельный вопрос сводится к тому, чтобы утвердить крестьянскую собственность. Русская революция должна осуществить столыпинскую аграрную реформу. Я сказал когда-то, что нужно лозунг социалистов-революционеров «в борьбе обрешь ты право свое» окончательно превратить в лозунг «в борьбе обрешь ты право собственности»².

Особое Совещание при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанте А. И. Деникине строило аграрную политику на принципе «непредрешения»: проведение аграрных преобразований предполагалось только после «окончательной победы над большевизмом». Показательны в этом отношении замечания, высказанные в письме бывшего председателя IV Государ-

ственной думы М. В. Родзянко А. И. Деникину: «...считаю своим гражданским долгом предостеречь Вас от рискованного и опасного шага в виде издания земельного закона Вашей единоличной властью... Закон, выработанный случайно собравшимися людьми (имелось в виду Особое Совещание. — В. Ц.), для этой цели не имеющими достаточно народных полномочий, не может быть авторитетным в глазах народа..., а может быть не только бесполезным, но даже вредным для страны...»³.

Официальным документом, определявшим курс аграрно-крестьянской политики Особого Совещания, стало «Предписание Особому Совещанию по земельному вопросу», более известное как «Декларация генерала Деникина о земле». Ее авторство принадлежало Н. И. Астрову, одному из лидеров либерального «Национального Центра». В ней заявлялось о сохранении права собственности на землю, но в то же время, и о наделении мелких и средних крестьянских хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель. Сочетание этих двух, казалось бы, взаимоисключающих принципов, предполагалось провести посредством добровольных сделок купли-продажи земли между крестьянином и помещиком. А по истечении этого периода (от 2-х до 5-ти лет) — через принудительное отчуждение части владельческих земель, но обязательно за выкуп⁴. Для законодательного воплощения провозглашенных Декларацией принципов создавалась особая комиссия под председательством главы Управления земледелия В. Г. Колокольцева (бывшего министра земледелия в правительстве Гетмана Скоропадского), а после его отставки (июль 1919 г.) — профессора Киевского университета А. Д. Билимовича и главы ведомства юстиции В. Н. Челищева.

Деникинское правительство неоднократно заявляло о необходимости развития крестьянских хозяйств. Во всех официальных выступлениях, во всей пропагандистской литературе подчеркивалось, что только интенсификация земледелия, широкая помощь крестьянству инвентарем, доступным кредитом, семенами, удобрениями поможет разрешить проблемы российского села. «Нужно воспитывать в крестьянине хозяина, настоящего собственника, а не поощрять его стремление все поделить и захватить не принадлежащие ему земли», — так оценивал суть требуемой аграрно-крестьянской политики А. Д. Билимович⁵. Будущее представлялось в интересах мелких и средних крестьян-собственников.

Законопроект комиссии А. Д. Билимовича — В. Н. Челищева отличался четкостью юридических формулировок. Им предусматривалось два варианта отчуждения владельческих земель, при которых вводи-

лась погубернская дифференциация: в зависимости от плотности населения и средних размеров крестьянских хозяйств у владельцев отчуждалось большее или меньшее количество земли сокращались сроки начала реформы (до 2-х лет после наступления «гражданского мира»)⁶.

Обсуждение данного законопроекта в печати выявило довольно противоречивые его оценки различными политическими группировками. Однако точку в этих спорах поставил Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак. Еще накануне опубликования проекта в ноябре 1919 г. он указал на недопустимость издания каких-либо законодательных актов по земельной политике вне координации с сибирским правительством⁷.

Становилось ясным, что предполагавшаяся земельная реформа не сможет полностью удовлетворить все социальные группы и, тем более, политические партии и организации. Необходимо было, очевидно, принимать решение о проведении земельных преобразований единоличным актом Верховной власти на Юге России. Однако положение на фронтах, изменившееся к концу 1919 г. не в пользу Белого движения, потеря большей части Юга, не способствовали немедленному утверждению земельного законодательства. А. И. Деникин не считал возможным приступить к осуществлению реформы в таких условиях. Сделать это предстояло сменившему его на посту Главкома ВСЮР генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю.

Показательно, что сам Врангель первоначально также не отказывался от пути разрешения «аграрного вопроса», предначертанного «Декларацией» Деникина. Снова, как и в 1919 г., в Крыму была созвана комиссия для разработки очередного, на этот раз уже третьего, земельного законопроекта. И снова, как год назад, политические, сословные амбиции ее участников стали преобладать над интересами быстрой разработки закона. Комиссия под председательством нового главы Управления земледелия сенатора Г. В. Глинки была распущена по указанию П. Н. Врангеля, и разработка проекта поручалась фактически единолично ее председателю. Законодательство, выработанное к концу мая 1920 г., было утверждено Главкомом к началу наступления Русской армии (переименованные ВСЮР) из Крыма на равнины Новороссии⁸.

Провозглашалось, что «армия должна нести крестьянам землю на штыках». «Опора на крестьян» обеспечила бы, по мнению Врангеля, «победу над большевизмом». Неслучайно поэтому 25 мая 1920 г., накануне наступления в Северной Таврии, был обнародован «Приказ о земле». Аграрная реформа Правительства Юга России, возглавляв-

шегося А. В. Кривошеиным, ближайшим помощником Столыпина, начала осуществляться в Таврии незамедлительно, по мере занятия уездов и волостей Новороссии Русской армией. Так произошел полный отказ от позиции «непредрешения».

Аграрно-крестьянское законодательство 1920 г. принципиально отличалось от предшествующего периода прежде всего своей краткостью, сосредоточенностью на главных проблемах сельской жизни того времени. Неслучайно лучшей, самой доступной формой пропаганды в 1920 г. стали листовки с кратким изложением основных положений земельного законодательства.

Вся земля, в том числе и «захваченная» у помещиков в ходе «черного передела» 1917–1918 гг., оставалась у крестьян. Земельные угодья оставались в «распоряжении обрабатывающих их хозяев», независимо от того, на каком праве это распоряжение основано (тем самым фактически признавался законным «захват» частновладельческих земель после 1917 г.). «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты государству за них ежегодно в течение 25 лет (деньгами или натурой) «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района. Приказом Главкома от 26 июня 1920 г., учитывая бедственное положение многих крестьянских хозяйств в результате войны, размер выкупа определялся уже как «пятикратное среднее от урожая текущего года», а не за последние 10 лет (гораздо более урожайных, чем 1920 г., например 1919 г.). Бывшие владельцы полностью исключались из расчета с крестьянами-«захватчиками». Более того, специальным распоряжением генерал Врангель запретил помещикам возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где находились их имения. Расчет с ними (передачу выкупа) государство брало на себя⁹.

Отчуждение, однако, не было всесторонним. Из списка отчуждаемых (среди которых на первом месте были земли длительное время сдаваемые в аренду) исключались хуторские, отрубные земли (т. е. земли тех же крестьян-собственников, «стольпинских хуторян»), а также земли, имеющие «культурное, общественно-полезное значение» (тем самым государство защищало от ликвидации многие ценные хозяйства, например, известное имение баронов Фальц-Фейнов «Аскания-Нова» было передано Таврическому университету; не подлежали разделу и бывшие имения членов Императорской фамилии в Крыму).

Осуществление земельной реформы Правительством Юга России при генерале Врангеле было призвано исправить ошибки аграрно-крестьян-

ской политики Особого Совещания в 1919 г. В Таврической губернии (особенно в Крыму), отличавшейся относительной стабильностью и отсутствием повстанческого движения, очень многие помещики продолжали жить в своих имениях. С крестьянами заключались арендные договоры, в небольших размерах практиковалась купля-продажа земли (особенно в приморской зоне Ялтинского и Феодосийского уездов), как правило, под дачи. Реализация земельной реформы, очевидно, могла бы вызвать их противодействие. Однако подобные факты были единичны. Так, Севастопольский отдел Всероссийского Союза земельных собственников ничем открыто не заявлял своего несогласия с проводимой реформой, ограничившись только «покорнейшей просьбой» о присылке законодательных актов реформы на адрес правления Союза¹⁰. Когда один из крупнейших таврических землевладельцев Шатилов-Фелибер (имение которого «Атманай» Мелитопольского уезда было в числе первых, разделенных по установленным реформой нормам) просил в августе 1920 г. разрешения просто проживать в имении, ему запретили это по причине «нежелательности возвращения крупных землевладельцев в их имения при настоящих условиях, когда в крестьянстве еще не окрепла уверенность, что закон о земле будет действительно осуществлен и когда вся сила агитации большевиков направлена к тому, чтобы вызвать сомнения в этом и внушить убеждение, что русская армия возвращает землю помещикам». Правда, начальник Гражданского Управления С. Д. Тверской рекомендовал Г. В. Глинке отказать Шатилову в просьбе жить в самой усадьбе, предоставив возможность проживать в доме... сторожа экономии¹¹.

Проведение реформы возлагалось исключительно на самих крестьян (через посредство земельных советов), но при контроле со стороны местного административного аппарата. То, чего так не хватало на Юге России в 1919 г. — местных органов Управления земледелия, — в 1920 г. восполнялось хорошо отлаженным аппаратом с четкой иерархией подчинения от начальника Управления земледелия до рядового землемера и статистика. Начальник Управления Г. В. Глинка, губернский посредник по земельным делам инженер Шлейфер, уездные посредники неоднократно выходили с ходатайствами в Управление начальника снабжения генерала П. Э. Вильчевского, мобилизационный отдел Военного Ведомства с ходатайствами о снабжении служащих необходимым обмундированием, подводами для разездов, а также об освобождении от военной службы. В распоряжение посредников по земельным делам выдавались крупные денежные авансы¹².

Организация делопроизводства при проведении землеустроительных работ также отличалась систематичностью и продуманностью;

были заготовлены специальные бланки Актов на владение землей («голубая бумага с гербом») крестьянами, «описи имений» с подробным указанием категорий отчуждаемых и не подлежащих отчуждению земельных участков и др. Полномочия местных земельных органов тщательно регламентировались в циркулярах Управления земледелия, причем постоянно подчеркивались не руководящие, предписывающие, а лишь контролирующие функции чиновников: «...требовать от сходов крестьян мы мало чего можем, а домогаться их собственных решений в известном направлении желательно, не забывая, что время приказаний и указаний... прошло, а нравственное влияние и авторитет заслуживаются трудным путем действительной помощи населению...», «...уездный посредник по земельным делам ни с какой стороны не должен быть начальством, а лишь желанным гостем в селе..., способным разъяснить закон и помочь разобраться населению в действительно сложных вопросах...»¹³.

Изложенные выше предписания весьма примечательны, показывают весьма демократичное отношение Правительства Юга России к проводимой реформе, в отличие от осуществления всех предшествовавших реформ в России, в том числе и реформы П. А. Столыпина. В ходе последней местный административный аппарат наделялся гораздо большими полномочиями по контролю и руководству крестьянскими волостными и сельскими сходами.

Основной категорией «подлежащих разделу земель» стали земли «частновладельческие сельскохозяйственного пользования». Нормы землевладения устанавливались волостными земельными советами с учетом местных особенностей. Так, при установлении размеров участка в Симферопольском уезде учитывались, прежде всего, реальные возможности того или иного хозяйства. Южные волости уезда специализировались преимущественно на садоводстве, виноградарстве. Эти культуры не требовали значительной земельной площади. Поэтому нормы крестьянской и помещичьей земель, установленные здесь, были небольшими в сравнении с северными и центральными волостями уезда, где преобладали зерновые. Большая часть наделов в этих волостях устанавливалась уже в размерах 40, 60 и 100 десятин в зависимости от качества почвы, а минимум помещичьего землевладения составлял 100 десятин. В степных уездах Крыма (Перекопском, Евпаторийском) нормы крестьянского и помещичьего землевладения были относительно единообразны (100–200 десятин для помещичьего и 50–60 десятин для крестьянского)¹⁴.

В Северной Таврии распределение земельного фонда также отличалось неравномерностью. В Бердянском уезде максимумы крестьян-

ского землевладения колебались от 20 до 65 десятин. В Днепровском уезде минимум помещичьего землевладения устанавливался в 100 десятин, а максимум крестьянского — 70 десятин. Разнообразие норм объяснялось качеством почвы выделяемых земель, многосемейностью владельцев, а также «культурным значением имения», сохранить которое признавалось необходимым¹⁵.

В больших селениях Таврии пахотная земля нередко отходила далеко от границ усадьбы, и здесь встречались трудности в установлении размеров закрепляемых в собственность участков из-за их пригодности (возвышенные или низкие участки, сухие, заболоченные, овражистые и т. д.), а также удаленности от проселочных дорог, населенных пунктов, мельниц и др. Трудности размежевания отражало письмо одного из крестьян Мелитопольского уезда в редакцию газеты «Голос фронта»: «...Помещичьи хозяйства в уезде все в запустении... Много трудностей еще в работе земельных советов... Не разрешают трогать межуездные и межволостные земли... Вот и получается, что у одного густо, а у другого пусто... У отрубников по 500 десятин на хозяйство, а их тоже трогать нельзя... Нужно, чтобы правительство, если оно действительно заботится о крестьянине, дополнило бы закон о земле, изменило его, если нужно»¹⁶. Если учитывать, что данные трудности возникали в многоземельной Новороссии, то легко предположить, какие сложности в земельном размежевании могли бы возникнуть при проведении реформы в более северных районах Малороссии и Центральной России, в условиях неизжитой чересполосицы, малоземелья и других, веками складывавшихся особенностей землеустройства. Выходом из подобного положения в условиях Таврии представлялась организация так называемых «показательных селений», в которых земельные участки распределялись между владельцами равномерно на определенной площади, при селах устраивались школы, больницы, артезианские колодцы, опытные станции, мельницы. Данные «показательные селения» предполагалось образовать на землях отчуждаемых частновладельческих имений.

Процесс самого раздела занимал основную часть работы земельных советов Таврии летом–осенью 1920 г. Основания для раздела, как правило, выдвигались следующие: отсутствие владельцев и отсутствие претензий с их стороны к производимым землеустроительным работам; владельцы не ведут самостоятельно земледелия в имении; большая часть земли сдается в аренду; пахотные земли запущены и др. Предусматривалось показательное «укрепление земли за трудящимися на ней хозяевами» в имениях «Черная Долина» князя Мордвинова Днепровского уезда и «Атманай» Шатилова-Фелибера Мелитополь-

кого уезда. Работы по обследованию земельного фонда «Атманая» начались с середины августа. При этом со стороны управляющих и бывших владельцев предпринимались попытки помешать правильному ходу землеустройства (указывалось на необходимость выплаты крестьянами миллионной компенсации за отчуждаемые постройки, сохранения за владельцами соляных промыслов и др.). Но, несмотря на объективные трудности (близость фронта, неуверенность в устойчивости власти) и противодействие владельцев, землеустроительные работы в имении были закончены к началу сентября. Из общей площади в 9000 десятин 1500 десятин, находившихся под соляными промыслами, возвращались владельцу, плюс 1700 десятин для ведения хозяйства собственного имения. 500 десятин передавались в запас для наделения жителей волости, служивших в рядах «борющейся за возрождение русской государственности армии», а остальные 5300 десятин укреплялись за 385 землевладельцами¹⁷. Мелитопольский уездный совет утвердил решения Ефремовского земельного волостного совета, на территории которого находилось имение, после чего новым собственникам предполагалось выдать акты на владение землей.

Следует отметить, что разделы имений, обращенных в совхозы (а именно таковыми являлись «Черная Долина» и «Атманай»), происходили менее болезненно, чем имений, в которых проживали владельцы, или тех, которые могли попасть под категорию «высококультурных». Легче было приступить к разделу крупных имений, уже обрабатываемых арендаторами. Именно так были разверстаны имения «Рогачевское» Великого князя Николая Михайловича, графини Апраксиной (оба Мелитопольского уезда). По данным Управления к середине октября «в Днепровском уезде приступлено к отчуждению и распределению между трудящимися арендного фонда 8 крупных имений площадью до 72 тыс. десятин»¹⁸. Несколько небольших имений было разверстано в Симферопольском уезде, причем прежним владельцам оставались лишь земли при усадьбе, сады, постройки имения, не превышавшие в совокупности 50 десятин.

Следующим этапом в реализации реформы стало внесение выкупа (0,25 части текущего урожая зерна) за закрепляемую в собственность крестьянам землю. Внесение выкупа должно было бы разрешить для правительства Юга России и проблемы продовольственного снабжения армии и тыла, городов, зернового экспорта. Однако здесь надежды не оправдались. Разоренные хозяйства крестьян Таврии оказались не в состоянии удовлетворить потребности фронта и тыла. В донесении губернского посредника по земельным делам инженера Шлейфера отмечалось: «...очевидно, в связи с ослаблением хозяйственной

мощи населения, работающего на земле, и разрухой последних лет... придется подвергнуть вопрос о размере выкупа пересмотру в целях приведения его в соответствие с условиями, при коих озимый хлеб шел бы не только на уплату казне, но и на посев»¹⁹. К концу сентября, когда обстановка на фронте начала меняться не в пользу Русской армии, в условиях, когда крестьянство начинало сомневаться в устойчивости власти, а также в виду необходимости дополнительного обсеменения полей из-за гибели части озимых от ранних заморозков, сдача 0,25 части урожая практически прекратилась. Шлейфер отмечал, что «пятую часть урожая этого года, подлежащую сдаче в казну, следует считать в большей степени пропавшей, (крестьяне) не прельщаясь мыслью о зачете этого взноса в счет платежа за землю, считают более соответствующим своим интересам обращение этого взноса в свою пользу...». Всего за период с 31 августа по 20 сентября по сводкам Управления земледелия «...поступило в Перекопском уезде пшеницы — 602 пуда, ржи — 6 пудов, ячменя — 387 пудов, сена — 120 пудов... уездный посредник приступил к сокращению приемных пунктов...»²⁰. Столь же скромными были результаты и в других уездах Таврии. В то же время на элеваторах, мельницах губернии оставалось от предшествующих урожаев десятки тысяч пудов зерна и муки. Собственно, именно за счет этих запасов продовольствия и существовал Белый Крым в 1920 г.

Реализация реформы столкнулась и с другими трудностями. Для успешного проведения ее недостаточно было хорошо осведомить о ней крестьянство, следовало также заручиться его поддержкой. Частая же смена власти сама по себе не побуждала крестьян с доверием относиться к новому земельному порядку, тем более что период деникинского правительства нередко связывался в представлении крестьян с бездействием властей, произволом чиновников и помещиков, реквизициями, повинностями.

Раздел имений, помимо чисто политических, даже пропагандистских целей, должен был решить проблему сельскохозяйственного кризиса в южнорусском хозяйстве. Предполагалось, что передача крестьянам необрабатываемых и арендованных частновладельческих земель на правах собственности, станет для них дополнительным стимулом к расширению посевов и увеличению сельскохозяйственного производства. Считалось, что перемена формы собственности на землю сможет разрешить большинство проблем сельского хозяйства. При тех больших надеждах, которые возлагались правительством на перемены к лучшему, в связи с дополнительным наделением крестьян землей и закреплением за ними помещичьих земель, недостаточ-

но учитывались реальные экономические возможности крестьянских хозяйств, призванных заменить собою крупные владельческие поместья. Обрабатывать не только собственную надельную, но и бывшую помещичью землю в условиях, когда из-за военных действий, реквизиций, повинностей и других факторов резко сокращались посевные площади, падала урожайность зерновых, разрушался инвентарь, для крестьянства даже такого богатого района Юга России, как Таврия, становилось невыгодным. Губернский посредник с сожалением констатировал, что «крестьяне особой жадности на землю не проявляют». Обработка собственного надела, натурализация бывших товарных крестьянских хозяйств, отсутствие экономического интереса в расширении посевов — вот печальные последствия Гражданской войны для некогда хлебородной Таврии.

В то же время высокие нормы, установленные земельными советами, производились из расчета обязательного расширения посевов при ожидаемой, в случае победы Белого движения, стабильности экономической и политической жизни. Подобный порядок утвержденных советами максимумов крестьянского землевладения и минимумов помещичьего можно с полным основанием считать свидетельством доверия крестьян к проводимым преобразованиям. Не менее активно крестьяне участвовали в выборах в органы местного земельного управления — в создаваемые, по реформе, волостные и уездные земельные советы (здесь Врангель не побоялся использовать даже такой «революционный» термин)²¹.

Создание этих органов, избираемых местными крестьянами, стало заметным шагом вперед по сравнению со всеми предшествующими аграрными преобразованиями (в том числе и реформой Столыпина, осуществление которой поручалось Землеустроительным Комиссиям), поскольку теперь крестьяне-собственники могли самостоятельно решать вопросы сельской жизни. Для того чтобы провозглашенные Правительством Юга России принципы земельной реформы не оставались «на бумаге», чтобы ее реализация не превратилась в очередное бюрократическое «творчество», надо было заинтересовать крестьянство, доказать, что результаты зависят от непосредственного участия в ее осуществлении. Способы, при которых приезжавшие губернские и уездные чиновники, служащие различных комиссий начинали без совета с крестьянами «делить» землю, себя совершенно не оправдали. Деревня Юга России уже видела и хорошо запомнила и земельные комитеты Временного правительства, и большевицкие «комитеты незаможных селян», и управы Украинской Народной Республики, и денкинских волостных старшин.

Многочисленные, бесконечно сменявшие друг друга правители и правительства (только в одной Таврической губернии с 1917 г. сменилось 16 властей), казалось, были озабочены только одной целью, кроме, разумеется, самой главной – удержаться у власти как можно дольше. Крестьянство все больше убеждалось в том, что власть над деревней, власть «от города», ничего для них не дает. А при этом требует от села «жертв» то во имя «мировой революции», то «Великой, Единой, Неделимой России», то ради «самостийной Украины». Росло недоверие, отчуждение от всякой власти вообще. Свой «атаман», местный «батько», становился для селянина гораздо ближе, понятнее любых других правителей.

Казалось бы, начинать земельные преобразования в подобных условиях недоверия и отчужденности крестьянства было для Правительства Юга России совершенно бесперспективно. Но возможному успеху задуманной реформы способствовали два весьма важных обстоятельства. Во-первых, Белая власть в Таврии существовала больше года (начиная с лета 1919 г.), а за это время здесь уже сформировались низовые структуры административного аппарата, в том числе и органы Управления земледелия. Деревня мало-помалу привыкла к белым и уже от них ожидала определенной аграрной политики. Во-вторых, как отмечалось выше, Правительство Юга России, отказавшись от прежних способов проведения реформы сверху, сделало ставку на выборные крестьянские органы.

В соответствии с утвержденным 25 мая 1920 г. «Временным положением о земельных учреждениях» выборы в земельные советы должны были производиться на специально созываемых волостных сходах. Право участия в них получали волостные старосты и по одному выборному из каждых 10 дворов в волости. Они составляли основную категорию выборщиков. Кроме них право «избирать и быть избранным» получали выборщики, имеющие земельные участки в пределах волости (т. е. представители церкви, учебных заведений, земств и городов, а также бывшие помещики). От участия в выборах отстранялись дезертиры, бывшие члены советских хозяйств и коммун, лица, состоявшие под судом. Тем самым в состав советов должны были войти люди, связанные исключительно с трудом на земле. Никаких залетных демагогов, никаких бывших большевицких «незаможников», дезертиров на сходы не допускалось. Тот, кто пахал и сеял, кто знал цену тяжелому крестьянскому труду в условиях войны и разрухи, должен был определить и судьбу земли²².

В архивных фондах Управления земледелия и землеустройства сохранился весьма интересный документ – «Доклад о ходе выборов в

земельные советы»²³. С большой тщательностью отражается в нем порядок и результаты прошедших в Белой Таврии летом–осенью 1920 г. выборов. Вот, например, сведения из Симферопольского уезда: «Выборы во всех (!) волостях закончились ко 2 августа... На выборы в Булганакской волости явились почти все выборщики, в том числе большинство местных помещиков, участвовавших в выборах наравне с другими земледельцами. В состав вошли исключительно крестьяне и немцы-колонисты, а кандидатом выбран один из помещиков. Население отнеслось к выборам с полным сознанием важности дела... По окончании выборов состоялось первое заседание совета, на котором председателем избран местный волостной старшина, пользующийся общим уважением... обследование земель волости уже закончено и списки лиц, имеющих право на наделение, составлены». Перекопский уезд: «...Население уезда, несмотря на страдную пору, принимало в выборах деятельное участие. Большинство сходов прошло в присутствии не менее 2/3 домохозяев, имеющих право участия в сходах. За небольшими исключениями домохозяева собирались охотно и к выборам относились серьезно...»²⁴.

Таковыми были сведения из Крымских уездов. Уезды Северной Таврии, казалось, должны были показать обратную картину, ведь здесь продолжались боевые действия, и в любой момент фронт мог снова откатиться в Крым. Но тот же доклад свидетельствует: «...В Мелитопольском уезде выборы производят благоприятное впечатление. По отзыву уездного посредника особенно удачен состав советов Тимошевской, Терпениевской и Веселовской волостей. В состав этих советов попали крестьяне-хозяева, люди вдумчивые, сознательно относящиеся к выпавшей на их долю серьезной работе, способные подойти к сложному делу распределения земель между обрабатывающими их крестьянами с точки зрения не только местных, но и краевых интересов». Более того, первые выборы в советы прошли именно в Мелитопольском и Днепровском уездах.

В состав советов входили не только крестьянские депутаты, но и, как говорили тогда, «лица интеллигентного труда». «В число лиц, избранных в волостные земельные советы, — писала севастопольская газета «Великая Россия», — во многих случаях вошли местные интеллигенты, нередко с высшим образованием. Председателем совета Ново-Васильевской волости Бердянского уезда избран местный учитель земской школы. Секретарем совета Колымтайской волости Симферопольского уезда избран и утвержден бывший мировой судья... В одной из волостей выбранной оказалась интеллигентная женщина, владеющая небольшим участком земли, лично ею обрабатываемом»²⁵.

Столь же разным был и национальный состав избранных советов, что опровергает мнение о «подавлении национальностей» в Белом Крыму. Так, например, упомянутый выше Колымтайский совет состоял из «7 членов — 4 татар, в том числе волостного старшины, и 3 русских, из которых один — крестьянин — владелец сада и один крупный собственник с высшим образованием». Большим был процент в земельных советах немцев-колонистов Крыма и Северной Таврии²⁶.

Нередко сразу же после выборов и распределения должностей, земельные советы приступали к работе по распределению земельного фонда между «обрабатывающими его хозяевами». Почти во всех известных постановлениях советов право на получение земли в собственность получали военнослужащие Русской армии, земледельцы, имеющие «ценз оседлости» в волости (от 3 до 15 лет), «инвентарный ценз» (наличие сельскохозяйственных орудий, рабочего скота и др.), арендаторы частновладельческих земель и, главное, «лица, имеющие землевладельческие знания и навыки». «Землю тем, кто ее обрабатывает» — этот лозунг четко прослеживался во всех конкретных действиях советов. По закону им было предоставлено право контролировать все земельные сделки, особенно сделки с землями «сельскохозяйственного значения», с тем, чтобы земля была не предметом спекуляции и обогащения тех, кто к работе на ней не имел никогда никакого отношения. По этой причине, например, земельным советом Булганакской волости Симферопольского уезда была запрещена покупка нескольких земельных участков в размере 775 десятин «не для земледельческого труда» симферопольским купцом Я. Губером²⁷. Вообще земельный рынок как способ разрешения аграрных проблем посредством добровольных сделок по купле-продаже земли между помещиками и крестьянами не поощрялся правительством Юга России. Главное внимание обращалось на работу по земельному размежеванию.

Помимо землестроительных работ земельные советы активно участвовали в текущей сельской жизни. В условиях войны и разрухи советы неоднократно обращались к правительству с ходатайствами о снижении выкупных платежей за закрепляемую землю, о выдаче кредитов, о снабжении сельскохозяйственной техникой и запасными частями.

Безусловно, не везде работа земельных советов была эффективна. Доклад Шлейфера в Управление земледелия рисовал довольно неприглядную картину хода выборов в Северной Таврии (середина августа 1920 г.): «...Ясно, что в отношении крестьянства к земельному закону доминирующую роль играют общие условия, и пока они не изменятся возможна только спорадическая бессистемная работа (под

общими условиями понимались военные действия и экономическая разруха. — В. Ц.). Собираются советы с трудом, под влиянием усиленных наставлений, часто видят всю бесполезность работы в настоящее время, а предоставленные сами себе или даже при содействии чинов ведомства земледелия ведут работу скачками, без системы, без увлечения...»²⁸. Во многих волостях советы были только избраны, но приступить к работе так и не успели. В Феодосийском уезде выборы прошли за 2 недели до оставления Крыма Русской армией. В Бердянском уезде выборы состоялись только в 13 волостях (из 48). Днепровский уезд, на территории которого находился известный «Каховский плацдарм» и постоянно существовала угроза наступления красных, не выделялся заметной активностью в работе земельных советов²⁹. Но несмотря на все трудности к 15 октября 1920 г., — к моменту оставления Русской армией Северной Таврии и отхода в Крым, — на территории Таврической губернии было избрано 90 волостных советов (в 140 волостях).

Выборы проходили в разное время, в разной обстановке. Если в Ефремовской волости Мелитопольского уезда в августе уже прошел первый раздел земли имения «Атманай», в других волостях того же уезда (Терпениевская, Васильевская) дело не шло дальше выборов состава совета. К концу же октября 1920 г. крымские земельные советы опережали по степени активности советы Северной Таврии, которые оказались в прифронтовой полосе. Когда работа советов продвигалась более быстрыми темпами, они осуществляли полный цикл возложенных на них землеустроительных работ: от выборов до закрепления отчужденных земель за крестьянами. Можно утверждать, что, отпусти история больше времени как для деятельности земельных советов, так и для реализации реформы, результаты оказались бы более заметны³⁰.

Итак, в Белой Таврии за короткий период белогвардейской «власти советов» воплотилась идея создания органов, выбранных крестьянами, наделенных реальными полномочиями по проведению земельных преобразований, идея, выдвинутая еще П. А. Столыпиным (создание волостного, избранного самими крестьянами земства). Работа советов шла прежде всего на удовлетворение среднего крестьянства, заинтересованного в расширении собственных земельных участков. Несмотря на трудности, связанные с войной и разрушением хозяйства, крестьянство Таврии стремилось поддерживать работу земельных советов, особенно той ее части, которая затрагивала непосредственные интересы села (установление норм землевладения, порядок внесения земельных платежей, пре-

доставление ссуд на обсеменение полей, приобретение сельскохозяйственного инвентаря).

Задачи аграрно-крестьянской реформы признавались приоритетными во всей внутренней политике Правительства Юга России. Большие средства выделялись на пропаганду необходимости земельной реформы среди крестьян³¹. В пропаганде особенно выделялся такой аспект реформы, как создание нового типа хозяина – крестьянина-собственника. Примечательны в этой связи слова передовой статьи 1-го номера газеты «Крестьянский путь»: «Пути, которыми шла старая Россия, привели страну к гибели, к пропасти. Должен быть найден другой путь крестьянской телеге. Новая Россия должна быть построена на крестьянстве... Неуклонно и самобытно движение крестьянства. Задача русской власти не разрушать и расшатывать, а созидать и поддерживать всех, кто ведет страну к возрождению и основанию на подлинно народных, крестьянских началах...»³².

Реформа 1920 г. стала, несомненно, не только этапом в развитии аграрно-крестьянской политики белых правительств Юга России, но и этапом во всей аграрной истории России начала века. Признание совершившихся революционных перемен в деревне, введение их в русло организованного реформирования было, безусловно, большой заслугой правительства П. Н. Врангеля – А. В. Кривошеина. Вместе с тем, отказ от неоправдавшего себя принципа «непредрешения», попытка проведения действительно радикальной земельной реформы многими современниками все же расценивалась скептически. Уже в эмиграции один из сотрудников монархического журнала «Двуглавый орел» Д. Илларионов в статье «К земельному вопросу» так характеризовал реформу: «...Чтобы облегчить движение армии на север, Врангель издал в июле (по новому стилю. – В. Ц.) приказ о земле, которым все частновладельческие земли отдаются крестьянам. С момента этого приказа армия Врангеля не двинулась ни на шаг вперед. Этим приказом он оттолкнул от себя элементы, которые сражались за восстановление порядка и законности... крестьяне этим приказом куплены не были. Большевики им обещали больше, чем Врангель, и в мужицкие головы не укладывалось, чтобы генерал мог отдавать чужие земли на более прочных основаниях, чем большевики... Этот приказ вселил в умы представление о власти, как о власти настоящей, которая сама сомневается, власть она или нет»³³. В несвоевременности, в политической конъюнктуре обвиняли реформу лидер партии кадетов П. Н. Милюков, идеолог национал-большевизма Н. В. Устрялов, бывший член Северо-западного правительства М. С. Маргулиес и другие политические деятели, весьма далекие от тяжелой, повседневной,

черновой работы, которую приходилось вести Правительству в Крыму. Позднее данная характеристика стала типичной в советской историографии. Возможно, что некоторые из обвинений обладали определенной долей объективности. Да, в Белой Таврии 1920 г. уже не было возможности проводить аграрную политику, альтернативную советской, на сколько-нибудь значительной территории. Но нельзя забывать, что земля не может и не должна становиться предметом политической борьбы и спекуляций всякого рода. Земля должна иметь настоящего хозяина. И само по себе принятие аграрного законодательства в условиях конца Гражданской войны, законодательства, призванного восстановить разрушенное земледелие, заинтересовать крестьянина-труженика в результате своего труда, продолжить путь отечественного сельского хозяйства, предначертанного в начале века реформами П. А. Столыпина, было несомненной заслугой Правительства Юга России.

С земельной реформой оказалась тесно связана и реформа местного самоуправления, реформа земства. Предполагалось, что после окончания основных землеустроительных работ в уездах и волостях земельные советы передадут свои полномочия вновь избранным волостным земствам, также выбранным самими крестьянами. Примечательна мотивация необходимости введения крестьянских органов самоуправления премьером А. В. Кривошеиным: «...Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предreshают изменение прежнего строя земского самоуправления. К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников, из числа трудящегося на земле населения. Кому земля — тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения»³⁴. Подчеркивая, что местное самоуправление является фундаментом российской государственности, известный впоследствии в эмиграции правый публицист Н. Львов в своей статье в газете «Великая Россия» отмечал необходимость восстановления разрушенной власти именно снизу, а не сверху путем административных распоряжений и приказов. Следует отметить, что волостное земство было структурой необычной для российской истории (в предреволюционной России земство существовало только на уровне уезда и губернии). Оно должно было состоять почти исключительно из крестьян-землевладельцев, хозяев заинтересованных не только в государственной стабильности, но и в том, чтобы эту стабильность охранять собственными силами³⁵. Вопросы развития и финансирования местного хозяй-

ства, строительства школ, больниц, распоряжения земель – все это входило в компетенцию новообразованных волостных земств. К сожалению, волостная земская реформа так и не успела осуществиться в Таврии накануне «крымской эвакуации».

Таковы были итоги, увы, слишком кратковременной реализации земельной реформы Правительства Юга России. Тем не менее ее изучение очень важно не только для профессионалов-историков, но и для всех, кому не безразлично будущее нашего Отечества. Ведь Белая идея, Белая идеология была не просто антиподом коммунистической идеологии, но идеологией будущей «Национальной России». Это – сильное, свободное государство, основанное на принципах частной собственности, развитого местного самоуправления и, самое главное, общественной солидарности, единства интересов всех классов и слоев российского общества. Белое дело, имевшее глубокие политические основы, не смогло развить свою социальную базу только по причине отсутствия достаточного времени в период Гражданской войны. Будем надеяться, что Белая Россия рано или поздно возродится, станет реальностью.

Примечания

¹ Врангель П. Н. Записки. Кн. 2 // Белое дело: Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. С. 43–44.

² Великая Россия (Ростов на Дону). 1919. 21 нояб. № 360.

³ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 105. Л. 21–21 об.

⁴ Там же. Ф. 439. Оп. 1. Д. 51. Л. 23–23 об.

⁵ Билимович А. Д. Революция, большевики и хозяйство России. Ростов на Дону, 1919. С. 14–15.

⁶ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 105. Л. 11–15.

⁷ Там же. Л. 23–24; Дешикин А. И. Очерки русской смуты. IV. Берлин, 1925. С. 223–224.

⁸ Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о Земле. От 25 мая 1920 года (со всеми дополнениями) // Врангель П. Н. Указ. соч. С. 243–250.

⁹ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 27. Л. 71.

¹⁰ Там же. Л. 34 об.

¹¹ Там же. Л. 76.

¹² Росс Н. Врангель в Крыму. «Посев»; Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 186.

¹³ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–12 об., 19.

¹⁴ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 10 окт. № 34.

¹⁵ Росс Н. Указ. соч. С. 185; ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3а. Л. 59 об.

¹⁶ Голос фронта (Мелитополь). 1920. 23 июля. № 115.

¹⁷ Росс Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹⁸ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 22 окт. № 41. С 1-го по 45-й номер газеты здесь периодически публиковались отчеты о заседаниях земельных советов.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5. Л. 256.

²⁰ Там же. Д. 3 а. Л. 58 об.

²¹ Там же. Ф. 3801. Оп. 1. Д. 22. Л. 24–24 об.

- ²² Там же. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 159 об.
- ²³ Там же. Л. 56–57.
- ²⁴ Там же. Л. 56–56 об.
- ²⁵ Там же. Л. 56 об.; Великая Россия (Севастополь). 1920. 14 авг. № 87.
- ²⁶ Великая Россия (Севастополь). 1920. 14 авг. № 87.
- ²⁷ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 27 авг. № 9.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5. Л. 256.
- ²⁹ Там же. Д. 3 а. Л. 57 об.; *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 74–75.
- ³⁰ *Росс Н.* Указ. соч. С. 183.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5. Л. 252–252 об.
- ³² Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 11 авг. № 1.
- ³³ *Илларионов Д.* К земельному вопросу // Двуглавый орел. 1921. 15 (21) апр. Вып. 6. С. 18–19.
- ³⁴ *Врангель П. Н.* Указ. соч. С. 256.
- ³⁵ Великая Россия (Севастополь). 1920. 19 июля. № 66.

Опыт пропаганды идеологии Белого движения: успехи и просчеты (1918–1920 гг.)

Во время Гражданской войны большое значение приобрела периодическая печать. Ведущую роль в ней играла газетная пресса. Главная причина появления большого количества газетных изданий в годы революции и Гражданской войны объясняется тем, что в условиях обострения социальных противоречий в обществе каждому политическому режиму, каждому общественному объединению для победы, для доказательства своей силы и правоты необходимо было разворачивать широкомасштабную агитационно-пропагандистскую работу в целях привлечения на свою сторону населения России. От того, каким политическим силам в конечном итоге поверит большинство жителей страны, зависели их успехи. Самым массовым средством информации в то время в России была газетная пресса, главные задачи которой сводились к идеологической мобилизации масс. Именно поэтому все политические и общественные силы уделяли ей особое внимание.

После свержения Советской власти в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале к 1 апреля 1919 г. в Белой Сибири выпускались 122 газеты. На территории, контролируемой деникинской администрацией, по нашим подсчетам, издавалось около 150 газет. На территории, контролируемой в 1920 г. Русской армией, газеты выходили во всех крупных городах Крыма и Таврии, занятых войсками П. Н. Врангеля. Северная область была бедна газетными изданиями. Фактически единственным издательским центром области являлся Архангельск. Немного газет печаталось в Северо-Западной области России и в приволжских губерниях, контролируемых Комучем. Крупнейшим издательским центром на Белом Северо-Западе являлся Псков, у Комуча – Самара. Анализ издания газет показал, что в большинстве российских городов в среднем выходили 2–3 газетных издания. В крупных губернских и областных центрах их насчитывалось до 10–20 наименований.

Антибольшевистские государственные образования проводили политику монополизации газетного дела. Эта политика являлась основой для манипулирования общественным мнением и социальным поведением людей. Она была главным инструментом мифологизации

и мистификации общественных представлений. Правительственные структуры и руководящие органы политических партий материально поддерживали газетную прессу, пропагандировавшую их программы и деятельность, снабжали ее бумагой, обеспечивали типографиями и оборудованием. Все это позволяло сохранять преимущественное положение ангажированных изданий перед независимыми.

Газетная пресса создавалась и функционировала в условиях идеологизации всех сторон жизни российского общества. Для усиления официальных и проправительственных газетных изданий руководство белых политических режимов преследовало оппозиционную прессу, закрывало газеты своих политических противников, стремились подорвать их материальную базу. Только политическая позиция Временного правительства Северной области позволяла выпускать на территории области газеты разной политической ориентации за исключением большевистской.

Особенность развития белой газетной периодики в то время заключалась в том, что полностью провести в жизнь политику монополизации газетного дела так и не удалось. Несмотря на репрессии властей, оппозиционные газеты все же продолжали выходить. Редакторы возобновляли издания под другими названиями, переходили с дневных выпусков на вечерние, меняли периодичность выхода газет, убирали со страниц изданий указание на принадлежность к политическому направлению, называли себя «народными», «демократическими» и т. д., пользовались искусным подбором информации и всякого рода оговорками, недомолвками, пытаясь избежать закрытия.

Институциональным оформлением идеологизации политики и общественной жизни в годы революции и Гражданской войны являлись информационно-пропагандистские агентства российских государственных образований. Они выполняли основную работу по информационному обеспечению газетных изданий и являлись основой глобального общегосударственного манипулирования общественным мнением со стороны властных структур и ведущих социальных сил антибольшевистской России. Через них власти осуществляли монополию на получение, отбор, препарирование, комментирование и распространение информации.

Основную работу по информационному обеспечению газетных изданий выполняли государственные информационно-пропагандистские учреждения, которые были созданы практически всеми антибольшевистскими государственными образованиями, существовавшими на территории России в 1918–1920 гг. От 60 до 100 % информационных и аналитических материалов газеты получали от осведомительных

агентств. Распространение газетной информации в значительной степени осуществлялось также через них.

Наиболее крупными из отечественных осведомительных органов являлись: Архангельское (Северное) бюро печати, Дальневосточное телеграфное агентство (ДАЛЬТА), Донской отдел осведомления, Информационное бюро Временного сибирского правительства, Отдел печати Российского правительства, Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, Русское общество печатного дела (РОПД) и др. Эти агентства были мощными, достаточно хорошо финансировавшимися организациями. Их деятельность была подчинена пропаганде политики создавших их правительств.

Помимо отечественных информационных служб, одним из важнейших средств идеологического воздействия на сознание и политическое поведение российского общества и одним из важнейших источников информирования российских газет являлись работавшие в России иностранные информационные агентства. В число этих агентств входили: Американское бюро печати, французское информационное агентство «Эклер», Чехословацкое телеграфное агентство, японское осведомительное бюро и др. Крупнейшей иностранной информационной службой, функционировавшей на территории России, было Американское бюро печати (АБП), являвшееся отделением Комитета общественной информации, официального пропагандистского учреждения правительства США. Его финансовые возможности значительно превышали возможности российских осведомительных учреждений. Центры АБП были созданы во многих крупных городах России (Архангельск, Петроград, Москва, Владивосток, Екатеринбург, Иркутск, Омск и др.). Активно действовали сотрудники бюро в Архангельске. Деятельность АБП оказывала огромное воздействие на российское общество. Практически все газеты Белой России печатали его информационные сообщения.

Круг источников информирования российских осведомительных агентств был чрезвычайно широк. Важнейшими среди них являлись: 1) официальные правительственные сообщения и сведения, полученные из центральных ведомств политических режимов; 2) телеграфные сообщения и письма местных и заграничных отделений осведомительных учреждений, агитаторов, репортеров и корреспондентов; 3) материалы радиосообщений; 4) печатные издания и документы. Основную информацию о международных событиях газеты России получали от иностранных корреспондентов российских осведомительных агентств.

Информационные учреждения стремились как можно шире распространять полученные сведения, так как это обеспечивало монополию властных структур на информацию. Через распространение инфор-

мации осведомительные учреждения способствовали порождению и распространению политических мифов и формированию политизированного мироощущения. Российские осведомительные структуры снабжали правительственные учреждения и редакции газет аналитическим и информационным материалом. Они по телеграфу или по почте распространялись по правительственным учреждениям, общественным организациям, коммерческим структурам и редакциям газет. Информационные бюллетени российских осведомительных агентств включали в себя сводку военных действий, сведения, полученные от местных отделений, иностранных представительств, агитаторов, пропагандистов и корреспондентов, а также обзоры российской и иностранной прессы. В бюллетени агентств включалась строго дозированная информация, которая помогала созданию системы взглядов и идей, в которых выражались интересы господствующих политических сил.

Одним из важнейших направлений деятельности информационных учреждений являлось распространение газетной информации в правительственных структурах в виде обзоров прессы, подборок газетно-журнальных вырезок и составления исторических альбомов. Эта работа фактически делала информационные агентства ключевыми структурами в процессе выработки политической стратегии правительственных органов российских государственных образований. Но до правительственных учреждений часто доходила недостоверная информация о социальной борьбе в России, основой которой были те идейные установки, которыми определялась деятельность газетных изданий. Из-за этого руководящая элита политических режимов не всегда могла принимать решения, учитывавшие реальную обстановку.

Распространение газетной прессы в обществе являлось заключительным звеном в осуществлении государственной монополии на информацию, когда властные структуры имели возможность распространять ее в собственной редакции. Осведомительные агентства распространяли преимущественно или исключительно проправительственные издания.

Однако анализ распространения печати показывает, что практически вся печатная продукция оседала в городах или на железнодорожных станциях. До сел и деревень она доходила плохо, большие перебои с распространением газет наблюдались на фронте. Это подрывало монополию властных структур на информацию. Серьезные недостатки в распространении газетной прессы среди населения являлись главной причиной, по которой идеологические концепции и

взгляды господствующих политических сил Белой России во многих случаях не смогли стать основой для формирования общественного сознания. Часто эти функции выполняли слухи, которые не несли в себе идеологических установок господствующих политических сил, а выражали настроение и психологию масс.

Главная задача газет была манипуляционная. Их содержание имело мифопроизводящий характер. Мифология в то время широко применялась в политической жизни и использовалась на страницах газет как сильный аргумент в политической борьбе. Газетная пресса в той социальной обстановке служила стимулятором образования мифов, в которых соединились подлинные чаяния народных масс и их ожидание политического чуда, эмоционально окрашенное, чувственное представление о политической действительности и ее подлинная суть, высокий революционный подъем, искренняя самоотверженность и шкурные интересы, гениальность и невежество. Мифы формировали мироощущение и идеологические установки, имеющие стойкость предрассудков. Они устанавливали вымышленные причинные связи между реальными событиями, порождали легенды.

Мифотворчество распространялось как на интеллектуальную деятельность, так и на обыденное мышление. С помощью газет в сознание людей внедрялись установки, стереотипы, цели, преследовавшиеся противоборствующими политическими лагерями. Белая газетная пресса эксплуатировала социальные, религиозные и политические предрассудки населения России, рекламировала политические программы и платформы разных общественных сил, создавала необходимые политические образы и оценки.

Потребность манипулирования общественным мнением и борьба за доверие масс диктовали необходимость выполнения газетами своих информационных и просветительских функций. Это было необходимым, так как отсутствие внешней объективности и правдоподобности, откровенно одностороннее, частичное и тенденциозное освещение событий затрудняло газетам выполнение своей главной задачи. Они лишались доверия общества, которое начинало верить слухам, нередко целенаправленно распространявшимся политическими противниками. Мифы создавались на страницах газет прежде всего за счет дозирования информации.

Содержание российских газет охватывало все стороны экономической, политической и духовной жизни страны и основные события в области международных отношений. В прессе характеризовались политические системы разных государственных образований, сложившихся на территории России в годы Гражданской войны, ход бо-

евых действий, обстановка в противоборствовавших лагерях. Положение в тех регионах, где разворачивались основные события революции и Гражданской войны, получало в антибольшевистских газетах более подробное освещение. Газетчики критиковали действия отдельных носителей власти и в ряде случаев пытались влиять на властные структуры, военных. Нередко между прессой и властями возникали очень сильные противоречия, результатом которых становились погромы редакций и насилие над журналистами. Можно сказать, что в России, разорванной на части политической непримиримостью и фронтами Гражданской войны, единственным оставалось лишь информационное пространство, создаваемое газетной прессой.

Формирование газетных мифов обеспечивал цензурный контроль, который установили власти практически всех антисоветских политических режимов. Особенность цензурного контроля заключалась в том, что он был многоступенчатым. Газетные материалы подвергались двойной и даже тройной проверке. Наблюдение за газетами осуществляли органы власти, информационные агентства, руководство политических партий. По способу осуществления цензурное наблюдение было предварительным, и лишь у А. В. Колчака оно было карательным.

Сначала цензурный контроль вводился как военный. Однако по мере обострения военного противостояния с большевиками он все больше приобретал социально-политические черты. В основе практически всех цензурных нормативных актов лежали цензурные правила Временного правительства от 26 июля 1917 г. Цензуре подлежали материалы газет и источники их информирования.

Новые ограничения, как правило, касались вопросов политической и социальной жизни. Фактически они были направлены на тенденциозное освещение положения в стране. Цензурный контроль фактически лишал газеты возможности независимой оценки происходивших событий. Любое самостоятельное освещение ситуации в России могло быть расценено цензорами как узкопартийное, извращенное и вымышленное.

Политическая направленность деятельности российских цензурных органов усиливалась действиями цензурного контроля со стороны командования войск интервентов — союзники ввели предварительную цензуру российских газет, которая сразу обрела политический характер. Особенно старались американцы. Они делали все, чтобы в газетах постоянно печатались материалы, пропагандирующие американский образ жизни, рекламирующие американские товары, содержащие хвалебные оценки американской внешней политики. Русские

власти, полностью зависимые от иностранной военной и экономической помощи, как правило, не допускали в печать материалы, которые могли произвести на командование союзников неблагоприятное впечатление. За публикацию подобных материалов газеты строго наказывались российскими властями. Когда летом 1920 г. представители США и Франции предупредили Врангеля о неблагоприятном впечатлении, которое произвели на них статьи в крымской газете «Русская правда», он немедленно закрыл газету.

Политический характер цензурных запретов был причиной расплывчатости допустимых норм и их расширенного толкования, так как четко определить границы политических цензурных ограничений практически невозможно. Все это приводило к произволу цензоров. Практически любой взвешенный газетный материал мог быть запрещен. Идейное давление и контроль заставляли каждого редактора на своем рабочем месте выполнять цензурные функции, чтобы иметь меньше проблем с цензурой.

Особенно придирчиво цензурные органы относились к оппозиционным газетам. Цензурный контроль в ряде случаев превращался в настоящую инквизицию для оппозиционной прессы. Власти Комуча крайне тщательно просматривали кадетские издания. Цензурные учреждения Колчака и Деникина придирались к каждой мелочи в газетах меньшевиков, эсеров, земств и кооперативов. Цензурный контроль был настолько придирчивым, что даже газета ставки Колчака «Русская армия» была наказана колчаковской цензурой за допущенные ею политические отклонения от взглядов Российского правительства.

Наиболее жесткая и придирчивая цензура осуществлялась на территории, контролировавшейся войсками П. Н. Врангеля. Было издано большое количество нормативных цензурных документов, которые ставили под контроль практически каждую газетную строку. Часто не разрешалась не только критика приказов Врангеля и других высших военачальников, но и объективное разъяснение их содержания. Чтобы читатели не знали о действиях цензуры, редакциям газет запрещалось оставлять пробелы на газетных полосах.

Цензурные ограничения касались практически всех сторон жизни российского общества. Из сведений политического и социального характера не подлежали оглашению в основном материалы четырех видов: 1) сообщения, ставящие под сомнение целевые установки политических режимов; 2) информация, критикующая практические действия властных структур; 3) материалы, освещающие факты массового неповиновения правительствам политических режимов; 4) све-

дения, дискредитирующие личности политических и военных руководителей.

Однако антибольшевистским правительствам не удалось поставить под цензурный контроль все содержание газет. Цензурные запреты зачастую не соблюдались, запрещенная цензурой информация попадала в печать. В основном, это происходило из-за политического характера цензуры. В условиях широкомасштабной Гражданской войны под действие цензуры попадали практически все темы, актуальные для освещения в газетах. Любой материал объективного характера можно было считать не подлежащим оглашению. Но, с другой стороны, подобный материал необходимо было публиковать, чтобы сделать пропаганду более правдоподобной и гибкой. Поэтому военные контролеры в ряде случаев такие материалы пропускали, если они им казались в целом политически выдержанными. Позднее многие из них признавались нежелательными для публикации.

К числу других причин появления в газетах запрещенных цензурой сведений относились следующие: 1) политические, сословные, экономические противоречия между различными социальными силами внутри антибольшевистских государственных образований. Особенно это чувствовалось на Юге России, где были сильны трения между деникинской администрацией и казачьими районами. Донские и Кубанские газеты в обход деникинской цензуры публиковали немало материалов, резко критикующих политику Добровольческой армии и Особого совещания; 2) слабая подготовка цензоров; 3) своеволие редакторов газет.

Белая газетная периодика 1918–1920 гг. является культурным феноменом. Она играла большую роль в развитии Белого движения и в формировании политики антибольшевистских государственных образований. Раскрытие информационных возможностей газетной периодики помогает освещению социальных, политических, экономических и других аспектов истории этого периода. Газетная периодика позволяет найти новые методы повышения информационной отдачи уже введенного в научный оборот исторического материала. Системный анализ всего комплекса газетной прессы расширяет возможности современного гуманитарного знания о революции и Гражданской войне, обеспечивает основы междисциплинарных исследований по данной проблематике.

Источники комплектования и социальный состав Русской армии генерала П. Н. Врангеля (Марковские и корниловские части)

Социальный состав Белых армий в современной исследовательской литературе

В 2000 г. исполнилось 80 лет со времени окончания последнего этапа Белого движения на Юге России. Этот период можно оценивать двояко: с одной стороны, Белое дело потерпело поражение в регионе, в котором оно было наиболее близко к успеху, и с его поражением окончательно рухнули надежды на положительный исход войны в пользу белых. С другой стороны, Белое движение на юге России под новым руководством показало возможность достаточно успешной борьбы с превосходящими силами противника при общих неблагоприятных условиях, а также начало государственного строительства, которое при более раннем внедрении могло бы дать хорошие плоды. Эти факторы, безусловно, имеют большое значение.

В настоящее время сохраняется устойчивый интерес к истории Белого движения. Достаточно часто выходят новые работы по различным аспектам этой темы, публикуются исследования¹. Внимание исследователей в данный момент большей частью сконцентрировано не на общих глобальных вопросах, а на разработке отдельных, узких тем, значение которых для понимания всего хода Белого движения трудно переоценить.

Среди подобных тем можно выделить одну, связанную с социальным составом и источниками комплектования Белых армий и ранее практически не затрагивавшуюся в исторической литературе. Между тем для общего понимания хода Гражданской войны в России она представляется чрезвычайно важной. Ее изучение позволяет по-новому взглянуть на социальную базу Белого движения и раскрывает неоднородность последней.

Исследование темы «Социальный состав Белого движения» дает ответ на ряд как первостепенных, так и второстепенных вопросов. Прежде всего таких: 1) кто являлся основной социальной опорой Белого движения; как следствие этого – 2) причины поражения Белых армий (или, наоборот, победы Красной Армии). Кроме того, изу-

чение этой темы дает возможность нарисовать наглядную картину всего хода Гражданской войны.

Белое движение, особенно на своем низовом уровне, было далеко не однородно по своему социальному составу. Бытует расхожее мнение об отсутствии широкой социальной базы у белых; необходимо аргументированное подкрепление этого мнения или же его опровержение. Названная тема напрямую связана с еще одним вопросом – об источниках комплектования Белых армий, который в свою очередь зависел как от политики противоборствующих сторон, так и от географического фактора.

До недавнего времени социальный состав специально рассматривался всего лишь в нескольких работах, среди которых можно назвать следующие: «Белое движение и отечественный офицерский корпус в годы Гражданской войны в России (1917–1920)» и «Трагедия Белой Гвардии»². Обе они были изданы в 1995 г. в Нижнем Новгороде. Однако интересующая нас тема в этих трудах скорее декларируется, нежели раскрывается. Авторы освещают различные взгляды в советской и эмигрантской историографии, приводят свидетельства непосредственных участников событий, очерчивают основные социальные слои Белых армий юга и востока России. При этом отсутствует исследование непосредственных составляющих компонентов Белых частей. Тем не менее уже сама постановка вопроса представляется важной.

Первой работой, целиком посвященной этой проблеме, является исследование В. Ж. Цветкова «Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.»³, вышедшая в 2000 г. в издательстве «Посев». В ней впервые в историографии предпринимается попытка на документальном материале проанализировать как источники комплектования, так и социальный состав Белых армий.

В настоящем докладе предпринята попытка анализа социального состава и источников комплектования отдельных формирований Белых армий Юга России на всем протяжении Гражданской войны. В качестве таковых выбраны, пожалуй, наиболее известные части Юга России – Офицерские генерала Маркова и Корниловские Ударные полки.

Указанные части не являются исключением в ряду остальных белых формирований с точки зрения изученности в интересующем нас ракурсе, но обладают рядом преимуществ перед остальными формированиями, делающим целесообразным именно их исследование. Прежде всего, эти части являются первыми среди всех белых формирований в России, они просуществовали до окончания войны на Юге

России. Марковские и корниловские («цветные») полки были наиболее известными и боеспособными частями не только Белого движения на юге России, но и, пожалуй, в рамках всей страны. Они были по преимуществу (и главным образом по декларировавшемуся названию) «офицерскими» – в этом свете их изучение представляется особенно интересным и показательным. Кроме того, эти части едва ли не единственные обладают «полковыми историями», составленными с использованием нигде более не публиковавшегося документального материала⁴, а также не введенных в научный оборот архивных источников⁵.

Для подробного рассмотрения темы выбран последний период существования Белого движения на Юге России – 1920 г. Прежде всего необходимо осветить содержание затронутых вопросов применительно к предшествующему периоду.

Эволюция социального состава марковских и корниловских формирований в 1917–1919 гг.

Первый период в эволюции социального состава и источников комплектования марковских и корниловских частей ограничен временными рамками с конца 1917 по конец 1918 г. На его протяжении основным принципом комплектования являлся принцип добровольческий и в очень малой степени мобилизационный. Источниками комплектования служили: добровольцы, прибывавшие из других районов страны, местные добровольцы и более мелкие части, включенные в состав полков.

Говоря об общем изменении социального состава этих полков, произошедшем на протяжении 1918 г., необходимо отметить, что указанные части уже к концу года в своем социальном составе не были преобладающе офицерскими. Офицерский кадр утратил преобладающую численную роль, которую он имел в начале существования Добровольческой армии, но, вместе с тем, остался наиболее дееспособным, ведущим элементом полков.

Если в первом полугодии 1918 г. доля офицеров составляла примерно 50 %, то во втором полугодии – менее 30 %. Утрата офицерством численного преобладания была связана со следующими причинами: 1) с огромными потерями (офицерское звено физически выбивалось в ходе боев); 2) с переводом офицеров полка в другие части; 3) с оттоком офицеров в Донскую армию и на формирование Кубанских частей; 4) с общим численным увеличением состава, как армии, так и полков (падал процент офицеров по отношению к общей численности, поступавшее пополнение было в основном неофицерским); 5) с

постановкой ВСЮР более глобальных, общероссийских задач, что требовало совершенно иной организации частей и иного количества формирований (изменение способов комплектования). Существование исключительно офицерских частей при общей нехватке офицеров в других частях в это время было уже нецелесообразным. В составе элитных частей остаются только офицерские роты. Остальные роты мало чем отличаются к концу 1918 г. от рот других полков.

Остальные 50–70 % личного состава полков (на разных этапах) составляли главным образом добровольцы. Это: учащаяся молодежь (главным образом военная) и казачество (в меньшей степени донское, в большей – кубанское). Казачество к концу 1918 – началу 1919 г. составляет основную массу кадра полков (впоследствии его доля неуклонно падает ввиду ухода из казачьих районов). Незначительный процент к концу 1918 г. составляют мобилизованные и военнопленные. Их доля с начала 1919 г. начинает неуклонно расти, что связано с изменением способов комплектования ВСЮР в целом.

Второй период охватывает время с конца 1918 по 1919 гг. На протяжении второго исследуемого периода меняются принципы комплектования изучаемых полков. Основным становится принудительный (мобилизация и включения пленных). В незначительном количестве сохраняется и добровольческий способ. Источники комплектования разделяются на централизованные и самостоятельные. К централизованным относились: 1) пополнение из созданных запасных батальонов полков (с конца 1918 г. у 1-го Офицерского генерала Маркова полка, с весны 1919 г. у Корниловского Ударного полка, с осени 1919 г. у 2-х и 3-х Марковских и Корниловских полков); 2) пополнение, прибывавшее из штаба дивизии; 3) включение в состав полков кадра более мелких частей (части Южной армии и другие мелкие формирования). Среди самостоятельных источников были: 4) включение в состав пленных красноармейцев (очень большой процент, особенно увеличившийся с осени 1919 г.); 5) включение в состав полков перебежчиков из Красной Армии (основное количество приходится на время успешного наступления на Москву летом–осенью 1919 г.) и 6) включение в состав местных добровольцев (незначительное количество).

В первой половине 1919 г. и далее, включая время активного развертывания частей вплоть до конца лета – начала осени, преобладающим источником комплектования была мобилизация (включение пополнения в состав полков через запасные батальоны). С начала осени полки в равной степени начинают пополнять самостоятельно, главным образом пленными. Это было обусловлено большими потерями, которые не успевали восполнять запасные батальоны, увеличением растянутости ком-

муникаций и трудностями в отправке пополнений из тыла (особенно с началом отступления), большим количеством пленных.

При этом меняется схема пополнения полков. Если ранее пополнение напрямую включалось в состав полков, то теперь оно, как правило, проходило подготовку и обработку в запасных частях и только после этого включалось в состав боевых полков. Эта схема была обусловлена неподготовленностью и ненадежностью поступающего пополнения, большую часть которого составляли мобилизованные и пленные. Как следствие этого достаточно большой размах получило дезертирство. В полковых историях Павлова и Левитова постоянно упоминается о взятии в плен красноармейцев. Так, в марковской полковой истории за время с конца июня по конец 1919 г. не менее 14 раз отмечается взятие марковскими частями в плен красноармейцев общей численностью не менее 7 тыс. человек, а в корниловской полковой истории не менее 30 раз и около 15 тыс. человек.

Социальный состав полков за период с конца 1918 и 1919 гг. представляется достаточно пестрым. Офицерство составляет максимум около трети, а в большинстве исследуемых полков около четверти от общей численности. Среди причин сокращения офицерского кадра мы назовем огромные потери, сокращение пополнения офицерством, отток в формирующиеся части, общее увеличение численности и изменение источников комплектования. Практически сходит на нет и представительство учащейся молодежи, ввиду боевой и небоевой убыли, частичного увольнения от службы, сокращение пополнения. Представительство казаков значительно уменьшается по причине оттока их в свои войсковые формирования и отсутствия пополнения в дальнейшем. Наибольший процент личного состава полков в этот период составляют крестьяне – главным образом мобилизованные в занятых областях и пленные красноармейцы. Кроме того, в 1919 г. в состав полков были впервые включены рабочие, что не является исключением и будет наблюдаться в завершающий период в 1920 г.

Четкой грани (доброволец/мобилизованный) между указанными выше слоями населения не было. Добровольцы и мобилизованные встречаются и среди офицеров, и среди крестьян, и среди рабочих. Даже, наоборот, среди офицерства, которое раньше давало большой процент добровольцев, больше становится мобилизованных. Доля офицерства, таким образом, не только сокращается, но и изменяется характер его привлечения.

Изменение источников комплектования, а вместе с этим и социального состава полка – большинство теперь составляет крестьянство,

неудача «Похода на Москву» и общий моральный упадок в конце 1919 г. даже таких «элитных» частей, как марковские и корниловские полки, привело к дезертирству. Причем оно имело место в достаточно больших масштабах еще летом 1919 г. Согласно архивным данным, дезертирство составляло 6 % от пополнения в 1-й марковский полк за июль–август 1919 г. (время успешного наступления ВСЮР)⁶. С отступлением доля дезертиров (а это главным образом мобилизованные и пленные) увеличилась, особенно во 2-х и 3-х марковских и корниловских (в большей степени солдатских) полках. Это подчеркивает изменения их социального состава. Пополнение зачастую не хотело воевать вообще на какой-либо стороне, и не желало уходить дальше границ своих уездов и губерний.

Эволюция социального состава и источников комплектования «цветных» частей Русской армии в 1920 г.

Третий этап в эволюции социального состава и источников комплектования марковских и корниловских полков по своим временным рамкам совпадает с последним периодом Белого движения на Юге России – с существованием и действиями Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Начавшийся осенью 1919 г. откат Белых частей закончился их изоляцией на Крымском полуострове, последней попыткой перехватить инициативу в свои руки, а затем эвакуацией из Крыма. К особенностям, которые повлияли на состав исследуемых частей, можно отнести ощутимые потери, которые понесли Марковская дивизия (дважды) и некоторые из корниловских полков (3-й полк).

Выделение последнего года войны в качестве третьего периода в изучении исследуемых вопросов обусловлено тем, что основным источником комплектования на протяжении этого периода явилось включение в состав частей пленных красноармейцев (в большей степени) и мобилизация населения (в меньшей). Добровольчество в значимых масштабах почти не наблюдается. Фактически Русская армия П. Н. Врангеля в своем комплектовании перешла на регулярную основу. Вследствие этого окончательно поменялся социальный состав полков, став преимущественно солдатским, при нехватке офицерского состава среднего и низшего звена.

Марковские части

В ходе начавшегося в 1919 г. осенне-зимнего отступления ВСЮР Марковская пехотная дивизия подверглась разгрому у села Алексеево-Леоново в Донецком бассейне, потеряв большую часть своего лич-

ного состава. Само существование дивизии было поставлено под вопрос ввиду ее малой численности.

Дивизия была сосредоточена для пополнения в Ростове, куда направлялись пополнения как из запасных батальонов дивизии, так и от командования ВСЮР. Как отмечает Павлов, пополнение состояло в основном из мобилизованных и шло главным образом через запасной батальон: «Ежедневно прибывало пополнение мобилизованных, из зап[асного] бат[альона] и находящихся на учете у тыловых комендантов (как правило, также мобилизованных. — *Р. Г.*) [...] Официально состав дивизии определялся в 641 офицера и 1367 солдат (к концу января)»⁷. Доля офицеров за счет мобилизации на некоторое время вновь выросла примерно до 50 % в целом по дивизии. В дальнейшем, на протяжении 1920 г., их доля столь высокой уже не была.

Основным источником комплектования становятся пленные красноармейцы, что окончательно меняет социальный состав частей. Так, после подавления Ейского восстания, в феврале 1920 г., в марковские полки было влито некоторое количество пленных⁸.

Численный рост дивизии и стабилизация ее личного состава были прерваны ее выступлением на фронт и новым разгромом 16 февраля (2 марта) 1920 г. у станицы Ольгинской под Ростовом. Описывая бой, Павлов говорит о случаях дезертирства и сдачи марковцев в плен (главным образом из только что набранных пленных красноармейцев)⁹.

После этого разгрома Марковская дивизия была переформирована в Сводно-Офицерский генерала Маркова полк. В расчете на развертывание его в дивизию полк активно пополнялся. Так, в него был влит запасной батальон дивизии, состоявший в основном из пленных и мобилизованных¹⁰. В результате перед эвакуацией ВСЮР в Крым Марковская дивизия была восстановлена. Численность ее составила 900 человек при 245 офицерах (четверть состава – офицеры)¹¹.

В Крыму П. Н. Врангелем было проведено переформирование ВСЮР в Русскую армию, ее части повысили боеспособность путем их сокращения и создания более крупных формирований. «Цветные» части утрачивают названия «офицерские» и «добровольческие», что реально отражает их состав и произошедшие изменения в источниках и принципах комплектования.

Марковская дивизия в 1920 г. получила ряд пополнений за счет включения более мелких частей. Эти пополнения не были велики, поступали в разное время, но их отличие и достоинство заключалось в боевой ценности, так как в них достаточно большим был процент офицеров. В «Журнале военных действий Марковской пехотной дивизии» говорится о включении в состав 3-го Марковского полка Свод-

ного батальона 2-й пехотной дивизии¹². Во 2-й Марковский полк был влит Сибирский батальон, численностью в 650 штыков, сформированный еще в апреле 1919 г. из офицеров, служивших в Сибирских частях. В августе 1920 г. в состав марковцев влилось и небольшое количество «бредовцев», среди которых была немалая доля офицеров-добровольцев¹³. В августе, вслед за Сибирским батальоном и «бредовцами» в состав Марковской дивизии было включено еще 800 чинов других частей: «В 1-[й] полк был влит бат[альон] Белозерского полка... Во 2-[й], бат[альон] Кабардинцев... часть кадра его начала службу в 1-м Офицерском ген[ерала] Маркова полку в Донецком бассейне и выделена из него в Белгороде, где формировался Кабардинский полк. В 3-[й] вошли роты Олонецкого, Якутского и Навагинского полков...»¹⁴.

Но в большей степени, что видно как на примере марковской и корниловской полковых историй, так и других источников, части Русской армии (а вместе с ними и марковские, и корниловские) комплектовались за счет пленных, хотя были немалые пополнения и мобилизованными¹⁵. Связано это было с ограниченными возможностями мобилизации в Крыму, где она осуществлялась с большим трудом. О сопротивлении крестьян Крыма и Северного Причерноморья мобилизации пишет в своих воспоминаниях последний командир 2-го Марковского полка генерал-майор Г. К. Гравицкий: «Крестьяне с необычайной стойкостью и упорством уклонялись от участия в Гражданской войне; никакие репрессии не могли парализовать поголовного бегства мобилизованных из полков»¹⁶.

Об этом же в свое время писал, говоря о подобной же ситуации и в Красной Армии, начальник политуправления и член РВСР С. И. Гусев: «Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдавались или переходили в ряды Красной Армии, и, наоборот, из Красной Армии перебежали к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом был один и тот же у обеих половин перебежчиков: гражданский мир. Для предотвращения перехода на сторону противника белые вливали в ряды бойцов значительное количество офицеров (10–50 %), а красные – не меньшее количество коммунистов и рабочих»¹⁷.

Отследить состав марковских частей в 1920 г. можно попытаться с помощью «Приказов по полку за 1920 год». Однако по сравнению с аналогичными документами за 1918–1919 гг. они представляются достаточно скудными. Относительно полные данные имеются лишь о полковой пулеметной команде. Так, в «Арматурном списке» пулеметной команды, начатом в январе 1920 г., содержатся следующие дан-

ные о ее составе: всего 144 человека, из которых 89 рядовых и 55 офицеров¹⁸. В «Именном списке» чинов ППК на лето 1920 г. содержатся данные на 58 человек из которых 40 рядовых и 18 офицеров¹⁹. В «Именном списке» прибывшего пополнения фигурируют 44 человека, из которых двое были рядовыми, 42 – новобранцами (видимо, мобилизованные) и ни одного офицера²⁰.

Пополнение 1-го Марковского полка в основном рядовым составом отражено в «Приказе по 1-му генерала Маркова пехотному полку» № 172 от 1 (14) июля 1920 г.: рядовых – 35 человек (из них 4 пленных, 27 мобилизованных и 4 добровольца), офицеров – 8 человек (из них 2 мобилизованных СУО, 2 мобилизованных ефрейтора, 2 добровольца СУО и 3 добровольца МУО)²¹. Таким образом, офицеры составляли в пополнении меньшинство. При этом соотношение по характеру призыва следующее: мобилизованных – 27, пленных – 2, добровольцев – 8 человек.

Тем не менее основная масса пополнения осуществлялась за счет пленных. При этом, отбор пленных, поступавших в боевые части, становится в это время гораздо менее тщательным. Упоминания об их включении в состав Марковской дивизии, как через запасные части, так и напрямую, до создания в июне 1920 г. запасных батальонов полков и дивизии, постоянно встречаются в полковой истории. Так, Павлов упоминает о включении в мае 1920 г. в состав 1-го полка до 300 пленных²². В состав полков включается, ввиду острой нехватки личного состава даже «интернациональный» элемент. В полковой истории упоминается о включении в состав марковцев пленных латышей: «Увидя себя окруженными, сдались... Это были латыши. 300 человек, изъявивших желание биться с большевиками, сразу же были распределены между ротами полка (1-го полка. – *Р. Г.*)»²³. Еще одно упоминание о пополнении пленными относится к июню 1920 г. (село Дмитриевка. – *Р. Г.*): «С первого же дня, как только дивизия стала в селе, в ней закипела работа по усилению своей мощности. Ежедневно прибывало пополнение из пленных, мобилизованных, возвращающихся по выздоровлению и даже добровольцами из крестьян»²⁴. Примечательно упоминание о добровольцах, пополнивших марковцев, едва ли не единственное за лето–осень 1920 г. В самом конце войны Белые части пополняли не только отдельные группы пленных красноармейцев, но бывали случаи включения в состав даже небольших частей Красной Армии со своими командирами. При этом, из-за острой нехватки офицеров, сдавшиеся красные офицеры назначались на командные должности: «Пленные. 180 человек... принадлежали к карательному отряду, ведущему борьбу с восставшими против Сов[етской] власти в районе Чугуева. Отряд в 600 человек был набран из мобилизованных. Им командовал бывший офицер, ротами – также

бывшие офицеры и бывший ст[арший] ун[тер-]офицер. При каждой роте были комиссары... Вид у всех был отличный. Среди них сразу сам представился ком[анди]р роты, ст[арший] ун[тер-]офицер, заявивший: “Мы сдаемся добровольно”. [...] Он ручался за всех своих. Решение командира батальона – влить сдавшихся в роты – унтер и все приняли с радостью (3-й полк. – *Р. Г.*)»²⁵. Обращает на себя внимание то, что в состав 3-го полка была включена не просто красная часть, а карательный отряд. Нехватка личного состава заставляла командиров полков включать в состав своих частей даже открыто отказывавшихся воевать на их стороне: «В июльских боях были взяты в плен курсанты. Шесть из них отказались добровольно вступить в ряды полка и были... отправлены в запас. Через полтора месяца исправной службы их, опять же вместе, перевели в одну из рот, где в боях они вели себя хорошо»²⁶.

Безусловно, подобное пополнение не могло эффективно заполнить убыль в частях и снижало их общую боеспособность. Последнее пополнение, упомянутое в полковой истории, это включение непосредственно перед падением Крыма в марковские части пленных махновцев: «Свыше сотни их сразу же вступило в ряды дивизии... И воевали они честно и отлично. Остальные были отосланы в плавни»²⁷. Более пополнение в марковские части не поступало – последовала эвакуация Русской армии из Крыма и окончание Белой борьбы на Юге России.

Следует также сказать о механизме пополнения частей, который напрямую влиял на качество их личного состава, и оценить качество самого пополнения на протяжении 1920 г. Пополнение пленными (а именно они, как уже говорилось, были основным источником комплектования) до июня 1920 г. шло главным образом напрямую, из-за отсутствия запасных батальонов, которые были созданы только в июне²⁸. С их созданием пополнение идет по уже описанной схеме (лето–осень 1919 г.), с той лишь разницей, что запасные батальоны пополняют в основном пленные и в малой части мобилизованные, а добровольцы практически отсутствуют. Направляемые из штаба армии пополнения и более мелкие части напрямую включались в состав полков. Еще одно отличие запасных батальонов образца 1920 г. от батальонов 1919 г. заключалось в том, что времени на подготовку кадра для пополнения отводилось намного меньше и, как следствие этого, профессиональные характеристики оставляли желать лучшего. Трудности с пополнением, его низким качеством и отсутствием необходимого кадра инструкторов для его подготовки видны из доклада начальника учебной пулеметной команды наблюдающему за пулемет-

ными командами 1-го Марковского полка²⁹. Кроме того, многие категории населения освобождались от службы, такие, например, как землемеры, занятые проведением аграрной реформы³⁰.

Павлов достаточно много места отводит описанию пленных, которые направлялись в запасные батальоны, и состоянию самих запасных батальонов. Интересно его упоминание о включении в состав запасного батальона пленных красных курсантов, которые вошли в его состав, даже несмотря на свои просоветские взгляды и отказ воевать на стороне белых: «Когда пленных курсантов вели в штаб полка, с ними разговаривались. [...] Ответы молодого курсанта были весьма обстоятельны. Он делил население на три группы: самая ничтожная по численности – коммунисты, борющиеся до «полной победы коммунизма»; более значительная – обыватели, не желающие воевать, но воюющие потому, что их заставляют; и группа самая многочисленная, думающая о скорейшем окончании братоубийственной борьбы, но т[ак] к[ак] видит неизбежность конечной победы красных, то “за совесть” поддерживает их. Сам он причислял себя к этой группе, и на предложение вступить в ряды армии ответил твердым отказом. [...] Курсантов отправили в запасной батальон полка (этот эпизод относится к июлю 1920 г. – Р. Г.)»³¹.

Запасные части Марковской пехотной дивизии отличались низкой боеспособностью, но именно они были главным источником комплектования полков: «Было четыре запасных бат[альо]на – один общий и три – у каждого полка. В каждом – чуть ли не по 1000 человек. Общий для дивизии батальон назначался к разворачиванию в 4-й полк. В нем были учебная и пулеметная команды; из него не шло пополнение в полки, отчего его части были более сплочены, обучены. [...] В запасных бат[альо]нах полков было значительно хуже. В них была большая текучесть состава из-за отправки пополнений в полки. Кадровый состав был ничтожный; если еще можно было кое-как обучать солдат, то совершенно невозможно было их воспитать и даже вести за ними наблюдение. Батальоны стояли у Днепровских плавней, что облегчало дезертирство и, с другой стороны, облегчало связь с красными. Знали об этом, но нужны были чрезвычайные меры предосторожности. Однажды узнали о готовящемся в одном из батальонов восстании, первый акт которого – убийство всех офицеров. Были известны заговорщики, будущие ком[анди]ры во время восстания. Вечером, в канун восстания, после проверки и отдачи распоряжений, арестовано было 23 человека и тотчас же расстреляны»³². Безусловно, это говорит о низком качестве прибывавшего в полки пополнения и о его ненадежности. Вследствие этого боевые полки, даже несмотря на острую нехватку личного состава, часто не торопились с

пополнением. Обращает на себя внимание и нехватка офицерского кадра, недостаточного даже для обучения в запасных батальонах: «...с пополнениями не торопились, хотя в запасных батальонах было по 1000 человек. Долгий опыт показал – умением бить врага легче, чем числом. Для рот большой численности нужен был опытный командный состав – средний и младший, но его не хватало. Было 3–5 офицеров на роту. [...] Надежды на переход офицеров со стороны красных определенно рухнули. Сдавались и брались в плен сотни красноармейцев, но офицеров среди них были единицы»³³. О низком качестве пополнения в ходе боевых действий упоминается неоднократно – уже при описании случаев дезертирства из Марковских полков: «...в полки влито пополнение из запасных батальонов... А было оно с весьма низким настроением, неблагонадежное»; «Начавший давать себя чувствовать голод особенно отразился на пополнении – началось дезертирство десятками, но оно не понижало настроения – уходил наиболее слабый, ненужный элемент...»³⁴. В ходе отступления Марковской дивизии под селом Днепровка, она понесла немалые потери, в том числе и сдавшимися в плен. Павлов говорит о том, что это были главным образом бывшие красноармейцы, включенные в состав марковцев.³⁵ Уже упоминавшийся генерал-майор Гравицкий также пишет о низком качестве пополнения и понижении из-за него общей боеспособности Русской армии: «К концу крымской трагедии в части было много влито пленных красноармейцев, не профильтрованных, плохо обученных и мало сочувствовавших белому движению: это конечно не могло отразиться на качествах армии»³⁶. Описывая боевую ценность пополнения из красноармейцев и его моральные качества, Павлов противоречит своим же данным, оценивая бывших красноармейцев довольно высоко, в то время как среди них (что видно на основе его же данных) был большой процент дезертиров: «Их... мораль стояла высоко и не только среди офицеров, но и солдат, почти исключительно из бывших красных. Последние в боях показали себя верными боевыми соратниками, связанными с офицерами вместе пролитой кровью, верой в крепость своих частей, уверенностью, что и малыми силами можно бить врага и одерживать победы»³⁷.

Корниловские части

Корниловские части также понесли в 1919 г. большие потери в ходе осенне-зимнего отступления ВСЮР, завершившего неудачный «поход на Москву». Восполнение их, как и в марковских частях, происходило в основном за счет пленных и в меньшей степени за счет мобили-

зованных. Добровольческий принцип комплектования сходит в 1920 г. практически к нулевому уровню.

В этом свете уже отмечавшаяся утрата частями ВСЮР при их переформировании в Русскую армию П. Н. Врангеля, определений «добровольческие» и «офицерские» были встречены «цветными» частями с пониманием: «Спокойно отнеслись Корниловцы к переименованию Врангелем “Вооруженных Сил на Юге России” в “Русскую Армию” и с грустью приняли новость, что “Добровольческий Корпус” отныне “1-й Армейский Корпус”. Добровольчество стало неприемлемым»³⁸.

Авторы полковых историй говорят о составе Корниловской Ударной дивизии в январе 1920 г. так: «...415 офицеров и 1663 солдата (в трех полках. – Р. Г.). С уходом 3-го Корниловского Ударного полка на формирование и приходом “запасного полка дивизии” под командой поручика Дашкевича это число повысилось приблизительно до 2500 человек»³⁹. Доля офицеров в корниловских полках в начале 1920 г. составляла, таким образом, немногим более четверти. Общая небольшая численность свидетельствует о больших потерях корниловцев в ходе отступления. Говоря о социальном составе исследуемых частей, нельзя не сказать о запасном полку Корниловской Ударной дивизии, выделяющемся среди всех остальных. В своей полковой истории Левитов отмечает, что Корниловский запасной полк (у Критского он упоминается как 4-й Корниловский Ударный полк) почти целиком состоял из шахтеров Донецкого бассейна: «...шахтеры Донецкого бассейна, из которых был составлен “запасной полк Корниловской Ударной дивизии” и которые доблестно дрались... за национальную Россию...»⁴⁰. То есть в составе Корниловской дивизии в 1920 г. действовала целая часть из рабочих. Этот факт можно рассматривать в качестве яркого примера участия рабочих Юга России в борьбе против «пролетарской диктатуры». Полковник Левитов отмечает прекрасные боевые качества запасного батальона. Необученный запасной батальон понес немалые потери в ходе боев в середине (конце) января 1920 г., а в ходе отката ВСЮР к Новороссийску практически целиком погиб в бою у станции Шкуринской.

Наиболее полные сведения о поступающем пополнении и численном составе имеются о 2-м Корниловском Ударном полку, вследствие того, что автор полковой истории был в нем сначала помощником командира полка, а затем и его командиром. Очевидно, что при написании полковой истории он имел более полные данные именно о 2-м Корниловском полку. 10 (23) марта 1920 г. во 2-й Корниловский полк было влито пополнение из остатков Кавказского стрелкового

полка с конной сотней»⁴¹. Также Левитов приводит боевой состав 2-го Корниловского полка на 24 мая (6 июня) 1920 г., который, по его сведениям, составлял 4 батальона, один из которых был офицерским и три солдатскими (офицеры, таким образом, составляют четверть состава)⁴². В ходе боев 2-й полк понес немалые потери, что видно из приводимых данных по составу 2-го полка на 4 (17) июля 1920 г.: «Штаб-офицеров – 8, обер-офицеров – 253, ударников – 406, батальонов – 4, команда конных разведчиков, сотня войскового старшины Попова, пулеметная рота 55 пулеметов, офицерская пулеметная команда – 20 пулеметов, ударников в пулеметных командах – 387» (доля офицерства вследствие общих больших потерь увеличивается)⁴³. Следующие данные о составе 2-го полка приводятся уже на 22 июля (4 августа) 1920 г.: «Офицеров – 349, ударников – 1018, нестроевых – 126»⁴⁴. Как видно из этих сведений, численность полка существенно повышается, что говорит о достаточно интенсивном пополнении. Относительно большое количество офицеров во 2-м Корниловском полку объясняется наличием в нем еще со времени его формирования в 1919 г. отдельного Офицерского батальона большой численности и не является типичным в 1920 г. для «цветных» частей. Основное пополнение Корниловских частей в 1920 г., как и Марковских, происходит за счет включения в состав пленных. Подобные включения неоднократно отмечаются и Критским, и Левитовым, в то время как свидетельства о пополнении полков мобилизованными и в еще меньшей степени добровольцами (единичные случаи), встречаются все реже. Так, 3 (16) июня 1920 г. Левитов отмечает пополнение 2-го полка в 100 человек из пленных красноармейцев⁴⁵, 24 августа (6 августа) 1920 г. 2-й и 3-й Корниловские полки вновь пополнились пленными – по сто человек каждый⁴⁶. В конце августа – начале сентября 1920 г. в Корниловской дивизии было достаточно большое пополнение как из пленных, так и из более мелких частей Русской армии и отряда генерала Бредова: «Наши запасные батальоны и командование Русской Армии срочно направили в дивизию пополнение, которое было весьма разнообразно: прибыли добровольно наши старые части из Польши, из отступившей туда Армии генерала Бредова; небольшая часть, состоявшая из оставшихся за бортом после сокращения Армии, была холодно встречена нами; основная же масса пополнения состояла из пленных, выразивших желание бороться в наших рядах..., вместе с другим пополнением, были присланы из Бредовской Армии... 133-й Симферопольский и 75-й Севастопольский пехотные полки»⁴⁷. Левитов отмечает, что все части дивизии сумели пополнить свои ряды, а «3-й Корниловский Ударный полк особенно много принял к

себе бывших красноармейцев, и в его рядах было что-то около 2 тыс. человек»⁴⁸. Критский упоминает, что из пленных матросов была создана отдельная рота⁴⁹. После пополнения полки имели следующий состав: 1-й полк – около 1,5 тыс. человек; 2-й полк офицеров и солдат в строю – 1303, в хозяйственной части – 158, всего – 1461 человек; 3-й полк более 2 тыс. человек (сказалось включение большого числа пленных)⁵⁰.

Характеризуя пополнение из красноармейцев, поступающее в состав Корниловских полков, Левитов отмечает, что «Пополнение из пленных держит себя бодро и сражается героически...»⁵¹. Им даже отмечается случай, в ходе которого 40 человек из числа пленных красноармейцев были взяты в плен Красной Армией, но затем были вновь отбиты и продолжали сражаться в рядах корниловцев⁵². Но здесь же им приводится и другая, несколько противоречащая предыдущей, характеристика (аналогичная оценкам Павлова): «С момента пополнения после штурма Каховки бывшее упорство Корниловцев ушло в прошлое. Несмотря на это, нужно удивляться тому, как вчерашние красноармейцы жертвенно умирали за честь национальной России»; «Я опять должен отметить здесь поражавшее меня в последних боях явление: это упорство бывших красноармейцев драться на нашей стороне»⁵³. Подводя итог всему Белому движению на юге России, он отмечает, что в сентябре 1920 г.: «Корниловская Ударная дивизия... в течение двух недель имела пополнение, на $\frac{2}{3}$ состоявшее из солдат Красной Армии, которые геройски дрались в наших рядах до Севастополя... [что] подтверждают записи наших журналов боевых действий полков Корниловской Ударной дивизии. [...] Без их помощи Добровольческая армия прекратила бы свое существование еще при выходе с Кубани в Донецкий бассейн»⁵⁴. Таким образом, на протяжении третьего исследуемого периода основным принципом комплектования остается принудительный, но с разницей в том, что если во второй период его основой была мобилизация, то в третьем основой служит уже включение в состав пленных. При этом полки практически перестают пополняться добровольцами. Фактически Русская армия переходит к строительству на регулярной основе.

К централизованным источникам пополнения можно отнести следующие. Пополнение из запасных батальонов полков (батальоны существуют не весь период – весной вливаются в основные части, летом воссоздаются и расширяются до батальона на дивизию и по батальону на каждый полк). Этот источник комплектования можно считать централизованным только отчасти, так как пополнения в запасные батальоны в виде пленных поступали от самих боевых полков.

Следующий источник – кадр более мелких частей, включаемых в состав полков (части Русской армии, подлежащие расформированию, части отряда генерала Бредова, прибывшие из Польши). К самостоятельным источникам относились: включение пленных красноармейцев и в меньшей степени перебежчиков напрямую в состав полков и включение местных добровольцев (крайне незначительное количество).

Социальный состав полков за период с конца 1919 г. по осень 1920 г. по сравнению со вторым периодом не претерпевает существенных изменений и также представляется достаточно пестрым. Офицерство теперь составляет около 25 % от общей численности полков. Причинами дальнейшего сокращения процента офицерства были главным образом огромные потери, которые несли сначала ВСЮР, а затем и Русская армия, а также сокращение пополнения белых частей офицерством, даже несмотря на включение в состав «цветных» полков офицеров из расформированных частей. Наибольший процент личного состава составляют крестьяне – главным образом пленные красноармейцы и мобилизованные в областях, занятых Русской армией. Кроме того, в 1920 г. в состав полков в немалом количестве включены и рабочие (запасной батальон корниловцев).

Коренное изменение принципов и источников комплектования, а вместе с этим и социального состава полков, а также общий перелом в ходе Гражданской войны привели к массовому дезертирству. Пополнение, состоявшее главным образом из пленных красноармейцев и мобилизованных, зачастую не хотело воевать на какой-либо стороне вообще, не говоря уже об участии в войне на стороне белых, в заключительных боях в Северном Причерноморье и Крыму. Вместе с тем, определенная часть бывших красноармейцев преданно сражалась; согласно полковым историям, на стороне белых.

Изменения, произошедшие в частях, в целом характерны для всех Белых частей Юга России, с возможными оговорками на специфику, и затронули как количественную, так и качественную сторону. В конце войны они уже мало чем напоминали 1-й Офицерский и Корниловский Ударный полки образца первой половины 1918 г.

В целом указанные полки были одними из наиболее боеспособных частей Белого Юга, но при этом они никогда не были исключительно офицерскими по своему составу, представляя в своих рядах все основные слои населения России.

Приложение 1

О пополнении ППК⁵⁵

Наблюдающему за пулеметными
командами 1-го Офицерского
генерала Маркова полка

Сообщаю, что пополнение полученное 10 (23) февраля может быть будет подготовлено и прислано лишь к 1 (14) марта с[его] г[ода], а из 16 человек полученных в ст[анице] Шкуринской для подготовки остались всего 6 человек. которые в настоящее время за неимением кадра, несут обязанности инструкторов. С более точным докладом и за материальными частями приду с пополнением.

Подпоручик Малышев
Зарегистрировать
8(21)XI-20
(подпись)

Сообщаю что также в запасной батальон людей не было. то полученное мною пополнение 10 (23) февраля с[его] г[ода] может быть подготовленным и присланным в полки лишь к 1 (14)-му марту с[его] г[ода].

Приложение 2

Об освобождении от службы для осуществления земельного закона⁵⁶

Циркулярно. Копия.

И[сполняющий] Д[олжность]
Начальника Штаба
Командующего войсками
Армейского тылового района
Керченского полуострова
Июля 7 (20) дня 1920 года
№ 9766
город Севастополь

Нач[альнику] Шта[ба] креп[ости] Севастополь, Ком[андиру] креп[ости] Керчь, Начальникам районов: Севастополь, Феодосия, Ялта, Евпатория, Джанкой, Перекоп, Сивашского укрепленного района, Симферополь — Командиру Таврической бригады Государственной стражи, Севастополь — начальнику Черноморского округа пограничной стражи

Для осуществления земельного закона Главнокомандующий приказал освободить от будущих мобилизаций и призывов землемеров, состоящих на службе в Таврическом Межевом отделе, а также в срочном порядке освободить от военной службе землемерных чинов бывшего Таврического Межевого отдела, состоящих уже на службе в Русской армии.

В виду вышеуказанного, препровождая при сем список означенных землемерных чинов, состоящих на службе в Русской армии, по приказанию командующего войсками, прошу распоряжения о срочном освобождении от военной службы и немедленном командировании в распоряжение Таврического Губернского по земельным делам посредника (город Симферополь) тех из поименованных в препровождаемом при сем списке землемерных чинах, как окажутся на службе в подведомственных Вам частях войск, управлениях и гарнизонах.

О том кто именно и когда будет командирован, прошу уведомлять непосредственно от себя Начальника землеустроительного отдела управления земледелия и землеустройств при Главкомандующем ВСЮР, а ваши уведомления присылать мне.

Приложение: список.

Подписал: Г[енерального] Ш[таба] Г[енерал]-М[айор] (подпись)

Скрепил: Г[енерального] Ш[таба] Полк[овник] (подпись)

Верно: делопроизводитель [Денисов]

Командирам гор[одски]х и уез[дны]х страж Тав[рической] губ[ернии], губ[ернс]кого и уездных резервов.

№ 7993

11 (24) июля 1920 года

г[ород] Симферополь

Для донесения, кто будет командирован

Пом[ощни]к к[оманди]ра бригады

Полковник (подпись)

Делопроизводитель [Денисов]

Примечания

¹ Среди последних работ можно упомянуть следующие: *Бутаков Я. А.* Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.). М., 2000; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России: 1918–1920 гг. СПб., 1999.

² *Устинкин О. В.* Трагедия Белой Гвардии. Нижний Новгород, 1995; *Самусь В. Н., Устинкин О. В., Мацур П. С.* Белое движение и отечественный офицерский корпус в годы Гражданской войны в России (1917–1920). Нижний Новгород, 1995.

³ *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. М., 2000.

⁴ *Критский М. А.* Корниловский Ударный полк. Париж, 1936; *Левитов М. Н.* Материалы к истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974; *Павлов В. Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Кн. 1. Париж, 1962. Кн. 2 – 1964.

⁵ Фонды Марковских и Корниловских полков и дивизий Российского Государственно-Военного Архива (РГВА).

⁶ Общее соотношение пополнивших полк за этот период составило 1877 человек на 120 человек, оставивших его, соответственно, 94 на 6 %. См.: РГВА. Ф. 39689. Д. 12 (Приказы по 1-му офицерскому генерала Маркова пехотному полку. № 116–155 (5 (18) июля – 13 (26) августа 1919 г.).

⁷ *Павлов В. Е.* Указ. соч. Кн. 2. С. 209.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 224.

¹¹ Там же.

¹² РГВА. Ф. 39688. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

¹³ *Павлов В. Е.* Указ. соч. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ О достаточно большом пополнении мобилизованными упоминается в «Журнале боевых действий Марковской пехотной дивизии»: РГВА. Ф. 39688. Оп. 1. Д. 25. Л. 4 об.

¹⁶ *Гравецкий Ю. К.* Белый Крым (1920 год) // Военная мысль и революция. Кн. 2. М., 1923. С. 107.

¹⁷ *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная Армия. 1958. С. 79.

¹⁸ РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–15 (Приказы по 1-му Марковскому пехотному полку по строевой и хозяйственным частям за 1920 г.; Арматурные списки чинов и солдат 1-го Марковского пехотного полка. 7 (20) июля – 7 (20) ноября 1920 г.: Арматурный список 1-го Офицерского генерала Маркова полка на чинов Полковой Пулеметной Команды).

¹⁹ Там же. Л. 74 (Именной список Полковой пулеметной команды, 9/XI 1920).

²⁰ Там же. Л. 97–97 об. (Именной список чинов прибывших на пополнение Полковой Пулеметной Команды, дата не указана).

²¹ Там же. Л. 109–109об. (Приказ по 1-му генерала Маркова пехотному полку № 172, 1 (14) июля 1920 г., село Таргаевка).

²² Павлов В. Е. Указ. соч. С. 243.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 244.

²⁵ Там же. С. 289.

²⁶ Там же. С. 306–307.

²⁷ Там же. С. 311.

²⁸ Там же. С. 244–245.

²⁹ РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7. Л. 88–88 об. (См. Приложение 1).

³⁰ Там же. Л. 1–1 об. (См. Приложение 2).

³¹ Павлов В. Е. Указ. соч. С. 260–261.

³² Там же. С. 309.

³³ Там же. С. 282.

³⁴ Там же. С. 313–314.

³⁵ Там же. С. 320.

³⁶ Гравицкий Ю. К. Указ. соч. С. 116.

³⁷ Павлов В. Е. Указ. соч. С. 280. В отношении комплектования Белых армий Юга России на протяжении Гражданской войны (касаясь косвенно и социального состава) красноречиво говорит высказывание Павлова: «Солдатская масса, даже в унтер-офицерском составе, оказалась совсем отсутствующей в частях Добровольческой армии при ее зарождении, разве только что в Корниловском полку. Но затем, в качестве, главным образом “военнопленных”, т. е. бывших красноармейцев, она была представлена на добрых 90 % в составе даже лучших, бывших офицерских полков. И дралась безукоризненно. Во всяком случае, много лучше, чем до этого в рядах Красной Армии. Как редки были в Марковских частях случаи обратного ухода к красным или массовой сдачи в бою. Дезертирство наблюдалось лишь в моменты таких кризисов, как отступление от Орла или при отходе к Новороссийску. И это наилучший показатель, что солдат – прямой представитель широких масс русского народа – не был политически и социально враждебен Белому Движению, и очень простые и дружелюбные взаимоотношения с офицерами и в бытовой и в боевой обстановке, где дисциплина строгая, но без всякой отчужденности». (Там же. С. 375).

³⁸ Критский М. А. Указ. соч. С. 163.

³⁹ Там же. С. 157; Левитов М. Н. Указ. соч. С. 404.

⁴⁰ Там же. С. 403, 405, 410, 411; Критский М. А. Указ. соч. С. 157, 160.

⁴¹ Левитов М. Н. Указ. соч. С. 419.

⁴² Там же. С. 433.

⁴³ Там же. С. 464.

⁴⁴ Там же. С. 471.

⁴⁵ Там же. С. 444.

⁴⁶ Там же. С. 503.

⁴⁷ Там же. С. 504–505.

⁴⁸ Там же. С. 505.

⁴⁹ *Критский М. А.* Указ. соч. С. 192.

⁵⁰ *Левитов М. Н.* Указ. соч. С. 509.

⁵¹ Там же. С. 471.

⁵² Там же. С. 469–470.

⁵³ Там же. С. 538, 543.

⁵⁴ Там же. С. 512–513.

⁵⁵ РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7. Л. 88–88 об. В публикации сохранена орфография документа.

⁵⁶ Там же. Л. 1–1 об.

Красный террор в Крыму. 1920–1921 гг.

Четырнадцатого ноября 1920 года последний русский пароход с эвакуируемыми войсками Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля вышел из Феодосийского залива. Через несколько часов Феодосийский отряд судов встретился с кораблями, вывозящими войска и беженцев из других городов Крыма, и они вместе взяли курс на Константинополь.

Эвакуация из Феодосии, по общему мнению как красных, так и белых, была самая неудачная в Крыму. Даже Кубанский корпус, для которого в принципе и предназначалась «Феодосийская эскадра», не смог полностью погрузиться – были брошены 1-я Кубанская казачья дивизия и Терско-Астраханская бригада. Командир последней, генерал-майор К. К. Агоев, на предложение руководителя эвакуации генерал-лейтенанта М. А. Фостикова за недостатком мест погрузить его лично, ответил: «Я остаюсь со своими казаками». По счастью, этим частям удалось прорваться на Керчь и там погрузиться на спасительные корабли. Но в городе остались тысячи и тысячи людей: отставшие от своих полков солдаты и офицеры, отдельные батареи, роты и команды, тыловые учреждения, госпиталя, забытые ранеными и больными, семьи военнослужащих и чиновников. Список брошенных частей, подразделений, различных учреждений и госпиталей занимает почти две страницы убористого текста. В частности, в плен попали 2-й армейский запасной батальон, тыловые части 52-го пехотного Виленского полка, до ста чинов Одесских пулеметных курсов, Сырецкий госпиталь Красного Креста, Феодосийский армейский эвакупункт, полевой эвакупункт № 16 и другие части и учреждения.

Суда уходили, вслед им смотрело огромное количество людей, оставляемых на произвол судьбы, после более чем двух лет бесценной и беспощадной борьбы за Россию.

Утром 16 ноября в город вошли части 9-й стрелковой дивизии Красной Армии, во главе с Николаем Куйбышевым. По воспоминаниям адъютанта 78-го полка этой дивизии Ивана Шевченко, красные в Феодосии официально «взяли в плен» 12000 человек.

В тот же день был сформирован Военно-революционный комитет Феодосийского уезда, который разместился в гостинице «Астория». Председателем ВРК по приказу Белы Куна был назначен Жеребин.

В ночь с 16 на 17 ноября «началось»: по приказу комиссара 9-й дивизии М. Лисовского на городском железнодорожном вокзале были расстреляны солдаты и офицеры команды выздоравливающих 52-го пехотного Виленского полка 13-й пехотной дивизии Русской армии, общим числом до 100 человек: не успевших эвакуироваться. Видимо, это была своеобразная месть, так как 9-я дивизия неоднократно встречалась с Виленским полком на полях Северной Таврии.

17 ноября по городу был расклеен приказ № 4 Крымревкома, в котором приказывалось «...всем офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работникам в учреждениях Добровольческой армии... явиться для регистрации в трехдневный срок... Не явившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по законам военного времени». Под приказом стояли подписи председателя Крымревкома Белы Куна и управделами Яковлева.

Регистрация проводилась в гостинице «Астория» — в особом отделе 9-й дивизии РККА и в городской комендатуре, временно размещенной на даче Месаксуди. На регистрацию в установленный срок явилось более 4500 человек, их зарегистрировали и... распустили по домам. Среди населения, несмотря на слухи о массовых расстрелах в Симферополе и Керчи, появилась надежда на то, что большевики выполнят обещание Смильги, Белы Куна и Фрунзе об амнистии сдавшимися и рыцарском отношении к населению, данное 11 ноября.

Через двое суток, совершенно неожиданно, была объявлена новая перерегистрация. Всех явившихся немедленно арестовывали и под конвоем отправляли в Виленские и Крымские казармы и на дачу Месаксуди. Вот как описывает эту регистрацию очевидец — корнет Сводно-Гвардейского кавалерийского полка А. Эдлерберг, которому удалось в тот же день бежать, не дожидаясь развязки:

«Местом сбора была назначена дача крымского фабриканта — табачника Месаксуди.

В глубине большого двора мы увидели импозантное здание в строго восточном стиле. Там же толпилась пара сотен людей, и через открытые настежь ворота прибывали все новые. С болезненным чувством всматривался я в их лица. Большинство было явно из низов — солдаты; но осанка, одежда выдавали иногда офицера, теперь бывшего.

Время шло, и двор почти заполнился людьми, когда неожиданно раздался резкий свисток: тотчас ворота захлопнулись, из стоявшего поодаль флигеля выбежали несколько десятков красноармейцев с примкнутыми штыками; двери дачи распахнулись, и с десятков матросов выкатили на широкое крыльцо два “максима”.

Громовая команда “Смир-р-но!” заставила нас привычно вытянуться и замереть. Потом я подумал, что это хитрый способ определить военную выучку, а, следовательно, и звание пленных. Так начался отбор “чистых” и “нечистых”: по приказу мы по двое подходили к ново-явленным “авгурам”, которые безапелляционно, лишь взглянув, командовали — налево или направо. Сортировка продолжалась долго. К этому времени прибыла еще из Феодосии рота красноармейцев, окружила “левых”, выстроившихся в колонну по четыре в ряд, и нас погнали обратно к городу, теперь уже окруженных цепью конвоя. Достигнув сквера возле Генуэзской башни, колонна остановилась, и нам приказали войти внутрь и не высовываться».

Кроме того, на Карантине еще весной 1920 года был построен лагерь для ушедших вместе с белыми железнодорожных рабочих из Курска. Самых рабочих в ночь с 19-го на 20-е, вместе с женами и детьми, числом до 400 человек, выгнали из лагеря и... расстреляли на мысе Святого Ильи. Так большевики, объявившие себя борцами за свободу пролетариата, начали в нашем городе с освобождения от жизни рабочих. На месте бараков был организован концлагерь: куда также стали концентрировать арестованных. Люди были настолько плотно набиты в казармы лагеря, что спать приходилось на полу помещений и во дворе на одном боку: причем для того чтобы перевернуться на другой бок, переворачиваться приходилось всем рядом. Из арестованных чинами особого отдела 9-й дивизии и ревкома выделялись старосты, которые и производили предварительную сортировку, разбивая людей на две основные категории: «бело-красных», то есть тех, которые когда-либо служили в РККА, и «чисто-белых». При этом все заключенные подвергались постоянным избиениям и грабежу со стороны красноармейцев батальона ОСНАЗ и особистов, многие лишились даже нижнего белья и нательных крестов. «Чисто-белые» выгонялись каждую ночь на мыс Святого Ильи и за городское кладбище, где расстреливались пачками из пулеметов, известны даже случаи, когда людей связывали колючей или простой проволокой и топили за Чумной горой в море. На мысе Святого Ильи расстрелянных сваливали в три параллельно идущие балки (одна из них именуется Дурантевской). Места расстрелов охранялись рассыпанными в цепи красноармейцами батальона ОСНАЗ, которые отгоняли жителей и родственников расстрелянных, пытавшихся забрать тела для погребения.

Продолжались расстрелы почти каждую ночь: причем партии колебались от 100–150 до 300 человек. «Бело-красных» ждала не лучшая участь, они также обирались до нитки, и им предлагалось вступить в

Красную армию. Не согласившихся или не принятых по каким-либо причинам также расстреливали, а согласившихся отправляли в полевые лагеря РККА особых отделов 6-й и 4-й армий под Керчью, Бахчисараем, Симферополем и Джанкоем, где их... расстреливали, по причине отсутствия продовольствия и нехватки солдат для охраны.

В казармах Виленского полка, также приспособленных под концлагерь, содержалось одновременно до пятисот мужчин. Организационно они были сведены в «батальон». Утренняя побудка оставшихся в живых начиналась «политзанятиями» и пением Интернационала. Одна из сестер милосердия, войдя в доверие к коменданту, пыталась воткнуть в него шприц с ядом, но неудачно... несчастная была убита на месте.

Каждую ночь, по команде «Рота! Встать», комендант лагеря — «комбат» будил заключенных. Зачитывались списки, и приговоренные к расстрелу отделялись от «личного состава» и отправлялись группой «к месту назначения».

В конце декабря 1920 года произошло несколько массовых расстрелов прямо во дворе Виленских казарм. Видимо, столь поспешная и массовая «ликвидация» объясняется тем, что 9-я дивизия покидала Феодосию в связи с переброской на Кавказ для борьбы с кубанскими повстанцами и передавала город 46-й стрелковой дивизии РККА. Расстрелянных бросали в старые генуэзские колодцы. Когда же они были заполнены, выводили днем партию приговоренных, якобы для отправки в копи, засветло заставляли рыть общие могилы, запирали часа на два в сарай, раздевали до крестика и с наступлением темноты расстреливали.

Единственной организацией, которая хоть как-то помогала приговоренным людям, был Американский Красный Крест, представители которого совершали обходы заключенных и некоторых отправляли в лазарет.

В этот период происходило отлаживание машины смерти в масштабах всего Крыма. При Крымревкоме был образован Юридический отдел во главе с Соколовским. Именно через него Крымревкому был подчинен сначала особый отдел 6-й армии, а с 29 ноября — и 4-й армии. В конце месяца с целью централизации «работ», по неоднократным требованиям председателя Крымревкома Белы Куна и Р. С. Землячки начато было создание КрымЧК во главе с Реденсом и начальником оперативного отдела Я. П. Бизгалом. Комендантом КрымЧК был назначен небезызвестный И. Д. Папанин, служба которого закончилась довольно продолжительным пребыванием в лечебнице для душевнобольных.

Централизация карателей сказалась и на Феодосии. Кровавая мясорубка набирала обороты...

Как уже говорилось выше, в Феодосию в начале декабря 1920 года была переведена 46-я стрелковая дивизия РККА, начальник которой, Иван Федько, был хорошо знаком феодосийцам по кровавой бане, устроенной при его непосредственном участии в городе зимой 1918 года. Особый отдел дивизии, батальон ОСНАЗ и комендантские команды, которые и исполняли роль карателей, были на 70 % укомплектованы эстонцами из недавно распущенной Эстонской стрелковой дивизии РККА. Особый отдел дивизии, местный отдел ЧК и морской особый отдел разместились в Картинной галерее Айвазовского, отметив новоселье пьяным дебошем, во время которого было исколото штыками три картины великого художника. Особый отдел дивизии возглавлял Зотов, а его заместителем был Островский, известный на юге своей крайней жестокостью. Масштабы расстрелов достигли небывалых размеров. Арестованных теперь расстреливали по системе, работавшей как хорошо смазанный механизм: партии людей, предназначенных для уничтожения, не превышали 100–150 человек, но расстреливали теперь каждую ночь. Расстреливать стали и на городском кладбище, где ныне в «назидание потомкам» стоит плита, надпись на которой вещает о 75 мифических красноармейцах, якобы расстрелянных здесь белыми в 1919 году. На этом месте в феврале 1921 года был расстрелян, в числе прочих, сын русского писателя Шмелева прапорщик Сергей Иванович Шмелев.

Его судьба типична для множества русских людей, попавших в красную мясорубку. В конце 1918 года Сергей Шмелев был мобилизован в Добровольческую армию, а уже в ноябре 1919 года был отправлен в Алушту для лечения от туберкулеза и после этого в строй не вернулся из-за болезни. В Алуште его знали практически все, в том числе и коммунисты, которые с приходом красных и поручились за него. Его арестовывали трижды, последний раз 3 декабря, но отдали документы на руки и разрешили ночевать дома — это в Алуште, где людей расстреливали сотнями. 4 декабря комбриг Райман взял его с собой в Судак, где он жил несколько дней, а 11 декабря, по распоряжению Раймана, Сергей сам, без конвоя, отправился в Феодосию, где явился в особый отдел. Здесь он был посажен в подвал. Отсюда написал письмо отцу... и оно дошло! После этого 29 декабря 1920 года он был приговорен к смерти. Сергея перевели из подвала в Виленские казармы.

Выясняя судьбу своего сына, Иван Шмелев разыскал уполномоченного ВЧК Раденса и пытался узнать, что с ним: отправлен ли на Север или расстрелян, если расстрелян, то за что и где похоронен. Хотя бы где зарыт? Раденс цинично ответил, пожимая плечами: «Чего вы хотите? Тут, в Крыму, такая каша!...». В одном из своих писем Иван

Сергеевич писал про Островского: «Он же и расстрелял моего сына». Расстрелы продолжались и на мысе Святого Ильи...

Ночью гнали разутых, голых
по оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
за город в пустыри.

Загоняли прикладом на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты рокотали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкой русской песней
Возвращались в город домой.

М. Волошин. Терфор

В конце декабря феодосийский ревком по инициативе Нужбина и председателя ревкома Турчинского принял решение об аресте буржуазии и спекулянтов, зарегистрированных биржей труда. Арестовывались такие «крупные» буржуи, как портной Поляков, молочница Мундель, пекарь Баранов. С ними повторялась та же процедура, что и с военнослужащими — расстрел. Было арестовано, по свидетельству Квашниной-Самариной, большое количество женщин, в основном сестер милосердия, которые содержались в отдельных помещениях.

Параллельно шло прямое ограбление населения, в том числе и рабочего. Им на руки оставлялось от 1 до 3 пар белья, по 1 подушке на человека, 1 пара ботинок и т. д. (в зависимости от категории), остальное изымалось как излишки. Лучшие вещи, конечно, делились между изымающими и чекистами.

Только к апрелю расстрелы пошли на спад...

Весна пришла
Зловещая, голодная, больная...
...Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали словно свечи.
Фиалки пахли тленьем. Ландыш — гнилью.

М. Волошин. Красная Пасха

В мае расстрелы разрослись с новой силой, чтобы стихнуть только в октябре 1921 года. По подсчетам разных исследователей в Феодосии было расстреляно от 6000 до 8000 человек, а по всему Крыму до 70000 человек, причем Мельгунов называет другую цифру – 120000 человек! Большевиками была «вскрыта организация “зеленых”» – расстреляно 3 гимназиста и четыре гимназистки в возрасте 15–16 лет.

В конце лета 1921 года пришел голод... «Татары ели кошек, собак и даже трупы людей. Мы питались лебедой и луком нашего сада. ... Как-то ко мне подошла маленькая девочка – дочка нашей санитарки – и сказала с восторгом: “Сестрица, какую вкусную человечину я ела!”».

Осенью 1921 года большевики начали заматывать следы. Рвы с расстрелянными засыпались негашеной известью, а сверху землей, но и весной 1996 года дожди вымывали из земли кости.

Весь состав феодосийского отдела ЧК и особого отдела 46-й дивизии, по официальной формулировке «за злоупотребления», был расстрелян рядом с его жертвами выездной оперативной командой КрымЧК.

За последние четыре года нам удалось установить около сотни имен расстрелянных в Феодосии с ноября 1920 по октябрь 1921 года русских людей, но это лишь единицы из тысяч и тысяч. В данной статье мы приводим лишь несколько имен, которые удалось точно установить.

Бабаджан Вениамин Симович (1894–1920), поэт и художник, руководитель одесского издательства «Омфалос»;

Вострокнутов, гимназист;

Гапонов В. А., владелец Черноморского пароходства (?);

Гелилович, поручик;

Дуранте Юлий Густавович, подпоручик Феодосийского Офицерского батальона, потомственный почетный гражданин г. Феодосии, 32 года;

Кун Владимир Кириллович, полковник Гвардии, из дворян Феодосийского уезда;

Крым (Нейман), из потомственных почетных граждан г. Феодосии, поручик Феодосийской караульной команды;

Нечаев Яков Ульянович, выпускник Чугуевского Военного училища, служил во ВСЮР, полковник, начальник тылового участка Русской армии;

Петров Константин Михайлович, мещанин г. Феодосии;

Резников Никанор Кондратьевич, прапорщик, мещанин г. Феодосии;

Русин, полковник;
Сипачев Григорий Эрастович, полковник в отставке 52-го пехотного Виленского полка, земский начальник 1-го участка Перекопского уезда;
Савускан, из мещан г. Феодосии, вольноопределяющийся;
Судакевич Юрий;
Телехов, вольноопределяющийся;
Теребинский Георгий Григорьевич, надворный советник, помощник Феодосийского уездного исправника;
Теребинский, брат Г. Г. Теребинского, офицер;
Федоренко Владимир Николаевич, учитель гимназии, преподаватель Феодосийского реального училища;
Шмелев Сергей Иванович, прапорщик артиллерии;
Шидловский, бывший губернатор Минский и Екатеринославский.

Источники и литература

- Барсамов Н.* Феодосия: Краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1953.
Волошин М. Стихи, статьи, воспоминания. М.: Правда, 1991.
Возрождение (Париж). 1926. 24 авг.
Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе при большевиках // Архив Русской Революции. Т. 16. М., 1993.
Дробоцкий Е. Тревожся, память // Победа (Феодосия). 1992. № 105 (12946).
Дробоцкий Е. Март был Красным-Красным // Победа. 1992. № 25 (12866).
Квашнина-Самарина М. Н. В Красном Крыму // Минувшее: Альманах. М., 1990. Вып. 1.
Купченко В. Н. Красный террор в Феодосии // Известия крымского краеведческого музея (Симферополь). 1994. № 6.
Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990.
Метрическая книга Александро-Невского собора г. Феодосии 1920 г. // Коллекция метрических книг Феодосийского краеведческого музея.
Осьминина Е. А. Рассказы Ивана Шмелева // Крымский архив. 1996. №2.
Папанин И. Д. Лед и пламень. М., 1984.
Ревкомы Крыма: Сборник документов. Симферополь, 1968.
Русская Жизнь (Гельсингфорс). 1921. 7 фев., 4 марта.
Эдлерберг А. Записки Белогвардейца // Брета Тавриды (Симферополь). 1993. № 3.

Дроздовский и дроздовцы: «Крестоносцы распятой Родины...»

Не так много в истории России офицеров и генералов, чьи имена становились нарицательными для полков и дивизий, чьи имена бойцы и после гибели любимого вождя носили бы с такой гордостью и вошли с ним в мировую историю, а враги произносили с таким страхом и ненавистью. Именно таким офицером был Михаил Гордеевич Дроздовский.

Михаил Гордеевич родился в 1881 г. Окончил Киевский кадетский корпус, затем Павловское военное училище. Из училища вышел в Лейб-гвардии Волынский полк. Участвовал в Русско-японской войне в рядах 34-го Сибирского полка. Был ранен. В 1908 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба.

С началом Первой мировой войны Михаил Гордеевич направляется в оперативный отдел Управления генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта. Но боевой офицер недолго засиживается на штабной работе, и уже в 1915 г. он в должности начальника штаба 60-й пехотной дивизии сам ведет в атаку два пехотных полка и получает ранение. В конце войны Дроздовский – командир 14-й пехотной дивизии.

«Дисциплина была железная, блистательная. Солдаты чувствовали сильную руку своего командира и его прямую душу, знали, что нет в нем никакой несправедливости и неправды. Солдаты понимали его так же, как и он их, и жили с ним душа в душу», – вспоминал один из фронтовых соратников Дроздовского.

За боевые заслуги Дроздовский был представлен к ордену Святого Георгия 3-й степени, но не успел получить его. Вспыхнула революция.

В декабре 1917 г. в Яссах на Румынском фронте по его инициативе началось формирование 3-й отдельной бригады русских добровольцев. Во время всеобщей вакханалии, когда фронт покидали пропагандированные большевистскими агитаторами полки и дивизии, когда рассыпались вчера еще надежные части, а солдаты убивали своих офицеров, в бригаду Дроздовского шли и шли добровольцы – лучшие из лучших.

«У обритых, всегда плотно сжатых губ Дроздовского была горькая складка. Что-то влекущее и роковое было в нем. Глубокая сила воли была в его глуховатом голосе, во всех его сдержанных, как бы затаен-

ных движениях. Точно бы исходил от него неяркий и горячий свет», – таким, по воспоминаниям А. В. Туркула, представал перед добровольцами их новый командир.

В феврале румыны начали вести с командованием фронта переговоры о сепаратном мире. Генерал Кельчевский, перешедший позже к большевикам, отдал приказ о расформировании русских добровольческих частей. Но 26 февраля 1918 г., вопреки приказу командования фронта, Дроздовский вывел Отдельную бригаду русских добровольцев в составе 1000 человек из Ясс. А 5 марта в ее составе был создан Конный дивизион ротмистра Гаевского, уже позднее на Дону развернутый во 2-й конный полк.

11 марта 1918 г. бригада выступила из Кишинева в беспрецедентный поход по бурлящим мятежом южным губерниям. В поход Дроздовский выступил с одним вещевым мешком, приказав своим бойцам избавиться от громоздких чемоданов.

В селе Каменный Брод к отряду Дроздовского присоединился отряд полковника Жебрак-Русакевича, сформированный им в Измаиле. Полковник Жебрак принес с собой знамя Балтийской дивизии – Андреевский флаг. Он и стал походным знаменем стрелкового офицерского полка.

На парамах отряд Дроздовского переправился через Южный Буг. У Каховки дроздовцы перешли Днепр, у села Акимовка в коротком бою был уничтожен отряд матросов-коммунистов, продвигавшийся эшелонами в Крым. С боями дроздовцы заняли Мелитополь. Здесь Дроздовский одел свой отряд в новое обмундирование, обнаруженное на складах. В Мелитополе были сформированы и две группы мотоциклистов.

Пройдя с боями 1200 километров от Ясс до Ростова, бригада Дроздовского с ходу 22 апреля 1918 г. взяла город. Население Ростова встретило дроздовцев как избавителей.

«В два часа ночи на вокзал прибыл Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались... И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка... На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок с куличом и внезапно легким, детским голосом стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки...» – вспоминал Антон Туркул.

25 апреля внезапным сокрушительным ударом отряд Дроздовского выбил красных из Новочеркасска, придя на помощь восставшим казакам. Атака обратила части красных в отчаянное бегство.

«Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Женщины, ста-

рики обнимали нас, счастливо рыдали», – такая встреча, описанная Туркулом в Новочеркасске, повторялась во всех городах, куда входили дроздовцы.

В Новочеркасске ряды дроздовцев пополнили офицеры, добровольцы-кадеты и студенты. В апреле 1918 г. «Союз увечных воинов» поднял восстание в Бердянске. Потерпевшие поражение повстанцы перешли фронт и влились в ряды бригады Дроздовского. Всего в Новочеркасске к дроздовцам пришло столько добровольцев, что отряд развернулся в три полных батальона.

Избранный донским атаманом генерал Краснов предложил Дроздовскому остаться в рядах Донской армии и развернуть отряд в Донскую пешую гвардию. Но Дроздовский вывел отряд численностью более двух тысяч человек на соединение с Добровольческой армией. 9 июня 1918 г. бригада прибыла в станицу Мечетенскую и вошла в состав Добровольческой армии.

«Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы», – приветствовал дроздовцев генерал Алексеев.

При формировании Добровольческой армии бригада Дроздовского была переформирована в 3-ю пехотную дивизию. В дивизию входил 2-й офицерский стрелковый полк, 2-й конный полк, 3-я отдельная легкая батарея, конно-горная батарея и мортирная батарея (всего 10 орудий и 2 мортиры). Дивизия сражалась во всех боях 2-го Кубанского похода. Под Белой глиной дроздовцы разгромили 39-ю дивизию красных, взяли тысячи пленных, множество пулеметов.

Влияние Дроздовского распространялось не только на костяк его дивизии, прошедший с ним от Ясс. Новые добровольцы, мобилизованные, даже вчерашние пленные быстро впитывали дух и традиции дроздовских частей.

«Полковник Дроздовский первый стал ставить в ряды добровольцев взятых в плен красноармейцев. Он первый сформировал чисто солдатский батальон... Этот батальон уже через пять суток блестяще оправдал себя. Среди его состава не было старых солдат Дроздовского, а одни заводские парни, чернорабочие, крестьяне и красноармейцы. Но надо было просто удивляться той перемене в их сознании и настроении, после того, как на их плечах появились погоны белой армии», – пишет в своих мемуарах дроздовец Кравченко.

После отчаянной атаки 1-го солдатского батальона, составленного из пленных, на станицу Тихорецкую, Дроздовский лично обратился к бойцам и поблагодарил за блестящую атаку. Позже он передал батальону, развернутому в полк, знамя 83-го Самурского пехотного полка. Под ним новые бойцы Дроздовского прошли с боями всю войну.

Под станицей Торговой под жесточайшим пулеметным огнем Дроздовский пошел во весь рост вдоль залегшей стрелковой цепи, подбадривая бойцов.

Этот эпизод ярко описал Антон Туркул:

«Люди... поднимали головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша. Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из-под огня...

– Что вы хотите? – ответил он жестко. – Чтоб я показал себя перед офицерской ротой трусом? Пускай все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду!

Под огнем мы прошли с ним до железнодорожной насыпи и присели на траву...

Атака на Торговую началась. Дроздовский снова встал. Его пенсне сверкнуло снопами лучей».

Дивизия Дроздовского с самых первых боев зарекомендовала себя как одна из лучших частей Добровольческой армии. Уже тогда воинов Дроздовского и боевые соратники, и враги стали называть «дроздовцы». Бойцы Дроздовского были подобны некоему рыцарскому Ордену, сражаться в рядах которого считалось за честь, а сам Дроздовский был для них не только командиром, но и духовным вождем этого боевого братства.

Спустя многие годы воин-дроздовец В. Кравченко в своей книге «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи», так описал образ командира:

«Нервный, худой полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни. Всегда – от Ясс и до самой смерти – в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице. Из скромности он не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать. Офицер Генерального штаба – он не был человеком канцелярии и бумаг. В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень... Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой родины. Человек малого чина, но большой энергии он первый зажег светильник борьбы на Румынском фронте и не дал ему погаснуть».

Интересно, что одним из пунктов подписки добровольцев, вступавших в Дроздовскую часть, был: «Не употреблять спиртных напитков и не играть в карты».

Дроздовец Г. П. Веркеенко в книге «Московский поход» вспоминал: «Твердо и решительно Дроздовский вел отряд вперед, руководствуясь не столько реальными данными, сколько верой и внутренним чувством».

На страницах мемуаров близкого соратника Дроздовского А. В. Туркула «Дроздовцы в огне» немало пропитанных искренней братской любовью и преклонением слов о командире:

«Дроздовский был выразителем нашего вдохновения, сосредоточением наших мыслей, сошедшихся в одну мысль о воскресении России, наших волей, слитых в одну волю борьбы за Россию, и русской победы... В Дроздовского мы верили не меньше, чем в Бога. Вера в него была таким же само собой понятным, как совесть, долг или боевое братство... Приказ Дроздовского был для нас ни в чем неоспоримой, несомненной правдой... Наш командир был живым сосредоточением нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию».

Свой дневник Дроздовский начал вести во Втором кубанском походе. В редкие минуты между тяжелыми боями с красными Дроздовский не только фиксировал хронику боев и походов, но и по-офицерски лаконично, отточено излагал плоды размышлений, которые по глубине и силе воздействия на читателя не уступают известным афоризмам Суворова:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы»; «Голос малодушия страшен, как яд»; «Ведь я – офицер, не могу быть трусом...»; «Нам остались только дерзость и решимость»; «Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Кругом крики о помощи»; «Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы сможем начать новую жизнь и возродить свое Отечество. Это символ нашей веры»; «Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный», – писал в дневнике Дроздовский.

Позже Туркул скажет о нем:

«Он таким и был. Он как будто бы переступил незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. За эту черту повел он и нас, и если мы пошли за ним, никакие страдания, никакие жертвы не могли нас остановить».

«В своих частях уже при формировании Дроздовский создал монархическую организацию. Но Россия отреклась от Царя... и от Бога –

и добровольцы сражались не за политический строй, но за Святую Русь», – вспоминали после дроздовцы.

31 октября 1918 г. генерал Дроздовский был ранен в ногу в боях под Ставрополем у Иоанно-Марьинского монастыря. Рана не вызвала ни у кого тревоги, но вскоре загноилась. Говорили, что заражение появилось после того, как его лечил врач, который потом скрылся. Но верно и то, что тогда в Екатеринодаре почти не было антисептических средств, даже йода. В Екатеринодаре Дроздовский перенес несколько операций, после которых ему стало хуже. Дроздовский очень страдал и просил перевести его в Ростов к профессору Напалкову.

Среди встречавших его в Ростове раненых дроздовцев был и Туркул, вспоминавший после:

«На койке полулежал скелет – так он исхудал и пожелтел. Его голова была коротко острижена, и потому, что запали щеки и заострился нос вокруг его рта и ввалившихся глаз, показалось теперь что-то горестное, орлиное. Он едва улыбнулся, приподнял исхудавшую руку. «Боли, – прошептал он, – только не в двери. Заденут... у меня нестерпимые боли».

Чтобы не задеть ногу раненого командира дроздовцы разобрали стенку вагона и несли его по городу к больнице провожаемые молчаливыми взглядами горожан.

Уже в госпитале Дроздовский был произведен Деникиным в генерал-майоры. Но надеть генерал-майорские погоны ему было не суждено. 1 января 1919 г. в Ростовском госпитале Михаил Гордеевич Дроздовский скончался от заражения крови.

Весь город участвовал в перенесении тела генерала Дроздовского в поезд. Михаила Гордеевича, которому еще не было и сорока лет, похоронили в Екатеринодаре.

Вскоре после кончины Дроздовского 17 января 1919 г. 2-му офицерскому полку было даровано шефство Дроздовского. Имя Дроздовского было присвоено и тяжелому бронепоезду Добровольческой армии. Бронепоезд «Генерал Дроздовский» прошел с дроздовскими частями весь Московский поход.

К концу сентября 1919 г. существовали уже 3 офицерских полка, из которых 27 октября была сформирована Офицерская стрелковая имени генерала Дроздовского дивизия. На ноябрь 1919 г. Дроздовская дивизия входила в состав 1-го армейского корпуса. Начальником дивизии был генерал-майор В. К. Витковский, начальником штаба – полковник Ф. Э. Бредов.

Всю зиму 1919 г. дроздовцы бились в Каменноугольном районе за каждый клочок земли. В плен их не брали. Когда 29 января была окру-

жена красными рота поручика Димитраша, пробившиеся на помощь дроздовцы нашли исколотых штыками, истерзанных бойцов.

Но на место павших бойцов приходили новые. В Мариуполе в ряды дроздовцев влились все старшие классы местных гимназий и училищ. Под Бахмутом с эшелонам 1-го батальона пришло до сотни добровольцев.

«Высыпали из вагона, построились. Звонкие голоса школьников... Стоят хорошо, но какие детские лица. Сколько сотен тысяч взрослых должны были пойти в огонь за свое Отечество, за свой народ... Тогда дети не ходили бы с нами в атаки... Бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики и эти мальчишки-добровольцы, каких таких “помещиков и фабрикантов” они защищали? Они защищали Россию, свободного человека в России и все русское будущее... Для всего русского будущего та Россия бедняков-офицеров и воинов-мальчишек еще станет святыней», – писал Туркул.

Никто из этих ребят не согласился уйти из дроздовских частей. Не застав Дроздовского в живых, они тоже были истинными дроздовцами, восприняв дух дроздовских частей.

Большое пополнение Дроздовская дивизия получила в Харькове, взятом лихой атакой. 2-й офицерский полк развернулся в три полка. После освобождения Харькова, уже хлебнувшего ужасы «красного террора», в ряды Белой армии влилось более 10 тысяч добровольцев. Новобранцы отличились уже под Сумами, где дроздовцы разгромили отборную Червонную дивизию, разбили несколько бронепоездов. Дроздовский марш по тылам красных от города Димитровска сорвал наступление армии Уборевича. В конце ноября 1919 г. под натиском красных полчищ дроздовцы начали отход. К концу 1920 г. вся Дроздовская дивизия собралась у села Мокрый Чалтырь. Полки таяли от потерь, но дезертирства у дроздовцев не было. В начале 1920 г. дроздовцы отходили в арьергарде отступающего Добровольческого корпуса. Во время марша на станицу Славянскую дроздовцы под оркестр при поддержке белых бронепоездов отразили атаку всей армии Буденного!

При отступлении в марте 1920 г. воины-дроздовцы прямо перед наступающими красными вывезли гроб с прахом генерала в Новороссийск.

Поручик Долаков так вспоминал об этом:

«26 февраля 1920 года ввиду исполняющейся 2-й годовщины выхода отряда генерала Дроздовского из Румынии в станице Каменской предполагалось устроить общий обед старых дроздовцев... В 22 часа на квартире штаба полка была отслужена панихида по шефе генерале

М. Г. Дроздовском и по бывшим командирам полков... 27 февраля в штабе полка состоялся официальный ужин в честь юбилея выхода Дроздовцев из Румынии. На ужине присутствовал начальник дивизии генерал-майор Витковский со штабом. Получено поздравление от Главнокомандующего. Полковник Туркул высказал мысль: ввиду отхода на Новороссийск, оставляя в стороне Екатеринодар, принять меры к выведению из-под Екатеринодара праха шефа дивизии генерал-майора Дроздовского, погребенного в усыпальнице Екатеринодарского собора. По этому поводу состоялось совещание с председателем Союза Дроздовцев полковником Ползиковым... От первого полка старшим был назначен капитан Алексеев, команда, снабженная нужными бумагами, отправилась на следующий день».

Так же, как и тело Дроздовского, дроздовцы вывезли тело убитого в день ранения Дроздовского капитана Петра Иванова. Почти два месяца до самого Азова несла 4-я рота караулы у гроба своего командира, а похоронили его только в конце декабря 1919 г.

Покидая Новороссийск, дроздовцы не бросили здесь практически никого из своих бойцов. На транспорте «Екатеринодар» из Новороссийска тело Дроздовского было вывезено в Севастополь.

25 марта после парада Дроздовских частей Туркул с четырьмя офицерами похоронил тела Дроздовского и командира дроздовской батареи Туцевича в тайном месте в Севастополе. Соратники генерала понимали, что с приходом красных могила их вождя будет осквернена и сохранили место погребения в тайне. Большинство этих офицеров погибло в яростных перекопских боях. Могила генерал-майора Дроздовского так и не была найдена.

Летом 1920 г. дроздовцы сами избрали командиром дивизии боевого соратника покойного командира А. В. Туркула. С волей дроздовцев согласился и сам Врангель.

Согласно приказу Главнокомандующего от 7 июля 1920 г. в состав Дроздовской дивизии входили три стрелковых генерала Дроздовского полка, Дроздовская артиллерийская бригада, инженерная рота и запасной батальон. Во время наступления Белой армии из Крыма, красные не раз бросали против дроздовцев самые отборные части. Под немецкой колонией Гейдельберг дроздовцы разбили 1-ю дивизию красных – гарнизон красной Москвы. У города Орехова красные бросили на дроздовцев отборную бригаду красных курсантов, но она была разбита. 17 августа переформированные красные курсанты вновь атаковали дроздовцев. Дроздовская контратака, поддержанная танками, полностью уничтожила красных курсантов. Под Новогуполовкой в плен к дроздовцам попала целая красная бригада с командиром. В сен-

тябре 1920 г. дроздовцы наголову разгромили 23-ю советскую дивизию, взяв 4 тысячи пленных и два бронепоезда.

В октябрьском отступлении дроздовцы опять шли в арьергарде, отбивая постоянные атаки 1-й конной армии Буденного. Под селом Отрада 2-й конный Дроздовский полк под командованием полковника Кабарова опрокинул буденновцев и взял в плен оркестр конных трубачей буденновской армии. Чудом спасся и сам Буденный. Его заглохший броневик обстреляли кавалеристы-дроздовцы. Здесь же, под Отрадой, дроздовцы смели Особую конную бригаду Колпакова. Среди убитых нашли и самого Колпакова, награжденного Орденом Красного знамени, золотыми часами и саблей от Реввоенсовета.

Без отдыха, без огня, практически без пищи дроздовцы отходили к Чонгару. Но даже в этом марше было лишь двое оставших, которых подобрали конные патрули.

Здесь, на Перекопском валу, дроздовцы приняли свой последний бой. «Наши полки то откатывались перед тяжелыми валами большевиков, то снова переходили в контратаки, – вспоминал Туркул, – потери огромные. Огонь и волны красных атак пробивали в нас страшные бреши. Это был не бой, а жертва крови против неизмеримо превышавших нас сил противника... Нас точно затопляла серая мгла.. Ломило советское число... Мы смели ураганным огнем ревущую атаку, отхлестнули громадную человеческую волну, ударивший девятый вал... Ночью дивизия отошла от Перекопа. Последний бой был лебединой песней – предсмертным криком доблестного 1-го полка. Все кончалось... и тогда-то на последнем рассвете, 1-й полк перешел в контратаку. В последний раз, как молния, врезались дроздовцы в груди большевиков. Страшно рассекли их... Контратака была так стремительна, что противник, уже чуввший разгром, знавший о своей победе – а такой противник непобедим, – под ударом дроздовской молнии остановился, закачался и вдруг покатился назад. Старый, непобежденный страх перед дроздовцами охватил их. Цепи красных, сшибаясь, накатывались друг на друга, когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, винтовки на ремне с погасшими папиросами в зубах, молча шли во весь рост на пулеметы...» Под перекрестным огнем, расстреливаемый со всех сторон полк вынужден был отойти. В тот же день, получив приказ об эвакуации, Дроздовская дивизия двинулась в Севастополь...

Последний оплот Белой армии дроздовцы покинули на транспорте «Херсон». Свыше 650 боев провели они за три года, более 15 тысяч дроздовцев остались лежать на полях сражений.

Уже в ноябре 1920 г. в Галлиполи оставшиеся ветераны-дроздовцы были сведены в Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк, за-

тем – во 2-й офицерский генерала Дроздовского полк. В августе 1921 г. чины полка были перевезены в Болгарию.

Но и в эмиграции воины-дроздовцы помнили и чтители память своего командира.

Генерал Туркул вспоминал:

«Небесный покровитель всех Дроздовских частей – Святой Архистратиг Божий Михаил. День его имени 21 ноября – Праздник всех Дроздовских подразделений, и в этот день или ближайшее к нему воскресенье все оставшиеся в живых собираются в храме помолиться... Так повелось, что во главе первых Дроздовских частей стояли командиры с именем Михаил»; «Заветы Дроздовского – сегодня живы так же, как и в те дни, когда мы шли на Дон».

«Без малого три года продолжалась героическая борьба с красными на Юге России, и в этой борьбе Дроздовцы прошли победным маршем не теряя боевого духа даже в дни неудач. Для Дроздовцев и по сей день Святая Великая Русь – путеводная звезда...» – этими словами из воспоминаний В. Кравченко я хотел бы завершить свой рассказ о М. Г. Дроздовском и воинах-дроздовцах.

Экономические перспективы России глазами правительства адмирала А. В. Колчака

Важнейшие политические и военные события в России периода Гражданской войны имеют достаточно обширную историографию. Выводы историков с позиций сегодняшнего дня можно оценивать по-разному, но сам факт их существования отрицать невозможно. Этого, однако, не скажешь в отношении анализа экономической политики и практики Временных и Российского адмирала А. В. Колчака правительств. В подавляющем большинстве трудов аспект хозяйственной деятельности Белых властей либо подлежал умолчанию, либо подавался исключительно в негативном свете.

Правда, в последние годы определенные позитивные сдвиги в исследовании проблемы все же произошли. Были защищены кандидатские диссертации О. Ю. Никоновой, А. В. Ломкина, В. М. Рынкова, вышли работы Е. Н. Гнатовской, Н. И. Дмитриева, Л. Н. Долгова, Н. В. Кладовой и др. Наметившиеся перемены даже позволили историографу В. К. Ильченко в своей диссертации заявить, что «проблема изучения политики “Белой власти” в промышленности Урала решается успешно»¹. Представляется, однако, что такая оценка степени изученности как в отношении уральского хозяйства, так и экономической ситуации на востоке России в период правления Российского правительства адмирала А. В. Колчака все же завышена. По-прежнему остается немало вопросов, на которые следовало бы получить аргументированные ответы, не говоря уже об изменении терминологии и ментальности самих исследователей.

Недостаточная изученность столь важного и неоднозначного вопроса, каким является экономическая политика белых, настоятельная необходимость заострить внимание на некоторых ее аспектах побудили автора обратиться еще раз к названной проблеме.

Прежде всего представляется совершенно необходимым остановиться на рассмотрении хозяйственной ситуации, сложившейся на востоке страны к моменту утверждения здесь Белых властей.

Старейшим промышленным районом России являлся Урал. Главную роль в его экономике играли горнодобывающие отрасли и металлургия, обеспечивавшие краю видное место в промышленном производстве страны (до 20 % в выделке чугуна, железа и стали, до 48 % в выплавке меди). Однако оборудование и технология производства, за

редким исключением (Надеждинский и Пермский заводы, Челябинские угольные копи), требовали замены и модернизации. Мировая война вызвала изменение структуры производства в пользу увеличения выпуска военной продукции. На Урале вместо 7 казенных заводов в ходе войны на оборону стали работать более 80 казенных и частных предприятий². Рост военного производства вызвал сокращение выпуска продукции для нужд железных дорог, чем создал трудности в снабжении заводов топливом и сырьем. Шел процесс сокращения численности трудоспособного населения. В результате наблюдалось падение объемов производства во всех отраслях промышленности. Выплавка чугуна в 1917 г. к уровню 1914 г. составила в горных округах края от 71,1 % до 76,5 %³. Имевшиеся производственные мощности и ресурсы использовались не полностью. Простои вызывали физическое и моральное разрушение заводского имущества.

Во многом сходные процессы происходили в Сибири, где большую роль в экономике играла горная промышленность, дававшая перед войной 8 % российского угля, 25 % свинца, 65 % золота. В дальнейшем размеры промышленного производства в крае сократились по отраслям на 13–20 %. Падение происходило из-за нехватки топлива, металла и прочего сырья, недостатка квалифицированных рабочих. Рост, имевший место в медеплавильной, угледобывающей, цементной и некоторых других отраслях происходил на нездоровой основе, чреватой кризисом, разразившимся в конце 1916–1917 г. Так, в угледобывающей отрасли в 1914–1917 гг. объем добычи вырос более чем в 2 раза, но одновременно производительность труда упала на 13–38 %⁴.

Огромное влияние на развитие Сибири оказывала Транссибирская железнодорожная магистраль. Однако еще в преддверии войны в эксплуатации казенных дорог края стали возникать трудности, вызванные последствиями недальновидной строительной политики 15–20-летней давности. Тогда стремление удешевить постройку магистрали вызвало ряд крупных технических недостатков (разбросанность крутых, затяжных подъемов, слабое оснащение и развитие станций, несовершенную и малопродуктивную систему водоснабжения и др.). Дефекты постройки были вполне устранимы. На это требовались лишь крупные денежные вложения. Но сменявшие друг друга составы правительства были едины в стремлении сбалансировать госбюджет как раз за счет повышения доходности дорог, сокращая расходные статьи. Мировая война, с одной стороны, интенсифицировала движение и стимулировала массовое железнодорожное строительство, а с другой, нанесла новые тяжелые удары по жизнедеятельности дорог. С 1915 г. отсутствие продуманного плана и организации

перевозок, разобщенность работы ведомств обеспечили ухудшение структуры и появление встречных перевозок, создали условия для злоупотреблений, дефицит предметов снабжения. Ремонтные работы были отодвинуты на второй план. Резко возросла изношенность оборудования и подвижного состава, который и без того был сокращен. Суровая зима 1916–1917 гг. привела к почти полному параличу движения. Правительство А. Ф. Керенского попыталось выправить ситуацию, пригласив 500 специалистов-техников из США, но допущенный в ходе революции подрыв авторитета руководителей производства, рост в 10–11 раз эксплуатационных расходов к осени окончательно дестабилизировали перевозки.

И если в целом Временное правительство стремилось продолжить начатую предшественниками политику государственного вмешательства в основные сферы экономики, надеясь предотвратить таким образом надвигающуюся катастрофу, то возникавшие повсеместно советы (только в промышленно самой развитой на Урале Пермской губернии к июлю 1917 г. действовало 170 советов) рьяно взялись за установление рабочего контроля, от которого развал лишь ускорился. В обществе звучали голоса, призывавшие еще решительнее осуществлять вмешательство в экономику.

Большевики не преминули воспользоваться этими рекомендациями, приступив к национализации, носившей, особенно на первых порах, хаотический характер и являвшейся скорее карательной мерой по отношению к прежним владельцам, чем экономически целесообразной. К концу мая 1918 г. на Урале было национализировано 85 % имевшихся предприятий. Однако у рабочих не было ни умения, ни опыта поддерживать производство. Резко возросли и без того колоссальные расходы на содержание рабочих и их организаций. Потерпела крах с самого начала утопичная идея обучения рабочих организации промышленности у классовых противников. Встречные меры по поднятию дисциплины и производительности по сути блокировались деятельностью профсоюзов. Предприятия работали на износ, запасы сырья и материалов в условиях процветавшей бесхозяйственности таяли на глазах. Уровень производства резко упал. За год (с мая 1917 г.) добыча золота в Актмолинской области сократилась в 12,7 раза, в Енисейской губернии – в 1,7 раза, выплавка меди в Актмолинской области – в 3,2 раза, металла на Урале – на 35 %, добыча угля в Семипалатинской области – в 3,2 раза. На Транс-сисе производительность труда упала в 2 раза от уровня 1916 г.⁵ Неудачи на фронте привели к закрытию многих горных округов и пагубной эвакуации заводского имущества. Причем последняя коснулась в первую очередь как раз наиболее жизнеспособных и обеспеченных ресурсами

оборонных предприятий. К 15 декабря 1918 г. только с 13 уральских заводов на запад было отправлено 3097 вагонов заводского имущества, вывезено 167 пудов золота, 500 пудов серебра, более 1011 млн рублей, средства производства дензнаков. Остаток кассовой наличности кредитных учреждений востока России составил на 1 июля 1918 г. лишь 213,2 млн рублей⁶.

В дополнение к сказанному напомним о следующих имевших место в условиях Гражданской войны явлениях. Во-первых, на протяжении более чем года Урал с его заводами и железными дорогами находился в прифронтовой зоне, что дестабилизировало экономическую ситуацию и приводило к вполне объяснимым эксцессам с военными властями.

Во-вторых, Гражданская война многими исследователями справедливо квалифицируется как «эшелонная», когда не только боевые действия, но и войска располагались вдоль железных дорог, загромождая движение. Немудрено, что, отступая, красные особое внимание обратили на разрушение путевого хозяйства на дорогах Урала, а партизаны — Транссиба. Начиная с лета 1918 г. газеты были буквально испещрены сообщениями о фактах диверсий на Омской, Томской, Алтайской и других железных дорогах. Только на Амурской дороге с февраля по конец сентября 1919 г. было 327 случаев сожжения мостов, причем в августе–сентябре — 146 случаев⁷.

В-третьих, продолжилось начавшееся еще в Мировую войну нарушение денежного обращения. События 1917 г. и усилия большевиков увеличили денежную массу до невиданных размеров. Если в 1914 г. ее размер составлял 1,5 млрд рублей, то к январю 1917 г. — 8 млрд, к осени 1917 г. — около 20 млрд, осенью 1918 г. — 60 млрд, а весной 1919 г. — 90 млрд рублей. Это дало возможность начать «денежную» войну против правительства адмирала, переправляя большую часть дензнаков на сибирские рынки через прифронтовую зону Урала и нарушая внутреннее обращение на Белом пространстве. Положение усугублялось хождением около 125 разновидностей различных денежных знаков, в большинстве своем суррогатов⁸.

Наконец, в-четвертых, заниматься решением задач восстановления и развития экономики приходилось в условиях полной недееспособности прежнего аппарата управления. Дореволюционной после большевиков попросту не существовало, о преемственности системы и методов управления последних речь по понятным причинам также не шла. Фактически **все** предстояло строить заново, ориентируясь на масштабы всей страны при остром недостатке подходящих и квалифицированных кадров.

Таким образом, наследство, полученное правительством адмирала А. В. Колчака от предшественников, в области экономики было чрезвычайно тяжелым. События Гражданской войны вносили существенные коррективы в положение дел в тылу и требовали от правительства дополнительных сил. Необходимы были поистине титанические усилия для упорядочения и развития утраченных позиций. К сожалению, в литературе до сих пор приходится сталкиваться с полным игнорированием названных факторов, что не дает возможности объективно оценить пройденный Белой властью путь.

С приходом к власти перед антибольшевистскими силами встала задача проведения глубоких политических, экономических и социальных преобразований. Было очевидно, что в перспективе Россия должна стать сильной буржуазно-демократической страной. В области экономики главная проблема состояла в создании равных условий для развития свободного предпринимательства, поощрении частной инициативы, раскрепощении и возбуждении стимулов в сельском хозяйстве, промышленности и торговле. Однако добиться на практике реализации этих идей было непросто. На отвоеванной у красных территории отсутствовали единые правительство и программа действий, не хватало исполнителей. На месяцы растянулись споры о выборе общих приоритетов в экономическом развитии страны: по пути поощрения собственной самобытной промышленности (путь С. Ю. Витте) или по пути натурализации хозяйства и предоставления свободных возможностей для зарубежных финансовых и промышленных кругов (путь Е. Ф. Канкрин). Ситуация осложнялась соперничеством партийно-политического характера, грозившим серьезными последствиями для всех сторон жизни. В те дни один из идеологов предпринимательства князь А. А. Кропоткин писал: «Для России наступает опасный период экономического порабощения, но гораздо опаснее наша внутренняя неразбериха и возможность каждому лицу, облеченному полномочиями, осуществлять свое направление, не считаясь с указанием власти, его поставившей. Правящая мысль выявляется в потворстве излюбленным людям и целым общественным классовым организациям, которые захватывают русскую жизнь на монопольных основаниях. Создается положение, при котором все население отдается в крепостную зависимость отдельных групп, к сожалению, мало культурных и потому способных только брать, но ничего не отдавать России. Современное зло живет, прикрываясь той или иной политической программой, а демократическими лозунгами заметает след корыстной действительности»⁹. Поэтому, ставя вопрос о необходимости сохранения единой хозяйственной организации Рос-

сии и ее отдельных территорий, предприниматели выступили за скорейшее создание и укрепление в центре и на местах авторитетной и сильной фискально-податной власти, восстановление налогового аппарата, устранение произвольных реквизиций, нормализацию торговли, промышленности, транспорта, урегулирование рабочего вопроса. Для защиты интересов и организации деятельности торгово-промышленников осенью 1918 г. был образован Всероссийский совет съездов торговли и промышленности, который возглавил уфимский инженер А. А. Гаврилов. Одновременно для выработки отраслевой политики созывались совещания, образовывавшие постоянно действующие бюро.

Но лишь в начале ноября с созданием «делового» совета министров работа по выработке правительственных подходов в экономике ожилилась.

Совет министров поднял вопрос о разделении министров на две группы. Одна из них должна была заниматься разработкой экономических вопросов, другая – политических. При этом предполагалось, что в обязанности каждой из групп будет входить не столько разработка текущих вопросов, сколько выработка основных принципов, которые, по одобрении их Совмином, могли бы послужить руководящими началами правительственной политики¹⁰. В свою очередь сразу после Омского переворота 18 ноября 1918 г. Всероссийский съезд представителей торговли и промышленности созвал экстренное совещание из представителей совета и финансовых деятелей, чтобы выяснить главные недочеты финансовой и экономической системы и наметить меры к их исправлению. По результатам работы совещания была подготовлена обширная докладная записка, представленная Верховному правителю России адмиралу А. В. Колчаку, министрам финансов, торговли и промышленности.

В записке подчеркивалась острая необходимость срочного восстановления провозоспособности железных дорог, возобновления и насаждения отечественной промышленности, создания благоприятных условий для частной торговли и промышленности путем финансирования предприятий выпуском акционерных капиталов и облигационных займов. Особое внимание уделялось вопросам финансового характера. Подчеркивалось, что нужда в средствах при настоящем моменте не может быть планомерно удовлетворена в течение короткого времени. Для радикального излечения финансов потребуются меры длительного характера (установление государственного бюджета, освобождение казны от всех непроизводительных расходов, снятие с нее расходов по тем отраслям хозяйства, которые могут обслужи-

ваться частным капиталом), и эффект будет очень медленным. Но Россия не может ждать перспективного результата в отдаленном будущем. Поэтому надо прибегнуть к паллиативным мерам, хотя они и идут часто в разрез с требованиями рационального лечения болезни. В качестве паллиативов предлагались: краткосрочный внутренний торгово-промышленный заем; восстановление правильной деятельности банков всех уровней; урегулирование переводных и чековых операций; введение принудительного чекового обращения; отмена запрета на обращение выпущенных временными правительствами суррогатов денег; и как крайняя, исключительная мера, продолжение печатания кредитных билетов. Заканчивая докладную записку, совет съездов указал на то, что проведение финансово-экономических реформ потребует единства и координации действия отдельных министерств. Для обсуждения принимаемых мер предлагалось образовать центральный экономический орган, решения которого будут неукоснительно проводиться в жизнь и перед которым министерства и их органы будут ответственны за выступления, идущие в разрез с принятой общей программой¹¹.

Справедливость выводов совещания торговопромышленников была настолько очевидной, что уже на третий день после своего избрания Верховным правителем А. В. Колчак поручил управляющему делами Совета министров Г. Г. Тельбергу оформить учреждение Чрезвычайного Государственного экономического совещания, которое вскоре, 23 ноября, начало работать. На первых семи заседаниях председательствовал сам адмирал, подчеркнувший, что «ему от экономического совещания нужны директивы, которыми он мог бы руководствоваться для направления работ различных ведомств по определенному пути»¹². Совещание имело своей целью содействие правительству в деле восстановления и развития экономической жизни. Оно могло делать Верховному правителю представления о необходимости проведения тех или иных мер в различных отраслях хозяйства, имея при этом в виду приоритетность снабжения армии. Совещание обязано было рассматривать все подготовленные ведомствами законопроекты хозяйственного значения и давать о них авторитетные отзывы.

В конце ноября совещание утвердило программу ближайших работ. В ней предусматривалось: 1) снятие с внутренней торговли и промышленности всех ограничений, вызванных Мировой войной, предоставление свободы действий частным банкам; 2) обсуждение проблемы госбюджета, для повышения доходности которого предусматривалось повышение железнодорожных тарифов, восстановление акцизов, усиление прямых

налогов, повышение таможенной пошлины. Во имя сокращения расходов казны планировалось упорядочить железнодорожное хозяйство и деятельность промышленных предприятий, упразднить ненужные учреждения и штаты, ограничить выдачу из казны ссуд на поддержание деятельности частного сектора экономики; 3) развитие руководства работой госбанка и его подразделений; 4) широкое использование кредитов (внутренних и внешних) для покрытия неизбежного дефицита в бюджете и удовлетворения неотложных потребностей хозяйственной жизни; 5) проведение внешней торговли и новой таможенной политики; 6) принятие мер к поднятию производительных сил в целом и, в частности, в сельском хозяйстве, лесной и горной промышленности; 7) выработка рабочего законодательства; 8) организация ведомств, руководящих отдельными отраслями экономики¹³.

Совещание, его состав (с преобладанием официальных лиц) и ближайшие цели были рассчитаны на кратчайшие сроки. Экстренные меры действительно принимались оперативно и с максимально возможной эффективностью. Но более масштабные задачи, связанные с восстановлением и развитием экономики, требовали длительной, планомерной работы. Кроме того, все более ощущалась потребность привлечь к решению новых обширных задач земскую и городскую общественность, деятелей науки, профсоюзов, казачье самоуправление. В июне 1919 г. совещание собралось в новом, расширенном составе, но с этого момента превратилось скорее в трибуну политических и общественных споров и все более утрачивало свою чисто экономическую направленность¹⁴.

Между тем проблема выработки основ экономической политики правительства становилась все актуальнее. Еще осенью 1918 г. министерства получили задание по подготовке программ своей будущей деятельности. К весне правительство получило первые проекты. Их необходимо было обобщить и составить общий план действий в области социально-экономической жизни. Для этого по постановлению совета министров от 18 февраля 1919 г. был образован специальный, чисто правительственный комитет по выработке экономической политики (вскоре переименованный в комитет экономической политики). Возглавил его министр земледелия Н. И. Петров. Весь март ушел на обсуждение представленных министерских программ и сведение их в общий план правительства. В дальнейшем, вплоть до октября 1919 г., общая программа действий дорабатывалась, а в шести секциях комитета велась детальная проработка отдельных ее положений¹⁵.

В основу экономической политики возрождаемой России был положен принцип частного хозяйства, как наиболее приемлемый тра-

дидиям национального хозяйства и экономическо-правового уклада населения. В некоторых отраслях допускалось сосуществование государственного, муниципального и кооперативного секторов. В ряду первоочередных проблем выделялась задача интенсификации сельского хозяйства. Решать ее предстояло за счет расширения земельных площадей мелких хозяйств. Для этого необходимо было учесть и перераспределить все виды нетрудового землевладения. Предусматривалось принудительное отчуждение крупных частновладельческих земель, за которые выплачивались бы государственные компенсации. В свою очередь получатели земли обязывались оплатить ее стоимость. Насильственная ломка многообразных форм крестьянского землевладения признавалась нецелесообразной. Сельскому населению предоставлялась возможность сохранять и развивать те формы землевладения, которые ему предпочтительнее.

Крепкое народное хозяйство было немислимо без создания и развития собственной промышленности. Ее строительство должно было вестись по четкому плану. Наибольшее внимание предстояло обращать на развитие крупной индустрии как наиболее стойкой к разным потрясениям. Но в тот тяжелый момент государство не должно было отказывать в поддержке и поощрении мелкой и особенно кустарной промышленности. Первостепенное внимание предстояло обратить на привлечение капиталов в топливную, лесную, металлургическую, металлообрабатывающую, горнодобывающую отрасли. Безусловно, допускалось и приветствовалось присутствие иностранного капитала, но права его должны были быть четко и определенно оговорены и зафиксированы. Отечественный промышленник защищался таможенными барьерами. Однако покровительственная система не могла защищать отсталое производство. Развитие промышленности было немислимо без пересмотра рабочего законодательства, в котором необходимо было закрепить те социальные завоевания революции, которые не препятствовали повышению производительности труда и не увеличивали издержки производства.

В области торговли объявлялся принцип свободной частной торговой инициативы. Но в момент «крупного бестоварья» государство обязано было найти формы по возможности безболезненного воздействия на заготовку и распределение самых необходимых продуктов. Внешнеторговый обмен подлежал регулированию со стороны государственных органов. Получал поддержку импорт продуктов хозяйственного назначения и первой необходимости. Ввоз предметов роскоши ограничивался специальными таможенными правилами или запретом. Стимулировался вывоз на мировые рынки фабрикатов и

полуфабрикатов российской промышленности. Для улучшения торгового баланса допускался сбыт сырья, но с учетом внутренних потребностей и обязательно на выгодных условиях. Для наилучшего использования мирового опыта торговли государство содействовало открытию совместных торговых объединений.

Для осуществления преобразований в различных секторах экономики требовалось улучшение внутренней финансовой системы. Поддержку со стороны государства получал частный банковский капитал, которому предстояло восстановить доверие к себе со стороны населения. В перспективе взамен различных денежных суррогатов страна должна была получить устойчивую денежную единицу. Главными источниками денежных поступлений становились печатный станок и налоги. При этом основное внимание предстояло сосредоточить на государственных монополиях, акцизных сборах, других косвенных налогах.

Прекрасно понимая, что нормальное течение хозяйственной деятельности и ее дальнейшая эволюция невозможны без достаточно оборудованного транспорта, государство заявляло о всемерном стремлении к восстановлению и улучшению существующих путей сообщения, в первую очередь через рационализацию. План предусматривал проведение комплекса технических мероприятий, интенсификацию и улучшение условий труда, составление программы смешанных грузоперевозок, установление повышенных тарифных ставок на грузы до соответствующего уровня общих затрат по каждому из трех видов транспорта (железнодорожному, водному, гужевому). Строительство сети новых железных и шоссейных дорог должно было вестись после установления структуры и мощности грузопотоков, в соответствии со схемой расположения естественных природных богатств, на основе определенной плановой очередности линий, смешанным путем как на средства государства, так и частных лиц, с предоставлением концессионерам прав на развитие различных отраслей промышленности, но с соблюдением охраны национальных богатств. В качестве ближайшей задачи провозглашалось восстановление и широкое использование речного флота, на перспективу предполагалось развитие в городах трамвайного движения¹⁶.

Создание и конкретная проработка отдельных положений общей экономической программы правительства, осуществлявшаяся и в дальнейшем, свидетельствуют о приоритетах, а также о том, что Белые власти не собирались, несмотря на тяжесть внутривойсковой и военной ситуации, откладывать реализацию намеченного в долгий ящик. Так, в середине апреля 1919 г. были разграничены функции Го-

сударственного экономического совещания и комитета экономической политики. Комитет стал основным правительственным органом, объединяющим работу ведомств по вопросам хозяйства и согласующим отдельные мероприятия в этой области. Совещание приняло вид консультативного органа, выражающего общественное мнение по хозяйственно-экономической проблематике¹⁷.

Для решения текущих хозяйственных и внутривластных задач еще при временных правительствах стали воссоздаваться центральные (министерские) и отраслевые (горные управления, управления железных дорог и округов водных путей сообщения и др.) структуры. В конце 1918 г. практически сложилась вся система руководства крупной промышленностью: горное управление — уполномоченные по управлению горными округами, уполномоченные по управлению отдельными предприятиями. К июню 1919 г. в восточных районах страны функционировала разветвленная сеть финансовых учреждений, насчитывавшая 10 казенных палат и 98 казначейств¹⁸. Для объединения лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью, как уже отмечалось, были восстановлены Всероссийский совет съездов представителей торговли и промышленности и совет всесибирских кооперативных съездов. К середине июня 1919 г. в Азиатской России, по неполным данным, работало 24 биржевых комитета, 36 торгово-промышленных союзов и товариществ, 12 советов (бюро) отраслевых съездов промышленников, 11 обществ заводчиков и фабрикантов, 18 временных торгово-промышленных палат, ряд других организаций¹⁹.

Несмотря на то что осуществить на практике намеченные планы возрождения экономики оказалось чрезвычайно трудно, а исходные тезисы неоднократно корректировались и видоизменялись, уже к лету 1919 г. реализация выработанной концепции дала зримые перемены к лучшему.

В доказательство, а это тема для отдельного разговора, приведем лишь один пример из области железнодорожного транспорта. В середине 1919 г. коммерческая скорость пробега на Омской дороге составила 15–18 верст в час (при норме мирного времени 18 верст в час), на Томской — 13–15 (при норме 22), на Забайкальской — 15–19 верст в час (при норме 22 версты в час). Простой паровоза в капитальном ремонте, доходивший в середине 1918 г. до 245 дней, в конце мая 1919 г. составил 69 дней (при норме мирного времени 60 дней). Но главным показателем улучшения дел стала возросшая к лету 1919 г. почти на 35 % ежедневная пропускная способность всей железнодорожной сети от Урала до Владивостока²⁰. С осени 1918 г. стало выхо-

дуть из застоя дело сооружения новых железных дорог. Возобнови-лась достройка отдельных участков Троицкой, хлебо- и лесовозных веток на Южно-Сибирской, ветки Дружинино–Красноуфимск на Казань–Екатеринбургской дорогах. За три весенних месяца общая протяженность уложенных рельс составила 160 верст, не считая станционных путей. Летом 1919 г. на Кольчугинской дороге была сооружена линия Кольчугино–Прокопьевские копи, строилась ветка Кузнецк–Туштулеп. На Ачинск–Минусинской дороге осуществлялась укладка рельс (72 версты) до станции Ужур. Изыскательские и рекогносцировочные работы только в Томской и Алтайской губерниях велись по линиям протяженностью около 3 тыс. верст²¹.

А чего стоит тот факт, что именно во второй половине 1918 – начале 1919 г. силами Кузнецкого акционерного общества и союза сибирских инженеров была осуществлена детальная подготовка проекта соединения в единый комплекс уральских рудных богатств и кузнецких угольных месторождений. 14 марта 1919 г. совет министров выделил средства на закупку проекта и поддержал союз инженеров в проведении дальнейших изысканий. Одновременно в Кузнецком районе развернулись работы по постройке коксовых печей, что приближало реализацию всего проекта²².

И подобных примеров десятки. Наконец, думается, что взгляды на экономическое будущее страны, сформулированные правительством адмирала А. В. Колчака, не стали пока достоянием одной лишь истории. Немало полезного и поучительного они могут принести современным политикам и экономистам, занимающимся решением схожих проблем в современной России.

Примечания

¹ См.: *Литература* последних лет по истории Белой Сибири: Библиографический указатель. Кемерово, 1999. С. 13, 16–18, 30, 36, 43, 49, 50; *Ильченко В. Н.* Историография промышленности Урала в годы революции и Гражданской войны: Дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 1998.

² Подсчитано по: ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 1р. Оп. 1. Д. 238. Л. 190; *Залесский С. А.* Мобилизация горнозаводской промышленности Урала в годы Первой мировой войны // *Исторические записки*. Т. 65. С. 80.

³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1819р. Оп. 1. Д. 7. Л. 144.

⁴ См.: *История Сибири*. Томск, 1987. С. 396; *Зольников Д. М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 20–29.

⁵ Подсчитано по: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 190. Оп. 1. Д. 17. Л. 10; Ф. 199. Оп. 11. Д. 58. Л. 18.

⁶ См.: ГАРФ, Ф. 197. Оп. 5. Д. 43. Л. 9; *Экономическая жизнь* (Москва). 1918. 15 дек.

⁷ См.: *Куцый Г. С.* Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции (1918–1920 гг.). Владивосток, 1967. С. 228.

- ⁸ См.: ГАРФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 27. Л. 8; ГАСО. Ф. 1952рс. Оп. 1. Д. 38. Л. 17-22; Сибирская речь (Омск). 1919. 8 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 31 июля.
- ⁹ Торгово-промышленный вестник (Омск). 1919. 6 февр.
- ¹⁰ См.: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 24.
- ¹¹ См.: Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 ноября.; Торгово-промышленный вестник (Омск). 1919. 24 февр.
- ¹² ГАРФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
- ¹³ См.: ГАРФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-3 и др.; Ф. 199. Оп. 2. Д. 18. Л. 34; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 27. Л. 4-6; Ф. 199. Оп. 2. Д. 18. Л. 36-37.
- ¹⁵ См.: Там же. Ф. 199. Оп. 2. Д. 10. Л. 7, 9, 14-15, 17 и др.; Оп. 96. Д. 10. Л. 17-19, 20-28.
- ¹⁶ См.: Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 15-17; Оп. 8. Д. 127а. Л. 17-19, 21-25; Оп. 96. Д. 10. Л. 20-25; Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 апреля.
- ¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 10. Л. 33-35.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 199. Оп. 3. Д. 34. Л. 21-24.
- ¹⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 199. Оп. 8. Д. 163. Л. 6-7, 41; Оп. 96. Д. 12. Л. 116-119 и др.
- ²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 41. Л. 4; Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 18 июня; Вестник Маньчжурии (Харбин). 1919. 8 июля.
- ²¹ См.: ГАРФ. Ф. 3508. Оп. 1. Д. 10. Л. 2-5; Сибирская речь (Омск). 1919. 29 мая.
- ²² ГАСО. Ф. 1952рс. Оп. 1. Д. 90а. Л. 6-8; Д. 109. Л. 1, 5, 6, 113, 117.

Путь русского офицера: очерк о братьях Перхуровых

История Гражданской войны и Белого движения в России, несмотря на эпохальный характер и значимость этих событий в судьбах Отечества XX в., остается слабо изученной темой. Это неудивительно, учитывая политическую ангажированность советских историков, сохранявшийся до начала 1990-х гг. запрет на изучение определенных архивных материалов, коммунистическую цензуру.

Культивировавшийся «классовый» подход к истории налагал табу на исследование многих проблем, связанных с Гражданской войной. Участники этой братоубийственной трагедии, величайшей в истории русского народа и других этносов Российской империи, неизменно изображались в черно-белых тонах. Создавались лживые панегирики советских руководителей и красных полководцев, а их политические противники предавались анафеме и характеризовались как защитники узкосословных интересов, «враги трудового народа».

Задача современных исследователей – не только разобраться в характере Гражданской войны, причинах поражения Белого движения, но и попытаться восстановить исторические образы участников великой драмы, разыгравшейся на одной шестой части земли в 1917–1920 гг. Мы очень мало знаем не только о рядовых бойцах Белого движения, но даже и о его руководителях.

Об одном из предводителей Белой армии, организаторе Ярославского восстания генерал-майоре Александре Петровиче Перхурове и его братьях – полковнике Борисе и подполковнике Сергее – повествуем этот очерк.

Род Перхуровых принадлежал к числу многих дворянских фамилий, из поколения в поколение исправно поставлявших России защитников – от детей боярских и стрелецких полковников до офицеров и генералов Императорской армии. Военные традиции династии отражались даже в символике перхуровского герба, где рыкающий лев с поднятым мечом в лапе охраняет надвратную крепостную башню.

Там, где теперь под водами Ивановского водохранилища погребен Корчевской уезд Тверской губернии, стояло некогда барское село Шерепово, упоминаемое в писцовых книгах уже в XVI в. В 1622 г. шереповским помещиком был Иван Панфилович Перхуров, положивший начало тверской ветви рода. В первой половине XIX в. Шерепово

вым владел его потомок Александр Николаевич Перхуров, вышедший в отставку гвардии полковником. Он избирался уездным предводителем дворянства, дворянским депутатом от уезда и накануне Реформы 1861 г. немало потруился для освобождения крестьян от крепостной зависимости.

В браке с полькой Анной Мартыновной Александр Николаевич имел одиннадцать детей. Младший из них, Петр, родился в 1848 г., служил в удельных конторах и вышел в отставку в чине титулярного советника. У Петра Александровича было пятеро детей: дочери Лидия и Екатерина и сыновья Александр, Борис и Сергей.

Александр Петрович Перхуров родился 1 января 1876 г. в сельце Шерепове Корчевского уезда Тверской губернии. Он был первенцем в семье Петра Александровича и Серафимы Александровны Перхуровых и назван был в честь обоих своих дедов – полковника Александра Николаевича Перхурова и кашинского помещика Александра Степановича Дяткова.

Воспитывался Александр во 2-м Московском кадетском корпусе, по окончании которого в 1893 г. поступил юнкером в 3-е военное Александровское училище, откуда был выпущен подпоручиком и направлен в 1895 г. в 39-ю Артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Карской области, где служил в должности делопроизводителя, а затем исполнял должность бригадного адъютанта. В 1899 г. Александр Перхуров был произведен в поручики. Служба на южных рубежах Империи закалила характер молодого офицера. Приходилось не только исполнять военный долг, но и заботиться о семье: Александр женился на дочери титулярного советника Евгении Владимировне Григорьевой и 29 января 1899 г. у них родилась дочь Тамара.

Александр мечтает продолжить образование. В августе 1901 г. способный поручик был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для «держания» вступительного экзамена. После успешной сдачи его Перхуров два года обучался в Академии, был произведен за выслугу лет в штабс-капитаны и переведен во 2-ю Туркестанскую артбригаду.

В Русско-японскую войну Александр Петрович добровольцем отправился на фронт в Маньчжурию и с ноября 1904 г. воевал в составе 1-го Сибирского артиллерийского дивизиона, входившего в части 14-го Сибирского корпуса, участвовал в многочисленных боях русской армии.

В марте 1906 г. тридцатилетний офицер прибыл к новому месту службы в Омск, в июле 1907 г. переведен в 3-ю Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду и произведен за выслугу лет в капитаны.

19 декабря 1911 г. в семье Александра Петровича произошло радостное событие: родился долгожданный наследник – сын Георгий¹.

С началом Германской войны Александру Петровичу пришлось перевезти свою семью из Владивостока в уездный Бахмут Екатеринославской губернии². Уже 23 августа 1914 г. Перхуров Высочайшим приказом был назначен командиром 5-й батареи 16-й Сибирской стрелковой бригады, в сентябре прибыл в действующую армию и в январе 1915 г. был произведен в подполковники за боевые отличия. В боях под Варшавой 20 мая 1915 г. он был отравлен газами и в январе 1916 г. произведен в полковники в связи с награждением орденом святого Георгия 4-й степени.

С этого момента военная карьера Александра Петровича стремительно идет вверх. Талантливого полковника заметил сам Августейший Инспектор артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович, по отзывам современников, грамотный специалист, немало сделавший для побед русского оружия на фронтах Мировой войны. В августе 1916 г. по указу Сергея Михайловича Перхуров был назначен командиром 3-го Стрелкового артиллерийского дивизиона, переброшен с Дунайской армией на Румынский фронт, участвовал в многочисленных боях с австро-германцами в Румынии. В феврале 1917 г. распоряжением Великого Князя Сергея Михайловича полковник Перхуров был избран к назначению на должность командира 186-го Сибирского стрелкового отдельного легкого артиллерийского дивизиона, сформировавшегося на Северном фронте, и в марте вступил в командование дивизионом.

Началась революция, и привычный уклад русской жизни рушился на глазах у вдумчивых наблюдателей. Особенно тяжело крушение дисциплины, нарастающий хаос и анархия ощущались в армии. Александр Петрович хорошо понимал, что только сильная национальная власть способна спасти Россию от грозящей ей бездны. Даже на большевистском суде Перхуров не считал нужным скрывать свои политические пристрастия и на обвинение в монархизме заявил: «Если мне дадут монархию Петра Великого, то я за монархию».

Он скептически относился к ажиотажу вокруг бесчисленных политических партий, наводнивших Россию в 1917 г., дав им меткую характеристику: «Люди, которые надевают на себя ярмо определенной программы». Поразительно, но кадровый офицер обладал большими кругозором и дальновидностью, чем многие общественные деятели России того времени. О своем социальном кредо он недвусмысленно сказал на том же суде в 1922 г.: «Я офицер и крестьянин»³. Александр Петрович понимал чаяния крестьянства, но чарам «народного

социализма» не поддался и на выборах в Учредительное собрание голосовал за конституционных демократов.

В октябре 1917 г. он был представлен к производству в чин генерал-майора, но коммунистический переворот покончил и с его Россией, и с Русской Императорской армией, которой он посвятил свою жизнь. Офицерские чины были упразднены, и хотя в ноябре 1917 г. Перхурова как «военного специалиста» привлекли к руководству артиллерийскими курсами в 12-й армии в городе Юрьеве (ныне Тарту), уже в декабре он демобилизовался как «солдат, достигший 40-летнего возраста». Ни к чему оказались ордена, полученные за боевые заслуги: от Станислава 3-й степени с мечами и бантом до Владимира 3-й степени с мечами и орден святого Великомученика и Победоносца Георгия, которым Перхуров особенно дорожил.

Даже в своих обстоятельных записках мужественный человек, прошедший три войны и видевший тысячи смертей, не решился раскрыть свои чувства: «Слишком тяжелы были моральные переживания в конце 1917 г., чтобы можно было выразить их словами на бумаге».

В январе 1918 г. Перхуров устремился к семье в Бахмут. «Невеселую картину застал я дома, – вспоминал позже Александр Петрович, – большая жена, дочь, лишившаяся места учительницы только потому, что у нее отец-офицер, и маленький сын, ютящиеся в одной только комнате. Полное отсутствие денежных средств и сколько-нибудь ценного имущества»⁴. Евгения Владимировна теряла зрение, дочь Тамара устроилась рабочей на содовый завод, сыну Георгию исполнилось всего лишь шесть лет.

В поисках работы Перхуров покинул Бахмут и уехал в Москву. Больше ему ни жену, ни детей увидеть не довелось, и их дальнейшая судьба поныне не установлена. Последние исследования показывают, что Александр Петрович к тому времени получил задание формировать добровольческие отряды от своего сослуживца по германским фронтам – генерала Л. Г. Корнилова.

Находясь в Москве, в марте 1918 г. полковник Перхуров согласился стать начальником штаба в возглавлявшемся Б. В. Савинковым «Союзе защиты Родины и Свободы». Действия этого Союза были согласованы с генералом М. В. Алексеевым и состояли в том, чтобы организовать добровольческое движение в Москве и на севере России. Ориентируясь на программу добровольческого движения, полковник составил основные задачи Союза, которые были одобрены. Сюда входили свержение советской власти и выборы нового Учредительного собрания. «Решение о внутреннем устройстве России принадлежит

всему народу, а не отдельной какой-либо партии или какому-либо одному классу»⁵, – утверждал Перхуров.

Наивысшей точкой в деятельности «Союза защиты Родины и Свободы» стало Ярославское восстание под непосредственным руководством Перхурова. Восставший Ярославль пятнадцать дней оказывал яростное сопротивление красным войскам, став символом народного сопротивления советскому режиму. Хотя восстание не было поддержано ни другими городами, где планировались подобные выступления, ни обещавшими военную помощь союзниками – англичанами и французами, оно способствовало успеху Белого движения в Сибири, отвлекая на себя значительные силы большевиков⁶.

Не имея информации извне осажденного города и в надежде привести подмогу, чтобы прорвать кольцо окружения, Перхуров с небольшим отрядом 18 июля 1918 г. ушел из Ярославля. Только в сентябре ему удалось добраться до Казани, уже пребывавшей в руках белогвардейцев, а именно Народной армии Комуча. Здесь Перхуров возглавил Казанскую бригаду, находившуюся в составе отряда полковника В. О. Каппеля, участвовал в боях с красными под Казанью и Бугульмой.

В результате переворота 18 ноября 1918 г. Белую армию в Сибири возглавил адмирал А. В. Колчак, признанный затем и генералом А. И. Деникиным в качестве Верховного правителя. Казалось, до сих пор разрозненное Белое движение обрело, наконец, своего главу.

В декабре 1918 г. Перхуров заболел и уехал лечиться в Омск, где тогда проживала семья брата Бориса, а в феврале 1919 г. отряд Каппеля был отведен на переформирование в район Челябинска и Кургана. Уже в мае отряд Каппеля получил название 1-го Волжского корпуса, а входящие в его состав бригады переименованы в стрелковые дивизии и спешно укомплектованы пленными красноармейцами. Перхуров был назначен командиром 13-й стрелковой Казанской бригады в составе корпуса генерала Каппеля. «Утром отдаю спешное распоряжение о посадке и отправке на фронт всех частей группы генерала Каппеля, – записал в своем дневнике министр Омского правительства барон Будберг 15 мая, – этому придают решающее значение и уверены, что Каппель остановит ставшее уже угрожающим движение красных в направлении на Бугульму и Уфу... Гонят прямо войска на затычку дыр и прорех. Как на несчастье, при осмотре кем-то войск Каппеля, они оказались в очень парадном внешнем виде, благодаря английскому, с игопочки, обмундированию, и отлично ходили церемониальным шагом...»⁷

Бригада Перхурова участвовала в боях от Белебея до Белорецкого завода, и в июне 1919 г. Александр Петрович был произведен в чин

генерал-майора. Успеху формирования, по его свидетельству, «сильно повредил тиф, занесенный пленными красноармейцами, поступившими на укомплектование корпуса». В середине июля Перхуров был вызван в штаб 3-й армии в Челябинск, где получил назначение начальником партизанских отрядов.

В начале ноября 1919 г. с небольшим отрядом Александр Петрович прибыл для пополнения в Омск накануне падения города. Отсюда его отряд двинулся на восток, к Красноярску. Под Красноярском командующий армиями генерал С. Н. Войцеховский отдал Перхурову приказ пробиваться за Байкал. К тому времени армия адмирала Колчака перестала существовать. Отдельные ее боеспособные отряды уничтожались по частям.

11 марта 1920 г. Александр Петрович, брат его Борис и остатки его отряда были взяты в плен красными партизанами у реки Лены в селе Подымахинском. Заболевшего сыпным тифом Перхурова доставили в Иркутск. После содержания в концлагерях Иркутска, Челябинска и Екатеринбурга в январе 1921 г. он был освобожден и назначен на службу как «военспец» в штаб Приуральского Военного округа.

Однако в ночь на 20 мая 1921 г. он был арестован в Екатеринбурге органами ВЧК и препровожден в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме. Здесь его случайно встретил известный публицист С. П. Мельгунов, которого вызывали в тюрьму в качестве свидетеля. «Перхуров сидел в тюрьме Особого отдела В.Ч.К., – полуголодный, без книг, без свиданий, без прогулок, которые запрещены в этой якобы следственной тюрьме»⁸, – писал Мельгунов.

В июне 1922 г. большевики организовали в знаменитом Волковском театре Ярославля показательный судебный процесс над Перхуровым. Был вынесен смертный приговор: «Военная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК приговорила Перхурова Александра Петровича, 46 лет, бывшего генерал-майора, окончившего академию генерального штаба, потомственного дворянина Тверской губернии, на основании части 1 58, 59 и 60 статей уголовного кодекса, подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять».

21 июля 1922 г. Александр Петрович был расстрелян во дворе Ярославской ГубЧК. Прах его, вероятно, упокоился на Леонтьевском кладбище Ярославля в братской могиле, где похоронены участники восстания 1918 года.

Александр Петрович был авторитетом и образцом для своих младших братьев – Бориса и Сергея, тоже офицеров-артиллеристов. Средний брат Борис Перхуров родился в Шерепове 12 января 1881 г. Он пошел по стопам Александра и в 1900 г. по окончании курса наук во

2-м кадетском корпусе поступил в Александровское военное училище, откуда в 1901 г. был переведен в Михайловское артиллерийское училище. Через три года Борис Петрович в чине подпоручика был выпущен на службу в 1-ю Артиллерийскую бригаду, а в ноябре 1904 г. переведен во 2-ю резервную Артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Серпухове⁹.

Около 1908 г. Борис Перхуров женился на семнадцатилетней Нюре Воскресенской, дочери пензенского помещика Федора Егоровича Воскресенского и жены его Марии Георгиевны, урожденной Рядиной. Брак был удачным: Анна Федоровна подарила мужу четырех детей — Алексея (1910), Петра (1912), Татьяну (1914) и Наталию (1917).

Перед Первой мировой войной Борис Петрович служил в Омске и Владивостоке, воевал затем на фронте и после Октябрьского переворота был уволен из армии в чине подполковника. До лета 1918 г. он перебивался службой конторщика на железной дороге, а в июне вступил в Белую армию и был назначен командиром 1-й Степной Сибирской отдельной стрелковой тяжелой батареи.

В ноябре 1918 г. Борис Перхуров был назначен командиром 4-го Сибирского отдельного легкого дивизиона в армии Колчака, исполнял должность инспектора артиллерии, а в 1919 г. был произведен в чин полковника и назначен интендантом 3-го Степного корпуса.

В июле 1919 г. в должности интенданта партизанских отрядов он стал заместителем у брата Александра и в начале ноября ушел из Омска с отрядом, возглавляемым братом. Накануне Борис Петрович успел эвакуировать из Омска свою семью. Под обстрелом разъездов красных партизан эшелон с офицерскими семьями ушел в Читу.

На реке Лене Борис был взят в красный плен вместе с братом и с января 1921 г. содержался в Екатеринбургском концлагере. По показаниям Александра Петровича, он «был осужден местной Губ.Чекой на 5 лет в лагерь за службу в рядах армии Колчака». В августе 1921 г. следы Бориса Петровича теряются, и судьба его остается невыясненной.

Анна Федоровна спустя три года вышла замуж за Ивана Филипповича Никитина, родила дочерей Ирину и Елену. По-разному сложились судьбы детей Бориса Петровича: младший сын Петр поплатился за свою фамилию, был расстрелян в возрасте 25 лет в Кемерове органами НКВД, старший Алексей работал художником-модельером на ткацкой фабрике в Костроме. Татьяна Борисовна преподавала русский язык и литературу, последние годы жила в Москве. Наталия Борисовна окончила Томский мединститут, долгое время работала врачом, сначала в Сибири, а затем на курорте Трускавец на Украине.

Трагический путь Александра и Бориса Перхуровых разделил до конца их младший брат. 26 мая 1890 г. в семье отставного титулярного советника Петра Александровича Перхурова родился младший из сыновей – Сергей. Как и старшие братья, он избрал военную карьеру. По окончании полного курса наук во 2-м Московском императора Николая I кадетском корпусе в 1908 г. он был зачислен в Павловское военное училище юнкером рядового звания и в 1910 г. выпущен подпоручиком в 57-й пехотный Модлинский генерал-адъютанта Корнилова полк.

Вскоре служба в пехоте разочаровала двадцатилетнего офицера. Сергея поманила романтика полетов. Военная авиация в России только зарождалась. Оставшись в живых после падения аэроплана, подпоручик решил внять советам старшего брата Александра и в ноябре 1911 г. был прикомандирован к 1-й Артиллерийской бригаде для ознакомления на предмет перевода в артиллерию. В 1913 г. Сергей был переведен в 1-ю Артиллерийскую бригаду и произведен в поручики.

С первых дней Мировой войны он оказался на Западном фронте. Его назначили первым старшим офицером во 2-ю батарею 56-й артиллерийской бригады, которая 31 июля 1914 г. выступила на театр военных действий. В январе 1916 г. Сергей был направлен на должность старшего офицера в 124-ю артиллерийскую бригаду, командовал разными ее батареями, в феврале 1916 г. произведен в штабс-капитаны, а в июле 1917 г. – в капитаны.

За отличия в делах против неприятеля Сергей Петрович был награжден орденами – от святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» до святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 14 февраля 1918 г. капитан Перхуров был исключен из списков 124-й артиллерийской бригады ввиду ее расформирования¹⁰.

Сергей Петрович вступил в армию адмирала Колчака и в чине капитана командовал 1-й генерала Лавра Корнилова батареей 2-го Казанского легкого артиллерийского дивизиона. В 1919 г. Сергей Перхуров командовал 4-й батареей 8-й Камской стрелковой артиллерийской бригады в составе 2-го Уфимского армейского корпуса, в мае был награжден за отличие в боях против красных и в июне произведен в подполковники.

После Омской катастрофы в ноябре 1919 г. и эвакуации адмирала и Сибирского правительства в Иркутск 8-я Камская бригада понесла огромные потери. Генерал Каппель был назначен главнокомандующим, но и он не смог спасти положение. После сокрушительного поражения под Красноярском он сумел сформировать из оставшихся

боеспособных частей пятнадцатитысячный корпус, куда вошли остатки Воткинской и Ижевской рабочих дивизий, Третьей егерской и Восьмой Камской дивизий. Конечной целью Каппеля было вывести эту группу в Забайкалье.

В январе 1920 г. начался стремительный рейд каппелевцев на восток, получивший название Сибирского Ледяного похода. К тому времени Иркутск был захвачен красными повстанцами, а адмирал Колчак арестован и, уже обреченный на смерть, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии. В начале февраля корпус Каппеля, лишенный своего предводителя, умершего от пневмонии, вступил в кровопролитные бои с красными под Иркутском. В одном из боев, согласно семейным преданиям, Сергей Перхуров был убит.

Бессудный расстрел адмирала Колчака 7 февраля 1920 г. знаменовал крах организованного Белого движения в Сибири.

Изучение социально-политических причин поражения Белого дела в России еще ждет своих исследователей. Что касается сугубо военных аспектов Гражданской войны, думается, был прав престарелый эмигрант-белогвардеец, на вопрос о причинах победы своих врагов заявивший: «Их было больше». Благодаря жестокой мобилизации большевикам удалось поставить в РККА под ружье не только миллионы крестьянских парней, но и использовать знания и опыт тысяч офицеров старой армии, волей или неволей пошедших на службу большевикам. Сила оказалась на их стороне. Война шла не на равных. Проигравшей оказалась не только Белая армия, но, как показал последующий исторический опыт, вся Россия, подтверждая тем самым пресловутую аксиому: «Не в силе Бог, но в правде».

В мужественном следовании этой правде, в верности долгу и присяге, дворянской чести, семейным и историческим традициям обреченно пролегал по кровавым надломам жестокой эпохи путь братьев Перхуровых – путь русского офицера.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 154602. № 104–255. Л. 1–12об. (Послужной список Александра Петровича Перхурова).

² Воспоминания генерал-майора А. П. Перхурова // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 51.

³ Ярославский историко-партийный архив (Материалы процесса полковника Перхурова – организатора и руководителя Ярославского белогвардейского мятежа. На 133 листах).

⁴ Воспоминания генерал-майора А. П. Перхурова. С. 51.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ *Матрошилин А. Г., Орлов К. О.* «Служба эта была для России...»: Очерк об

А. П. Перхуров // Новый Часовой. 1999. № 8–9. С. 274–278.

⁷ Дневник барона А. Будберга // Архив Русской революции. Т. 13–14. М., 1992. Т. XIII. С. 47–248.

⁸ Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 117–118.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 8343. и с 8812 (1906). Л. 1об.–4об. (Послужной список Бориса Петровича Перхурова).

¹⁰ Там же. Д. 166343, 128–307 (1918). Л. 1–5.

Жизнь — Родине, честь — никому

Вступая в новое тысячелетие, нельзя и дальше оскорблять умолчанием и искажением память тех людей, чье законное право на протест против насилия и беззакония большевиков было попрано и оклеветано, кого уничтожали без жалости.

Без этого нам не найти объяснения тому, что происходит с нами сейчас, что ждет нас в будущем.

«Вооруженное выступление белых не есть самостоятельный и обособленный эпизод в истории русской революции, – писал один из его участников. – Это есть одна из стадий большого патриотического движения, *белого движения*. Не будь этого вооруженного сопротивления, история могла бы считать, что все в стране сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашел в себе мужества протестовать против того, против чего порядочный человек не протестовать не мог...» В ярком соцветии героев и мучеников Белого дела, кто не только видел, но и сопротивлялся большевизму, думая о России, есть и имя Александра Петровича Перхурова.

Боевой офицер, прошедший две войны, не раз смотревший смерти в лицо, он воспринял Октябрьский переворот как национальную катастрофу. Время подтвердило правоту его оценки. Вот что он писал о тех окаянных днях, решив встать по другую сторону баррикады, которая кроваво пересекла его Родину: «Когда я был на фронте, при Царе и Временном правительстве и исполнял долг перед Родиной, которую я должен был отстаивать, а как там устраивается внутренняя жизнь, это пускай устраивают люди более компетентные – казалось мне. Когда в конце 17-го года я был выброшен за борт совершенно без всяких полномочий и возможностей в будущем, и когда я поехал домой, мне пришлось столкнуться с действительной жизнью людей, которые были в России. И все то, что я слышал в дороге и видел на станциях, в городах и деревнях, куда приходилось ходить за хлебом во время остановки поезда, сплошные жалобы, плач относительно того, что отбирают последнее, видел женщину на станции Грязи, сошедшую под поезд с криком: “Если отобрали хлеб, кормите моих детей!”. Все это было до такой степени близко мне, что вот в это время я решил встать на сторону недовольных людей, потому что их претензии были для меня слишком близки и понятны».

Вступив в организацию «Союз защиты Родины и Свободы», целью которой было «установление твердой власти, непреклонно стоящей

на страже национальных интересов России», а затем возглавив Ярославское восстание и пройдя весь тернистый путь Гражданской войны, он до конца пронес в себе чувство высшей справедливости и убежденности в правоте своего дела. «Служба эта была для России», – скажет он в конце своего земного пути.

Продолжая семейные традиции тяжелого ратного труда, юный офицер уже с первых шагов относился к службе с огненной ревностью, быстро прослыл солдатским покровителем, не ленился вне службы писать теплые письма родным новобранцев. Умный, волевой, требовательный к себе и подчиненным офицер, справедливый, готовый всегда прийти на помощь, бескомпромиссный в принципиальных вопросах, А. П. Перхуров пользовался заслуженным авторитетом у своих сослуживцев, не раз избиравших его председателем суда офицерской чести. Военный талант, который он положил на алтарь Отечества, ответственность за порученное дело, прекрасные организаторские способности, забота о подчиненных ему людях не раз прошли испытание на артиллерийских позициях, в пылающем Ярославле, в заснеженных полях великого Сибирского похода.

Юрий Морфесси, очевидец ярославских событий июля 1918 г., в далекой эмиграции вспоминал: «Душой восстания был полковник Перхуров, ставший исторической личностью. Благодаря его энергии, отваге и организаторским способностям Ярославль оказал беспрецедентное сопротивление громадным советским силам, стянутым из Петербурга, Москвы и других центров. Ярославская эпопея еще ждет своего летописца».

Добровольное выступление с оружием в руках около шести тысяч человек, возобновление деятельности городского самоуправления, работа гражданского управления при руководителе восстания А. П. Перхурове, куда вошли представители и эсеров, и меньшевиков, и кадетов, создание городской самообороны, сохранение от разграбления банковских денежных средств (в банке находилось 58 миллионов 746 тысяч 593 рубля 37 копеек и примерно на 100 миллионов рублей процентных бумаг), предотвращение бессудного террора внутри осажденного города (в приказе А. П. Перхурова и его заместителя, помощника по гражданской части А. М. Кизнера предупреждалось о строгой ответственности виновных за необоснованные обыски и аресты: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности»), организация питания мирных жителей, включая арестованных, лечение раненых, погребение убитых. Вот факты, остающиеся неисследованными или искаженными.

Карл Гоппер, товарищ Перхурова, прошедший с ним боевой путь от стен Ярославля до Сибири, вспоминал: «...Несколько слов о том, что происходило в это время на фронте. Эти сведения мне доставлял полковник Перхуров... Он поступил в Казани на фронт и работал все время в составе корпуса генерала Каппеля, который объединил под своей командой все остатки Народной армии, боровшейся на средне-волжском фронте. Войска Народной армии провели пять месяцев в непрерывных боях и ввиду этого находились в весьма плачевном состоянии, ибо их ничем не снабжали. Обмундирование и обувь были изношены, патроны имелись только тогда, когда их удавалось отобрать у большевиков, медикаментов вовсе не было... и вследствие крайнего переутомления и плохой пищи началась эпидемия тифа и цинги. На просьбы и запросы никто не давал ответа. В начале ноября ко мне явился вестовой полковника Перхурова, который привез копии с разных сообщений, поданных им в свое время. Перхуров просил меня передать все копии главнокомандующему, что я и сделал. Наконец, полковник Перхуров сам явился в Омск для личных сообщений о состоянии фронта. Однако он так и не мог добиться аудиенции ни у Верховного главнокомандующего, ни у начальника штаба. Каждый день он являлся в Ставку в назначенное время и дежурил по несколько часов подряд в ожидании приема, но его каждый раз просили приходиться завтра. Наконец он выпросил прием только на одну минуту, смотря по часам, ... вынул два больших сообщения, положил их перед начальником штаба Лебедевым и сказал: "Вот мои сообщения. Если через два дня я не получу удовлетворительного ответа, то приду к вам в кабинет и на ваших глазах застрелюсь". Перхуров направился к двери, но генерал Лебедев его задержал, просил сесть, и, к удивлению, у него нашлось для Перхурова полчаса времени». Вот письменное заявление Перхурова советским властям, в котором речь идет о людях его отряда, решивших сдать в красный плен: «Убедительно прошу обеспечить не на словах, а на деле полную безопасность всем без исключения чинам моего бывшего отряда, сложившим оружие. Всю вину отнести на меня, так как чины являлись только исполнителями моей воли. Также прошу всех сдавшихся поставить в такое положение, чтобы и в будущем в других местах не было преследования ни их и тем более их семей. Лично предпочитаю покончить с жизнью, скитаясь в тайге, чем отказаться от того, во что верую. Генерал-майор Перхуров. 28 февраля 1920 года. Деревня Михеево».

Политическим идеалом для А. П. Перхурова была не диктатура, а демократическое государство с «Народным собранием, в нормальных условиях выбранным». Он писал: «Признаю себя еще виновным в том,

что не соответствующую существующей структуре советской власти, при которой центральная власть оказывается также изолированной от действительных нужд народа и вынуждена оценивать события с точки зрения докладчиков, а не по непосредственному общению с народом. Глубоко верю, что власть должна находиться в руках всего народа, а не какой-либо партии...

Народный парламент должен состоять из представителей с мест, людей честных, толковых, ясно знающих быт и средства того района, от которого они выделены. Действия многих представителей советской власти расходятся со словами и вместо свободы слова, собраний, неприкосновенности личности сохранились в полной мере самые темные черты старого режима – произвол, бесправие, издевательство над личностью, хищения и т. п.».

Однако люди с такими убеждениями не могли надеяться на пощаду со стороны новой власти. Но прежде чем вынести смертный приговор советская власть уготовила Перхурову пройти все круги Дантова ада. «Только за шестнадцать дней, проведенных в особом отделе Екатеринбургской ЧК, – восемь допросов. Из них шесть – с шомполами и проволочными жгутами. Били в два-три приема. Три месяца не давали умываться, разрешив утереться, бросили портянку. Несколько месяцев держали в нечеловеческих условиях подземелья на Лубянке».

И несмотря на все пытки и издевательства, он остался верен себе, мужественно встретив смерть. Его последнее слово: «Я могу сказать только одно: я рад, что судьба подарила мне возможность встать перед судом Российской республики, излить душу, осветить помыслы. Я жду не снисхождения, не пощады. Беспристрастного приговора. С мыслью о смерти я свыкся. Есть тревога только о семье. О ней более трех лет не имею никаких сведений. Знаю, что жена ослепла, девятилетний сынишка болен... Лично я чувствую, что совесть моя перед народом чиста...».

«Легко уничтожить такую величину, но приобрести ее, если бы у ней не такая окраска, очень трудно», – сказал на суде защитник Перхурова учитель Коммодов.

Однако новая власть в своей политике делала ставку на людей, чьи нравственные устои и мировоззрение были чужды людям, подобным Александру Петровичу Перхурову. Он погиб, отстаивая идеалы лучшей, свободной России – своего поруганного Отечества, служению которому посвятил свою жизнь.

Литература

Козьяков В. «Служба эта была для России...» // Волга. 1993. № 3.

Колчаковщина: Гражданская война в Сибири. Иркутск, 1991.

Лампе фон А. А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Трагедия белой армии. М., 1991.

Матрошилин А. Г., Орлов К. О. «Служба эта была для России...»: Очерк об А. П. Перхурове // Новый Часовой. 1999. № 8–9. С. 274–278.

Морфесси Ю. Жизнь, любовь, сцена // Волга. 1993. № 2.

Мяшиков В. А. Красный туман: Документальная повесть. (Рукопись.)

Русская Герника // Золотое кольцо (Ярославль). 1992. 4 июля. № 127.

Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998.

Русские писатели и Белое дело

Рецензент журнала «Красная новь» Н. Мещеряков в 1921 г. писал, что «чуть не вся литературная Россия после октябрьской революции ушла в белогвардейский лагерь»¹. Это, конечно, гипербола. Однако проще перечислить тех литераторов, которые пошли на службу к большевикам². Конечно, масштабы дарований не принявших новой власти писателей были столь же различны, сколь и роль их в Белом деле. Поэтому остановимся лишь на самых выдающихся и наиболее деятельных из них.

«Сторонник Добровольческой армии»

Первенство среди писателей, бесстрашно, последовательно и до конца своих дней отстаивавших Белое дело, безусловно, принадлежит лучшему и талантливейшему русскому писателю XX в., нашему последнему классику И. А. Бунину. До 1917 г. он не принадлежал к числу писателей какого-либо политического (как, впрочем, и эстетического) направления. Однако после всероссийской катастрофы во весь рост встал Бунин-гражданин. 26 мая 1918 г. он пересекает границу, «оставив за собой развалины России».

Революция была отвратительна Бунину и этически, и эстетически, и физиологически («Я как-то физически чувствую людей», – неоднократно повторяет он столь близкие ему слова Л. Н. Толстого в своих публицистических заметках). Поэтому страстный Бунин чувствовал в себе все более крепнущую потребность бороться с большевиками не только словом, но и делом. В марте 1919 г., когда Добровольческая армия терпела поражения и банды атамана Григорьева готовились войти в Одессу, писатель говорил жене В. Н. Муромцевой-Буниной: «Мои предки Казань брали, русское государство созидали, а теперь на моих глазах его разрушают – и кто же? Свердловы? Во мне отрыгнулась кровь моих предков и я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве». «Он сидел в своем желтом халате и шапочке, воротник сильно отставал, – продолжает Вера Николаевна, – и я вдруг увидела, что он похож на боярина. – Я все больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство. Ведь читать газеты и сидеть на месте – это пытка, ты и представить не можешь, как я страдаю...»³

В апреле 1919 г. Одессу захватывают большевики. А буквально накануне в газете «Наше слово» появилась статья Бунина, где он «открыто заявил себя сторонником Добровольческой Армии»⁴. Несмотря на смертельную опасность и отсутствие заработков (печать закрыта), писатель не идет ни на какие компромиссы с новой властью, ожидая ее падения.

После того как 24 августа 1919 г. Добровольческая армия входит в Одессу, Бунин участвует во всех торжествах по случаю освобождения города: присутствует в соборе на молебне и панихиде по убиенным, на параде добровольцев на площади, выступает с речью на банкете в честь главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А. И. Деникина, а также при огромном стечении слушателей писатель дважды читает лекцию «Великий дурман», посвященную большевистской революции и ее деятелям.

Когда Добровольческая армия основывает в Одессе ежедневную общеполитическую и литературную газету «Южное слово», Бунин сначала входит в ее редакцию, а с 21 октября становится ее соредактором (совместно с академиком-византинистом Н. П. Кондаковым). В числе ее сотрудников – И. С. Шмелев, К. А. Тренев, С. Н. Сергеев-Ценский, А. М. Федоров. («Впервые Ян (Бунин. – *И. Ш.*) на службе. Ему нравится, что он ездит на машине с национальным флагом», – записывает в дневнике В. Н. Бунина)⁵. На страницах «Южного слова» регулярно появлялись бунинские стихи и статьи, полемика с левонастроенными газетами «Одесские новости» и «Южный рабочий».

После поражения Добровольческой армии Деникина Бунин с женой в конце января 1920 г. навсегда покидают Россию.

В июне 1920 г. Бунин знакомится с П. Б. Струве, приехавшим в Париж для ведения переговоров о признании Францией правительства Врангеля (в котором Струве был министром иностранных дел). На вопрос политика о планах писатель ответил, что больше всего ему хотелось бы уехать в Россию.

В середине августа 1920 г. Струве от имени правительства Врангеля приглашает Бунина в Крым: «Переговорив с А. В. Кривошеиным, мы решили, что такая сила, как Вы гораздо нужнее сейчас у нас на Юге, чем за границей. Поэтому я послал Вам телеграмму о Вашем вызове»⁶. Ответа Бунина на эту телеграмму в архиве Струве нет. Поездка писателя в Крым по неизвестным причинам не состоялась. Возможно, просто из-за плохого самочувствия после всех тягот, перенесенных после бегства из Одессы.

15 ноября 1920 г. В. Н. Муромцева-Бунина пишет в дневнике: «Армия Врангеля разбита. Чувство, похожее на то, когда теряешь близкого человека»⁷.

Хотя Бунин и не стал политическим деятелем, он до конца своих дней продолжал бороться с большевизмом своим самым мощным оружием – словом. «В одной только книге моих “Воспоминаний” напечатано такое количество строк и целых страниц, посвященных большевикам, что они посадили бы меня на кол, будь я в их руках», – констатировал он незадолго до смерти⁸.

Заслуживает внимания вопрос о политической позиции писателя. По мнению О. Н. Михайлова, виднейшего отечественного специалиста по русской эмигрантской литературе, Бунин был «одним из лидеров белого движения»⁹, который с первых дней своей «горестной эмигрантской жизни» занял «крайне правые позиции»¹⁰. Действительно, страстность и резкость бунинских статей выделяет его во всей эмигрантской публицистике.

Однако это еще не основание для вывода о принадлежности Бунина к «крайне правым» и дело здесь не в нереализованности участия в политической деятельности и не в признании им идеи демократии¹¹ (хотя и не для России)¹². Для любой идеологии Бунин был «слишком чистым художником» (по словам З. Гиппиус). Сам же он в 1919 г. так выразил свое политическое «кредо»: «Я не правый и не левый, я был, емь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно не исходило»¹³.

При учете всего, что нам известно о политических взглядах и деятельности Бунина, его позицию можно назвать правоцентристской.

«Заклятый враг Советской власти»

В июне 1921 г. в Париже прошел съезд русского «Национального объединения». Однако удалось объединить только умеренные группы эмиграции – правых кадетов, некоторых социалистов и беспартийных центристов. В числе делегатов этого съезда наряду с Буниным был и А. И. Куприн, который во время наступления Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича на Петроград издавал в Нарве и Гатчине ежедневную газету «Приневский край» под началом П. Н. Краснова, доблестного кавалерийского генерала и плодовитого писателя. Свое сотрудничество со штабом Юденича, а также события похода его армии Куприн ярко отразил в автобиографической повести «Купол св. Исаакия Далматского»¹⁴.

«С чувством некоторого умиления» читал Куприн в большевистских газетах «лестные строки» о себе: «Из одной заметки я узнал, что штаб Юденича помещается в моем доме, и я неизменно присутствую на всех военных советах в качестве лица, хорошо знающего местные

условия, Василий Князев почтил меня стихами: “Угостил его Юденич коньяком, / И Куприн стал нам грозиться кулаком”»¹⁵.

Пролеткультовец В. Князев еще 4 августа 1918 г. в газете «Красная колокольня» обвинил некогда либерального Куприна в намерениях реставрации монархии в связи с публикацией его статьи «Михаил Александрович» о Великом Князе. Эта статья во многом послужила поводом к аресту Куприна ЧК¹⁶.

А Д. Бедный в «Московской правде» (1919. № 428) писал, что Куприн «сделался наиболее заклятым врагом Советской власти», «скатившись в болото махровой монархической белогвардейщины»¹⁷. Все это писалось о Куприне, который еще недавно радостно приветствовал свержение самодержавия!

Сотрудничество со штабом Юденича продолжалось недолго. В начале ноября вместе с отступившими белыми войсками Куприн оказался в Эстонии, затем в Финляндии, откуда в середине 1920 г. переехал во Францию.

В мае 1937 г. тяжело больной Куприн, узнававший в это время лишь свою жену, при содействии И. Я. Билибина был привезен в СССР¹⁸. В 1938 г. он умер.

«...Страшен для всего мира»

Более весомый вклад в Белое дело совершил А. Т. Аверченко, сатирик, которым, по словам Н. Тэффи, «зачитывались все ... начиная с императора Николая II и кончая ссыльной эсеркой». Заняв резко отрицательную позицию по отношению к захватившим власть большевикам, Аверченко прожил в Петрограде до момента, когда в августе 1918 г. по постановлению советской власти был закрыт его журнал «Новый Сатирикон». Впоследствии Аверченко так рассказывал о своих странствиях в фельетоне «Приятельское письмо Ленину»: «Я на тебя не сержусь, хотя ты гонял меня по всей России, как серого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять... Севастополь. Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам»¹⁹.

В белом Ростове-на-Дону Аверченко кроме устройства вечеров юмора сотрудничал в газете «Приазовский край». В большевистских «Известиях» за 14 февраля 1919 г. упоминается о том, что на Кубань и на Дон «слетались все желтые журналисты и писатели», и там занимаются «почетным делом лизания союзных и генеральских пяток». В заметке перечисляются имена публицистов и журналистов, среди которых указывается и Аверченко, про которого сказано: «Нагоняет

строчки о большевиках Аркадий Аверченко». Приехав в свой родной Севастополь в марте или апреле 1919 г., Аверченко счастливо избежал там участи многих врагов советской власти и дождался освобождения города войсками Деникина в июне того же года. В Севастополе он прожил немногим более полутора лет, т. е. до начала ноября 1920 г.

Вскоре после того как Севастополь был занят войсками Деникина, здесь начала выходить «беспартийная общественно-политическая и литературная» газета «Юг» (впоследствии «Юг России»). Ее первый номер вышел 25 июля 1919 г. с сообщением о том, что в газете принимает участие ряд известных журналистов (главным образом из числа бывших сотрудников московского «Русского Слова»), профессоров, общественных деятелей и писателей. Среди последних упоминаются, кроме Аркадия Аверченко, писатели И. Д. Сургучев, Е. И. Чириков и И. С. Шмелев. В первом же номере газеты «Юг» появляется фельетон Аверченко, а через несколько дней в той же газете находим его призыв к состоятельным гражданам Севастополя жертвовать на нужды Добровольческой армии, оканчивающийся так: «Прижимая руку к сердцу, умоляю вас: докажите, что вы, прежде всего дети измученной, страдающей России, а потом уже богатые буржуазные чело-вечки».

Свою деятельность в театре Аверченко начинает с устройства платного вечера-кабаре, чистый сбор с которого поступил в пользу «Комитета по оказанию помощи вдовам, сиротам и чинам Добровольческой армии, пострадавшим в борьбе с большевиками».

2 ноября 1919 г. в Севастополе отмечалась годовщина основания Добровольческой армии. По этому случаю в театре Городского собрания был устроен большой спектакль-концерт, где вместе с Аверченко выступила другой популярнейший сатирик – Надежда Тэффи. В сообщении об этом вечере в газете «Юг» Аверченко вновь призывал севастопольских граждан проявить жертвенность, памятуя о том, что жители города были спасены добровольцами от террора большевиков.

За время работы в газетах «Юг» и «Юг России» Аверченко напечатал более 190 фельетонов и рассказов. В своих произведениях писатель выражает надежду на успех антибольшевистской борьбы, призывает русских людей к исполнению гражданского долга, к жертвенному служению делу сопротивления надвигающейся стихии разрушения и бесправия. Осуждая партийно-политических деятелей-доктринеров, своими раздорами подрывавших, по его мнению, единение в лагере белых, Аверченко в то же время энергично выступал против попыток соглашательства с большевистской властью. Так, например,

когда стало известно о переговорах Ллойд Джорджа с представителями большевиков, Аверченко напечатал фельетон, озаглавленный «Большевизм в образах». В этом фельетоне, обращаясь к политическим деятелям типа Ллойд Джорджа, писатель делает следующее заключение: «...большевизм страшен не для одной России – что Россия. Он страшен для всего мира!».

Верность Белому движению писатель сохранил и в эмиграции (он скончался в Праге в марте 1925 г.). Сборник рассказов «Дюжина ножей в спину революции» (1921 г.) удостоился похвалы и рецензии самого Ленина. «Вождь» отметил, что в ряде рассказов искусно изображена старая, «объевшаяся и объедавшаяся Россия». Назвав книгу «высокоталантливой», он, тем не менее, констатировал, что она написана с позиций «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца»²⁰. «Таланты нужно поощрять», – резюмировал Ленин и распорядился об издании сборника.

«Святая Белая борьба»

Рассматривая интересующую нас проблему, невозможно пройти мимо четы Мережковских, пожалуй, самых политизированных русских писателей. (Говоря о Д. С. Мережковском и его жене З. Н. Гиппиус, следует помнить и о третьем участнике «мистического треугольника» – литераторе Д. В. Философове.) «Политика, – писала Гиппиус, – была нашим первым жизненным интересом»²¹. Все трое ненавидели самодержавие и сочувствовали эсерам, считая эту партию наиболее органичной для России. Мережковские, как и подавляющее большинство представителей творческой интеллигенции, с восторгом встретили Февраль (Философов несколько более сдержанно) и крайне враждебно – Октябрь. Объясняя свою работу над «эсеровскими манифестами» для Учредительного собрания, Гиппиус записывает в своем дневнике 1–2 января 1918 г.: «Почему же я им помогаю...? А потому, что сейчас у нас (всех) только одна, узкая, самая узкая цель: свалить власть большевиков. Другой и не должно быть. Это единая, первая, праведная: свалить. Все равно чем, все равно как, все равно чьиими руками. И вот в эту минуту подставляются только одни вот эти руки. В них всего 1% возможности успеха. Но выбора нет»²².

Весьма иронично относится писательница к сформировавшимся в 1918 г. подпольным интеллигентским организациям («Союз возрождения России», «Национальный центр» и др.) и крайне негативно – к Белому движению. «Не вижу я ни успеха “белых генералов” (если они одни), ни целесообразности движения с юга»; «ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши “белые генералы”, ста-

рые русские “остатки”, – даже если они будут честно и определенно поддержаны Европой. А что у Европы нет прямой честности – мы видим»; «Деникин обязательно провалится»; «если они (войска Юденича. – *И. Ш.*) не могут взять Петербурга... они бы должны понимать, что, идя бессильно, они убивают невинных»; «Преступное движение Юденича»; «Генеральско-южные движения обречены, как и генеральско-северные, оказывается» – такими записями пестрят дневники Гиппиус за 1919 г. Из подпольщиков она делает исключение лишь для Б. В. Савинкова (своего литературного «крестника»), из генералов – для Л. Г. Корнилова («Корнилов – наш единственный русский герой...», «единственная личность») ²³.

Очень характерны для Мережковских такие мысли: «С неумолимой, роковой однообразностью каждая русская сила, собиравшаяся на большевиков, начинала с того, что кого-нибудь “не признавала”: даже Финляндию (фатальная архиглупость!), уж не говоря о Латвиях, Эстониях и т. п. ... они со всей преступной тупостью (честной, может быть) объявляли, что не позволят “расчленять Россию”... Россию, которой сейчас нет! Это косвенное признание большевиков и России большевистской... А мы отсюда, мы, знающие, и, уж конечно, не менее русские, чем все это, по-своему честное, старье – мы не только не боимся никакого “расчленения” царской России: мы хотим этого расчленения, мы верим, что будущая Россия, если станет “собираться”, то на иных принципах и в тех пределах, в каких позволит новый принцип. Этот дикий патриотизм в сущности ставит знак равенства между Большевизией и Россией (в их понятии). “Не признаем частей, отделившихся от России!” – читай: от большевиков. Безумие. Бесчеловечность» ²⁴.

Негативное отношение Мережковских к Белому движению было одним из тех факторов, которые привели к охлаждению, а затем к разрыву с их ближайшим другом Философовым. Правда, отношение всех троих к Польше, куда они бежали в начале 1920 г., было одинаково положительным.

В Минске Мережковский читает лекции о большевизме. По его мнению, «свергнуть иго большевиков (и даже не трудно) можно только:

1. Вооруженной борьбой с крайне демократическими лозунгами (Савинкова) и с чисто большевицкими методами борьбы (вроде Балаховича);
2. При непременном условии опоры на регулярную армию другого самостоятельного воюющего государства» ²⁵.

Поэтому 25 июня 1920 г. Д. Мережковский встретился с Ю. Пилсудским, который одобрил идею формирования на польские деньги русского отряда в составе Войска Польского для борьбы с большевика-

ми. Кроме того, с 17 июля 1920 г. в Варшаве начала выходить «политическая, литературная и общественная» газета «Свобода»; которую издавали Б. Савинков, Д. Мережковский, З. Гиппиус под редакцией Д. Философова (с 4 ноября 1921 г. по 1932 г. газета выходила под названием «За свободу!»).

После крушения надежд на Польшу (заклячая перемирие с РСФСР, Пилсудский обязался выслать русские войска со своей территории) и разочарования в Савинкове (который стал восхвалять мир Польши с большевиками) Мережковские уезжают в Париж.

Впоследствии Мережковские полностью пересмотрят свое отношение к Белому движению: «...если б добровольческой войны не было, – вечный стыд лег бы на Россию, сразу нужно было бы оставить надежду на ее воскресение. И прав Д. С. (Мережковский. – *И. Ш.*) сказав, что не о прощеньи грехов убитых следует нам молиться, а у них просить прощенья... Главная причина гибели Добровольческой армии – это ее полная покинутость. И внутренняя, и внешняя. Она была покинута не только русскими, но и коварными вчерашними союзниками... При этих условиях какой же успех могла иметь святая белая борьба с зараженным русским народом? Я подчеркиваю «святая», потому что такой она была»²⁶.

Конечно, ни столь талантливые и известные писатели, как Бунин, Куприн, Аверченко, Мережковские, ни те, одаренные, но малоизвестные литераторы, которые с оружием в руках сражались против Красной армии (С. Бехтеев²⁷, И. Савин²⁸, Л. Зуров²⁹ и др.), не смогли одолеть большевизм. Тем более что подавляющее большинство русских писателей-эмигрантов было организационно и идейно разобщено.

Но духовная победа была на стороне тех, кто активно не принял тоталитарный режим и на чужбине сохранил лучшие традиции русской культуры. Поэтому, на наш взгляд, ко всем этим художникам слова можно отнести слова, обращенные к Бунину А. Жидом: «Благородством своего изгнанничества» так же, как и своим творчеством, они «спасли душу своего народа»³⁰.

Примечания

¹ *Мещеряков Н.* Наши за границей (I. Белогвардейский юмор) // Красная Новь. 1921. № 1. С. 275.

² См., к примеру, список писателей-коллаборационистов, составленный З. Гиппиус (Дневники. Т. II. М., 1999. С. 60–61).

³ Запись В. Н. Муромцевой-Буниной от 5 (18) марта 1919 г. // Устами Буниных. Т. I. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 216.

- ⁴ Там же. С. 221.
- ⁵ Там же. С. 318.
- ⁶ Цит. по: *Михайлов О. Н.* Страстное слово // Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 8.
- ⁷ Устами Буниных. Т. II. С. 18.
- ⁸ *Бунин И. А.* Публицистика... С. 463.
- ⁹ *Михайлов О. Н.* В рассеянии – целостная // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 1. С. 206.
- ¹⁰ Страстное слово... С. 8.
- ¹¹ *Василевская О.* Отверженная Россия // Великий дурман. М., 1997. С. 27.
- ¹² См.: *Бунин И. А.* Публицистика... С. 44. Ср.: Там же. Самогонка и шампанское (1921). С. 103–107.
- ¹³ Там же. С. 43.
- ¹⁴ Издана в Риге в 1928 г. В России эта повесть впервые опубликована в 1992 г.: *Куприн А.* Эмигрантские произведения / Подг. текста, предисл. и примеч. Т. Очировой. М., 1992. Исторические аспекты повести Куприна рассмотрены в статье: *Полторац С. Н.* А. И. Куприн – «пламенный бард» Северо-Западной армии // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 1996. № 1. С. 113–119.
- ¹⁵ *Куприн А.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁶ Там же. Примеч. Т. Очировой. С. 91.
- ¹⁷ Там же. С. 91.
- ¹⁸ См.: *Храбровицкий А. В.* А. И. Куприн в 1937 году // Минувшее. 1991. № 5. С. 353–358. (За эту ссылку сердечно благодарю В. Н. Вороновича.)
- ¹⁹ *Левцкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 43. Из этой книги мы почерпнули важнейшие сведения об А. Аверченко.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 249.
- ²¹ *Гиппиус З.* Указ. соч. С. 180.
- ²² Там же. С. 36.
- ²³ Там же. С. 224, 237, 250, 253.
- ²⁴ Там же. С. 277, 278.
- ²⁵ Там же. С. 312.
- ²⁶ *Гиппиус З.* Дм. Мережковский // Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 310–311.
- ²⁷ См.: *Бехтеев С. С.* Песни русской скорби и слез. М.; Подольск, 1997.
- ²⁸ См.: *Бунин И. А.* Публицистика... С. 250–253, 383–385. Комментарий. С. 569.
- ²⁹ См.: Там же. Комментарий. С. 585–586.
- ³⁰ Цит. по: *Михайлов О. Н.* Указ. соч. С. 19.

Трагедия Гражданской войны в творчестве Ивана Шмелева и Бориса Зайцева

Неизгладима в памяти народной трагедия Гражданской войны, неисчислимы ее жертвы. Среди них, по словам И. С. Шмелева, «есть жертва, значение которой не всеми, может быть, постигается с должной полнотой и ясностью: эта жертва – литература наша, художественное слово русское»¹. Многие русские писатели вынуждены были покинуть Родину с тем, чтобы больше никогда не вернуться назад. В их числе – Иван Шмелев и Борис Зайцев. По-разному складывались судьбы обоих писателей, но испытания, выпавшие им на долю, очень схожи.

Выросший в православной семье, Иван Сергеевич Шмелев в пору своего студенчества «шатнулся от веры», увлекшись модными в среде интеллигенции либерально-демократическими идеями. Февральскую революцию приветствовал и в качестве корреспондента «Русских ведомостей» отправился в Сибирь на «поезде свободы» освобождать политических каторжан. Это путешествие очень многое изменило в мировоззрении писателя. Он увидел истинное лицо делателей революции, осознал губительность их идей. Позже в очерке «Убийство» (1924) Шмелев расскажет, как «сибирский поезд политических каторжан, подпольщиков и восторженных сумасшедших, шулеров слова и мысли, своекорыстных обиженных жизнью и затаивших злобу и просто радующихся легкой возможности перемен, поезд, выросший в апокалипсическое чудовище, обрушился на помутившуюся Россию»². Писателю открылся смысл происходящего на Родине, он ясно увидел, что «революция есть антихристианство», как предрекал еще Ф. И. Тютчев.

В 1918 г. Шмелев с женой и сыном едет в Крым. Здесь писателю было суждено прожить, наверное, самые страшные дни своей жизни. Об эмиграции Шмелевы не думали; даже сын Сергей, офицер Добровольческой армии, при отступлении П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. остался в Крыму. Нежелание уехать обернулось трагедией. Сергей Шмелев «был арестован большевиками и увезен в Феодосию [...] Там его держали в подвале на каменном полу, с массой таких же офицеров, священников, чиновников. Морили голодом. Продержав с месяц, больного, погнали ночью за город и расстреляли»³. Так описывает судьбу сына сам писатель. Эта смерть потрясла Шмелевых, но не

была их единственным испытанием: им предстояло пережить страшные месяцы красного террора и голода. Обо всем перенесенном Шмелев рассказал в своем первом эмигрантском произведении – эпосе «Солнце мертвых» (1923). Эта книга сразу же вызвала массу откликов за границей: ее сравнивали и с Апокалипсисом, и с дантовским «Адом», ибо, по словам А. В. Амфитеатрова, «более страшной книги не написано на русском языке»⁴. Описывая картину гибели всего живого, Шмелев стремился к точности, документальности своего рассказа. В эпосе нет ничего выдуманного, весь этот ужас писатель испытал на себе. Перед читателем открывается трагедия, произошедшая в Крыму, когда в него пришли большевики «те, кто убивать хотят». Получив приказ из столицы «вымести Крым железной метлой», «новые творцы жизни» с жаром принялись за его выполнение: «И вот убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали. Юных, зрелых и старых, – с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали [...] Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали»⁵.

Позже Шмелев вернется к крымской трагедии в письме «Защитнику русского офицера Конради – г-ну Оберу, как материал для дела», где еще раз подробно опишет все те преступления, свидетелем которых ему довелось быть: «я видел и испытал все ужасы, выжив в Крыму с ноября 1920 по февраль 1922 года. Если бы случайное чудо и властная международная комиссия могла получить право произвести следствие на местах, она собрала бы такой материал, который с избытком поглотил бы все преступления и все ужасы избиений, когда-либо бывших на земле»⁶.

В 1922 г. Шмелевым с большим трудом удастся переехать из разоренного Крыма в Москву, а затем оттуда – за границу. Изгнание было для Шмелева тяжелым крестом. Однако среди всех тягот и лишений эмигрантской жизни писатель «ни на минуту [...] не перестает думать о России и мучится ее несчастьями»⁷ (К. Д. Бальмонт).

После завершения работы над «Солнцем мертвых» Шмелев пишет ряд рассказов. Некоторые из них, вошедшие в сборник «Про одну старуху» – о пореволюционной России, о скорбях и лишениях русского народа. Другие посвящены крымской теме, в них писатель продолжает осмысление всего того, что случилось в России в целом и на полуострове в частности. Например, рассказ «Гунны» посвящен вступлению красных в Крым, и здесь автор проводит отчетливые параллели между «новыми творцами жизни» и дикими ордами гуннов. Такое сравнение большевиков с ордой было достаточно распространенным

среди писателей-эмигрантов. В рассказе «Панорама» показана судьба семьи интеллигентов, вынужденных держать корову в кабинете, среди книг и рукописей. Герой рассказа «Туман» – бывший правовед – отстаивает свое последнее право – «право раба». Все эти разбитые судьбы, дополняя друг друга, помогают увидеть трагедию, случившуюся с Россией, во всей полноте и, главное, позволяют вскрыть ее суть, понять смысл произошедшего.

Тема революции и Гражданской войны из художественных произведений Шмелева переходит в его публицистику, которая довольно обширна: писатель никогда не оставался равнодушным ни к жизни русской эмиграции, ни к событиям, происходившим в Советском Союзе и в мире, откликаясь на них в статьях, воззваниях, обращениях. Как и художественное творчество, вся публицистика писателя проникнута чувством любви к России, болью за ее судьбу и верой в ее возрождение.

Важное значение в творческом наследии Шмелева имеет тема Белого движения. Это было вызвано не только памятью о сыне, но и неподдельным вниманием писателя к Белой идее, к судьбе Добровольческой армии.

Споры о Белом движении, не утихающие в среде эмигрантов с первого дня изгнания, вспыхнули с новой силой после выхода в свет трактата И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой». В этой дискуссии Шмелев старался осмыслить выступление Добровольческой армии с точки зрения православного миропонимания. В решении этого вопроса писатель однозначно становится на сторону Ильина, которого называл «совестью русской интеллигенции»⁸. Яснее всего выразил Шмелев свое отношение к Белому движению в статье «Душа России» (1927). Уже само название красноречиво говорит о позиции автора. Вся же статья в целом – поистине гимн Белым воинам, «спасшим честь России». Как мы видели, Красная Армия в произведениях Шмелева предстает как орда, как полчища диких людей, опьяненных кровью и обезумевших. Что же касается Белого движения, то писатель, напротив, подчеркивает, что это «есть *отбор*, отбор лучшего русского по духу, по чувствованию России, отбор – того, что не мыслило без России *быть*, не могло мириться с Ее искаженным ликом, с надругательством над ее *душой*»⁹. Звание «Белый воин» является для писателя знаком чистоты, стойкости, верности. Однако Шмелев не просто воспевает Добровольческое движение, но и старается вскрыть его суть, осмыслить его значение в судьбе России. Писатель приходит к выводу, что годы Белой борьбы являются «проломом русской истории», а «за ним – уже *Новая Россия*, которая непременно будет. За ним – наприя-

женнейшие искания подлинного национального бытия, национального обновления, собирания и оберегания того, что есть Россия [...], без чего она *быть* не может, что есть православная Великая Россия»¹⁰. В понимании Шмелева Белые войны являются носителями национальной идеи. Но они также являют собой «высокий и страшный пример национального Искупления», «являются потрясающим примером страданий неповинного поколения за ошибки и преступления отцов и дедов»¹¹. Путь Добровольческой армии в целом Шмелев осмысливает как крестный путь, ведущий через смерть и поражение, через Голгофу и Искупительную Жертву к Воскресению.

В более поздних статьях – «Подвиг» (1936), посвященной годовщине Ледяного похода, и «Сынам России» (1937) – Шмелев глубже проникает в суть Белой борьбы, подчеркивает ее не земной, а высший смысл: «Это борьба со Злом, принявшим личину большевизма». «Тут не рядовые события истории, а неизмеримое временем – трагедия борьбы Божеского и Дьявольского»¹². И вновь указывает писатель на жертвенность Белого движения, на безропотное несение взятого на себя Креста: «Русскому Добровольчеству выпала честь Креста: первому выдержать удар зла, воплощенного в большевизме, положить почин в борьбе за Божественный образ в человеке»¹³.

К теме Белого движения Шмелев обращается во многих публикациях на протяжении всего эмигрантского творчества. В 1947 г. в статье «Памяти «Непобедимого»», посвященной кончине генерала Деникина, писатель говорит о необыкновенной «чистоте служения», присущей одному из последних вождей Русского Добровольчества, еще раз доказывая свою мысль о том, что «священное имя – Белый Воин» – является «знаком высокого духовного отбора»¹⁴.

Таким образом, в лице И. С. Шмелева Белое движение обрело стойкого и верного сторонника и защитника, сделавшего подвиг Русского Добровольчества достоянием Русской литературы.

Трагедия революции и Гражданской войны прошла через все эмигрантское творчество Шмелева. Писатель возвращался к давно пережитому, осмысливая его вновь, и вносил в свои произведения. Все страдания, выпавшие на долю Шмелева – потеря сына, жены, Родины, – позволили писателю увидеть ложность того пути, которым он шел раньше, приблизили его к Церкви и к пониманию души России, сделали его истинно русским человеком и писателем.

Во многом с судьбой Шмелева была сходна и участь Б. К. Зайцева. В начале своего жизненного пути Зайцев также подвергся влиянию «передовых идей». Студентом восторженно встретил революцию 1905 г. Но уже Первая мировая война вносит существенные изменения в

мировоззрение писателя. В его творчестве появляется мотив покаяния, признание своей вины за случившееся. В декабре 1914 г. Зайцев писал: война – «великое испытание, посланное людям за то, что они много нагрешили [...] Все без исключения ответственны за эту войну. Я тоже ответствен. Мне это тоже напоминание – о несправедной жизни»¹⁵. Новые беды, обрушившиеся на Россию, – революция, голод, террор, лишь укрепляют в писателе чувство смирения и покаяния, но смирения не перед убийцами, а перед Божьей волей. Зайцеву было суждено пережить и личную трагедию: уже в первый день Февральской революции был убит на посту его племянник, офицер Измайловского полка, загородивший дорогу обезумевшей толпе, ворвавшейся во двор казарм. В конце 1919 г. вместе со многими молодыми офицерами по обвинению в контрреволюционном заговоре был расстрелян пасынок Зайцева. Однако все пережитые страдания не смогли озлобить писателя, поколебать его веру в Промысел Божий.

На все, что происходит в России, Зайцев откликается циклом лирических эссе, написанных в 1918–1922 гг.: «Уединение», «Улица св. Николая», «Белый свет», «Душа», в которых пытается раскрыть вечный, вневременной смысл русской трагедии. В тихих словах писателя звучит призыв не к ненависти, но к любви: «усмотрю ли брата в звере?». Но Зайцев ни в коем случае не оправдывает убийц и преступников, захвативших власть в стране. По верному утверждению А. М. Любомудрова, «позиция Зайцева не имеет ничего общего ни с толстовским “непротивлением злу”, ни с фаталистической покорностью “року”, ни с проповедью пассивного, равнодушного к добру и злу существования». «Кротость» писателя – «не мягкая и аморфная [...]: за ней стоит твердость и строгость – в отстаивании Истины, спокойная решимость на всякую скорбь и даже смерть»¹⁶.

В июне 1922 г. Зайцев навсегда покинул Родину. Как и для тысяч других изгнанников, разлука с Россией была для писателя тяжким крестом, но Зайцев всегда оставался верен своей непримиримости к большевистскому режиму и в 1953 г. в «Письме на родину» разъясняет свою позицию так: «Эмиграция, разумеется, драма: отрыв. Но убийство живой души, насилие над ней есть еще нечто бесконечно худшее. Так что не только я не завидую тем из собратьев моих в России, кто живя много шире, богаче меня, вынужден приспособляться, писать по заказу и гнуть спину перед ничтожествами, но искренне сожалею о судьбе их»¹⁷.

Первым крупным произведением Зайцева, написанным в эмиграции, стал роман «Золотой узор». В нем – попытка автора постигнуть причину случившейся трагедии, указать на ее истоки. Писатель рас-

сказывает о судьбе русских интеллигентов, рисует картины их довоенной жизни – праздной, пустой, безответственной; затем – война, революция, изгнание и тот перелом, который свершается в душе у героев. Безусловно, роман имеет автобиографическую основу. В нем явственно звучит мотив покаяния, признания своей вины. Это суд автора над собой, своим поколением, во многом несущим ответственность за случившееся. Пройдя через все испытания и беды, в конце книги главные герои приходят к Церкви. В этом – отражение судьбы самого писателя и многих еще судеб.

Тема вины и покаяния продолжает звучать и в других произведениях Зайцева. Так, в очерке «В пути» он вновь указывает на «утомление, распущенность и маловерие как на верхах, так и в средней интеллигенции» как на одну из причин трагедии: «Тяжело вспоминать. Дорого мы заплатили, но уж, значит, достаточно набрались грехов. Революция – всегда расплата. Прежнюю Россию упрекать нечего: лучше на себя оборотиться. Какие мы были граждане, какие сыны России, Родины?»¹⁸.

Важной ступенью в творческом пути Бориса Зайцева стала книга «Преподобный Сергей Радонежский» (1924) – жизнеописание великого русского святого XIV в. Казалось бы, выбранная автором тема уводит от событий действительности, никак не соприкасается с ними. Однако это не так. Как указывает А. М. Любомудров, «наверное, одной из главных причин обращения к образу Сергия явилась схожесть исторических эпох. Революция многими воспринималась как новое порабощение России; в крови, жертвах, разрухе послеоктябрьских лет виделись последствия нового «ордынского ига»¹⁹. И потому образ преподобного Сергия, благословившего Дмитрия Донского на битву с Ордой, олицетворял собой светлую силу, способную противостоять ужасам войн и революций, и являлся залогом будущего возрождения России. Примечательно, что, по мнению писателя, одержать победу в этой борьбе Божественного и бесовского может именно преподобный Сергей – не князь, и не воин, а «скромный монах», основными свойствами которого являются кротость и смирение. Но именно эти качества, по глубокому убеждению Зайцева, – единственное оружие, которым можно бороться и победить врага духовного. И все же Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву, на пролитие крови, потому что против физического врага нужно бороться еще и мечом: «Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сторону, которую считает правой. Он не *за* войну, но раз она случилась, *за* народ и *за* Россию, православных. Как наставник и утешитель, «Параклет России», он не может оставаться безучаст-

ным»²⁰. Эти слова можно считать ответом писателя на вопрос о сопротивлении злу силой.

Как и Шмелев, Борис Зайцев возвращался к изображению трагедии революции и Гражданской войны на протяжении всего своего творчества. Так, в очерке «Спас на Крови» автор вспоминает всех тех, кто был безвинно замучен, расстрелян в страшные революционные годы. Но через боль и страдания писателя ведет вера в то, «что в новую Россию (а она грядет!), как встарь, придется вновь идти со словами милосердия и человечности». И в этой новой России будут найдены, собраны останки всех жертв и «соединены в одну, воистину, теперь братскую могилу и над ней возведен храм Спаса на Крови»²¹.

Коснулся Зайцев в своем творчестве и крымской трагедии. В 1926 г. он пишет очерк «Светлый путь», посвященный памяти русской поэтессы Аделаиды Герцык и предварявший публикацию ее «Подвальных очерков».

Писатель раскрывает перед нами судьбу талантливой художницы слова и необыкновенно сильной духом женщины, пережившей арест, пребывание в подвальной тюрьме в Крыму, голод, смерть близких – и все же несломленной: в страшные зимние ночи, «дрожа в лихорадке от голода и холода, – эта неугасимая душа слагала свои стихи, пела свои гимны и славилла Бога»²². Зайцев приводит свидетельство очевидца о тех днях в Крыму, которое перекликается с самыми страшными страницами «Солнца мертвых» Шмелева: «По ночам их выводили голых, в зимнюю стужу, далеко за скалу, выдававшуюся в море, и там, ставя над расщелиной, стреляли, затем закидывали камнями всех вперемежку – застреленных и неостреленных. А спасавшихся бегством стреляли где попало, и трупы их валялись зачастую у самых жилищ наших, и под страхом расстрела их нельзя было хоронить»²³. И все же поэтесса, испытывавшая все сполна, явила собой «величайшее утверждение смирения и любви к Богу – в минуты таких испытаний, которые возводят к древнему Иову». «Покойная А. Г. – яркий и прекрасный пример одоления зла добром. Революция прервала ее жизнь. Но она победила революцию, ибо никакие страдания не спалили ее души»²⁴.

Строки Зайцева, посвященные горячо любимой им Родине, русским людям, являющим собой образец кротости и чистоты душевной, были проникнуты характерным для писателя лиризмом. Однако для врагов России, для обличения зла Зайцев находил жесткие, резкие слова, вскрывающие суть творящегося беззакония. Одним из примеров такого бескомпромиссного публицистического выступления может служить отклик на похищение генерала А. П. Кутепова – «Крест»

(1930). Здесь художественное слово писателя открыто разоблачает тех, кто распял на кресте Россию: «На Кресте наша Родина, что говорить: распинают ее, на наших глазах распинают, что ни день, глубже вбивают гвозди. Не снегом занесло, страшная, клубящаяся туча, с дьявольским заданием: в пять лет все «дезинфицировать», все уничтожить, выморить более крепкое крестьянство, извести интеллигенцию, мораль, религию – голого дикаря посадить на престол славы»²⁵. И генерал Кутепов, по мнению писателя, являет собой «знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был»²⁶.

Все созданное Борисом Зайцевым в изгнании написано о России и для России. Писателю дано было постигнуть высший смысл произошедшей на Родине трагедии, и в своем творчестве он открыл этот смысл и для своих читателей.

За годы революции, Гражданской войны, изгнания русским писателям Ивану Шмелеву и Борису Зайцеву довелось испытать полную чашу бед и страданий. Однако в творчестве обоих писателей личная трагедия отступает на второй план. Изображается главным образом трагедия России, ее народа. И все же главное, что несут в себе их произведения, – это неугасимая вера в Божий Промысел, в утверждение Истины и в Возрождение России.

Примечания

¹ Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. М., 1999. С. 445.

² Шмелев И. С. Убийство // Смена. 1991. № 7. С. 25.

³ Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 7 (доп.). С. 402.

⁴ Цит. по: Кутырина Ю. А. Трагедия Шмелева // Слово. 1991. № 2. С. 65.

⁵ Шмелев И. С. Пути небесные: Избр. произв. М., 1991. С. 41.

⁶ Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 7 (доп.). С. 404.

⁷ Шмелев И. С. Пути небесные: Избр. произв. С. 3.

⁸ Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 7 (доп.). С. 394.

⁹ Там же. С. 392.

¹⁰ Там же. С. 392.

¹¹ Там же. С. 393.

¹² Там же. С. 506.

¹³ Там же. С. 512.

¹⁴ Там же. С. 391.

¹⁵ Цит. по: Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Литература и история. СПб., 1992. С. 264.

¹⁶ Там же. С. 265.

¹⁷ Зайцев Б. К. Знак Креста: Роман; Очерки; Публицистика / Сост., вступит. ст. и коммент. А. М. Любомудрова. М., 1999. С. 507.

¹⁸ Цит. по: Михайлов О. Н. Литература русского Зарубежья. М., 1995. С. 276.

Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». С. 267.

Зайцев Б. К. Осенний свет: Повести, рассказы. М., 1990. С. 505.

Зайцев Б. К. Знак Креста. С. 406.

Там же. С. 398.

Там же. С. 396.

Там же. С. 399.

Там же. С. 431.

Там же. С. 433.

Образ русского офицера в произведениях П. Н. Краснова

Русская литература имеет богатые традиции изображения русской армии. Подобное явление, появившееся еще при Ломоносове и Державине, имело свое продолжение вплоть до заката ее «серебряного века» и перешло в литературу Русского Зарубежья. Проблемы русского воинства в своем творчестве затрагивали люди, так или иначе связанные с армией. Но не только желанием описать своеобразный воинский быт, в который погружались авторы в тот или иной период своей жизни, или стремлением развернуть перед взором читателя батальные картины славных побед русского оружия объясняется их интерес к этой теме. Истинной причиной того, что «армейская» тема стала путеводной и главенствующей в творчестве многих писателей, является тот факт, что со времен появления в Российском государстве первых вооруженных формирований для защиты границ от неприятеля и самого государства – от внутреннего врага, именно армия, люди, ее составляющие, занимали очень важное место в иерархии русского общества. Причем в иерархии не только общесоциальной, но и духовной. Представители нижних чинов армии и русского офицерства формировали для русского общества определенный тип характера и определенную норму поведения. И именно этот тип, эта норма позволяли всем иным сословиям равняться на офицерство и формировать некий образ, не столько идеальный, сколько типичный по своим качествам. Неудивительно, что профессиональные и человеческие качества русских офицеров играли не последнюю роль в формировании образа «героя времени» для очень многих поколений русского общества.

Одним из таких писателей, непосредственно связанных с армией, был генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов (1869–1947) – Атаман Всевеликого Войска Донского, один из видных деятелей Белого движения. С ранних лет и до последних дней своей жизни, он, посвятивший себя исполнению своего христианского долга в рядах русского воинства, не понаслышке знал о нелегкой доле воина и прекрасно понимал и ощущал на себе горькие последствия метаморфоз, произошедших с Россией и армией как неотъемлемой ее частью на рубеже XIX–XX вв. П. Н. Краснов – автор большого количества историко-философских романов и путевых заметок о своих путешестви-

ях по восточным районам России и Азии. Особняком в его творчестве стоит тема армии и офицерства. Все его произведения можно выстроить в определенную цепь последовательного описания русского офицерства, что позволяет увидеть и осознать изменения, произошедшие с русским воинством в поистине страшный для России период: от 70–80-х гг. XIX в. («Цареубийцы») до времен революции и Гражданской войны («От двуглавого орла к красному знамени»). Отчетливо видно, что представители высшего слоя русской армии времен Императора Александра II разнятся в своих взглядах на мир и в понимании значения происходивших в стране событий с офицерами, находившимися на службе в армии во время Первой мировой войны. Неизменно в них одно – верность присяге, знамени, воинскому и православному долгу.

В «Цареубийцах» (1935–1938) основная сюжетная линия проходит несколько в стороне от армейской жизни, и образ офицера – не главенствующий. Разворачивание перед взором читателя картин русско-турецкой войны, когда Россия освободила славянские народы Балкан от власти турок-османов, является лишь вспомогательным инструментом, позволяющим читателю лучше проникнуться обстановкой того времени, понять настроения эпохи и ответить на вопрос, почему в тогдашней России стало возможным то, что произошло 1 марта 1881 г. И опять же, люди из офицерского сословия, составляющие цвет нации, являются резонерами, показывают отношение автора к ситуации внутреннего противостояния в обществе, сложившейся в России к концу XIX века...

Истинное лицо человека лучше всего проявляется в критических ситуациях. Для каждого общества подобной ситуацией является война. Война 1877–1878 гг. стала своеобразным срезом, определившим настроения, царившие в российском просвещенном обществе. В этот период времени при возрастающей популярности идей народолюбчества и западничества, большая часть высшего общества говорит о нецелесообразности ведения войны против Турции, за которой стоит просвещенная, демократическая, заманчивая, но, тем не менее, враждебная всему русскому Европа («Да неужели ты думаешь, что мы будем драться за каких-то братушек? Этого только недоставало!..»¹).

Представители же офицерского сословия в подавляющем большинстве остаются верной опорой Государя и Отечества, Великой России, являющейся защитницей Веры Православной в иных, братских странах. Выразителем этой верности на страницах романа является офицер русской армии, участник перехода через Дунай и Балканские горы Порфирий Афиногенович Ишимский. Он – не главный герой произведения,

но в сюжетной линии, связанной с фронтом и армией, именно его образ вызывает симпатию и привлекает внимание автора. Подполковник Ишимский близок писателю не только как добросовестный офицер, но и как православный человек, глубоко преданный своему Отечеству. Вряд ли у этого героя был определенный прототип; скорее всего, этот образ является собирательным, он заключает в себе все основные характеристики тогдашнего офицера. Но стоит оговориться: наличие у этого персонажа всех положительных черт, которые ценил в войне сам П. Н. Краснов, не означает полного единодушия, глубокого православно-патриотического самосознания и верного понимания своего долга у абсолютно всех чинов русской армии того периода, а лишь показывает, что веры, идейности, любви к Родине и Государю у русских офицеров, бывших «умом, честью и совестью» не только армии, но и всей России, у военных, героем которых был Скобелев, а не «революционные офицеры», было еще достаточно для того, чтобы крепко в духовном плане могла стоять на ногах Русская Императорская армия, а значит и вся Российская империя. И если дальше развивать мысль об изображении в произведениях Петра Николаевича повседневной жизни русской армии как средства описания ее изменяющегося внутреннего состояния, то можно сказать, что роман «Цареубийцы», а конкретно – образ П. А. Ишимского есть начальное звено в этой цепи изменений и высшая ступень в нисходящей, к великому сожалению, галерее офицерских образов, передающих очевидную деградацию морального облика русского офицества как сословия.

Это же произведение в сцене дискуссии в самом начале книги открывает продолженную позже в романе «От двуглавого орла к красному знамени» проблему раскола общества еще в одной плоскости – по армейской или штатской принадлежности. Некогда целое и монолитное (а потому и непобедимое) российское общество с очень давнего времени страдало от всяческих расколов. Пример тому – конфликт духовного и светского воспитания или начавшийся с просвещения дворянского класса, а затем с каждым годом все больше и больше нараставший конфликт между интеллигенцией и простым народом (конфликт, во многом явившийся причиной русской трагедии) и другие. Отсутствие же единомыслия в вопросе о необходимости грядущей войны переросло в столкновение военного и гражданского мировоззрений. И тот факт, что мировоззрение офицера Ишимского, основанное на православии, служении Государю и патриотизме, противопоставляется либеральным взглядам так называемой «просвещенной интеллигенции», говорит о том, что армия оставалась едва ли не единственной опорой самой православной сути российской...

Следующее произведение П. Н. Краснова, раскрывающее образ русского офицерства – «Опавшие листья» – на первый взгляд, также имеет довольно слабую соотнесенность между основным сюжетом романа и рассматриваемой проблематикой. Трагедия «дворянского гнезда», распад некогда крепкой дворянской семьи, погибшей из-за исчезновения переходившей из поколения в поколение и свойственной каждой русской семье традиции воспитания, основанной на исконно русских, православных ценностях – вот основная тема романа. Но и здесь Краснов, человек военный до мозга костей, показывает единственно верный и наиболее почитаемый им путь для человека, находящегося на жизненном перепутье, – это путь исполнения своего долга в рядах русской армии: «Россия, вера, царь – вот где правда Божия»².

Утверждение правильности подобного выбора выводится из сравнения судьбы главного героя, офицера Федора Михайловича Кускова, с судьбами членов его семьи: например, увлекшиеся либеральными марксистскими и космополитическими идеями старшие братья главного героя приходят к тому, что один из них «от безысходности» кончает с собой, а другой попадает на каторгу за соучастие в преступлении, организованном народниками. И здесь предпринимается попытка объяснить причину того трагического противостояния, которое присутствовало в России того времени между военными и штатскими людьми, попытка объяснить причину того, что одна часть общества была предана России, а другая – враждебна ей. «И в гимназии, и в корпусе начальство учит нас быть русскими, но в гимназии мы стыдимся России, а в корпусе мы гордимся ею»³, – говорит главный герой. Мысль о предпочтении воинской службы гражданской затрагивается и в главном, конечном по хронологии описываемых событий произведении Краснова «От двуглавого орла к красному знамени». Этот роман, самый обширный по охватываемому периоду истории русской армии, позволяет через душевные переживания, сомнения, искания одного офицера (а после его смерти от рук большевиков – через поступки его дочери и ее друзей) ощутить изменения, произошедшие с Россией с 1890-х по 1920-е гг. В этом произведении автор вновь пытается ответить на вопрос, что стало настоящей причиной революции и почему эта трагедия произошла в России именно в начале XX в. И одним из выводов этих исканий, неопровержимым фактом выглядит суждение о том, что Россия духовная рухнула тогда, когда перестал соответствовать своему духовному значению, повторюсь, последний (кроме Церкви) ее оплот – русское офицерство.

Неизбежно задаешься вопросом, почему именно офицерство игра-

ло и играет столь важную роль в создании истории России. В Российской империи армия была отделена от политической жизни. И большинство нижних чинов, не имевших военного или университетского образования, не поднималось до понимания государственной и политической обстановки в стране. И вот тут-то на первый план выходила та духовная атмосфера, которая царила в офицерской среде, интеллектуальной элите русского войска, ведущей за собой всю армию, всю огромную солдатскую массу. И оттого, куда повернет армия в переломный для страны момент, как будут настроены ее генералы – патриотически или революционно – зависело очень многое. Одним словом, сложно переоценить значение офицерства для армии и армии для всего государства.

Именно в моральном разложении армии автор видит причину страшной трагедии всей России. Чтобы понять, как всего лишь за 30 лет на почве произрастания прозападных идей деградировало все российское общество, достаточно ощутить, как за 30 лет изменилось само офицерство. Мнение автора четко прослеживается в размышлениях главного героя: «...офицеры делятся на целый ряд разновидностей. Есть офицеры гвардии и армии, у каждого рода войск свои типичные особенности, – но все старые офицеры отличались рыцарскою вежливостью, вниманием к дамам. В них не было свободы. Были между ними бурбоны, были нахалы, но хамов не было. От многих из этих новых веяло именно хамством, подчеркнутой свободой от всех предрассудков и условностей»⁴. Разнятся два офицерских поколения и в идейном плане: «Мы... пьянствовали, развратничали, но у нас было свое божество, своя вера, свои идеалы, и от нас веяло нашим высоким девизом: за веру, Царя и Отечество. Мы не могли насмеяться над верой, не могли осудить Царя и не любить Отечество. И мы могли умирать спокойно... Мы изменить не можем»⁵.

Описывая ситуацию в армии, преподнося образы «старого» и «нового» офицерства, П. Н. Краснов остается максимально объективен. И в тяжелых, но светлых по духу сценах фронтовой жизни, и в унылых картинах тыла, где «и должно группироваться все трусливое и малодушное, все жаждущее развлечений во что бы то ни стало и какою бы то ни было ценою»⁶, автор не идеализирует и не очерняет офицерства, в отличие, например, от Александра Ивановича Куприна и его «Поединка».

Как бы ни горько было автору, но он с болью вынужден констатировать факт разрыва двух неотъемлемых и неразделимых слоев – офицерства и солдат. Если до этого критического в русской истории момента офицер был отцом и заступником всех солдат, то в начале

XX в. у все большего количества рядовых солдат появляется новый авторитет и идеал – «ходок в народ», член партии социалистов и им подобных, который внесением сумятицы в умы нижних чинов разворачивает армию в условиях давно происходившего колобродия умов офицерства, пьянства, разврата, бесцельного существования, результатом чего становятся самоубийства офицеров из-за «щемящей, невыносимой скуки, которая приводит... к печальному концу»⁷. Расслоение армии, выгодное врагам России, усугубляется еще и тем, что достигший своего апогея разрыв между интеллигенцией и дворянством, с одной стороны, и народом – с другой (о чем говорилось выше), перекинулся и на армию. Офицеры, по сословной принадлежности, дворяне в условиях сложившейся революционной ситуации становятся недопустимо далеки от солдат, преимущественно выходцев из крестьян. «Это было два мира, – пишет автор. – Офицеры и солдаты. Два мира, живущих вместе, но недоступных один другому»⁸.

Подводя итог, хочется сказать следующее: образ не только офицера, но и всей русской армии занимает, безусловно, центральное место в творчестве П. Н. Краснова. Своими произведениями он пытается выразить мысль о том, что в произошедшей российской трагедии виновата не кучка богоборцев, а весь народ русский, потерявший Бога. И армия, увы, не исключение. Однако в силу целого ряда причин, которые еще предстоит осмыслить не только с историко-политической, но и с духовно-нравственной точки зрения, подобная судьба российской армии – это не только ее вина, но и колоссальная беда...

«У России есть только два союзника: ее Армия и Флот», – говорил Император Александр III. И чины российской армии, ее офицеры, которых, к сожалению, оказалось меньшинство, подобно генералу Саблину, главному герою «От двуглавого орла...», или героям «Белой Свитки» (другого романа Петра Николаевича, в котором рассказывается о жизни антибольшевистских партизанских отрядов), до конца выполнили этот завет Государя, образовав после революции Добровольческую армию. Сконцентрировав под ее стягами все лучшее, что осталось в России, своей Белой борьбой они завещали нам возродить духовно ту Россию, которую мы безвозвратно потеряли... Русская армия, ставшая своеобразной не оправдавшей себя надеждой на сохранение той, «старой» России, все же выполнила свою миссию до конца, выдвинув из своей лучшей части, пусть и далеко не идеальной, образ офицера, несущего в себе суть пусть и не сохраненной, но оставшейся в душах и сердцах русских людей России, России новой. И это является, пожалуй, важнейшим выводом Петра Николаевича Краснова, настоящего офицера и талантливого писателя.

Примечания

¹ Цит. по: *Краснов П. Н.* Цареубийцы (1-е марта 1881 года). Красноярск, 1995. С. 16.

² Цит. по: *Краснов П. Н.* Опавшие листья. Екатеринбург, 1995. С. 221.

³ Там же. С. 240.

⁴ Цит. по: *Краснов П. Н.* От двуглавого орла к красному знамени: Роман в 3-х кн. Кн. 2-я. Ч. IV–VI. Екатеринбург, 1995. С. 91.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Там же. Кн. 1-я. Ч. I–III. Екатеринбург, 1994. С. 178.

⁸ Там же. С. 93.

Революция и Белая идея в философских исканиях И. А. Ильина

Иван Александрович Ильин, выдающийся русский философ, приступил к своим исследованиям в период страшных для России потрясений начала XX в. В 1906 г. он окончил юридический факультет Московского университета. С 1912 г. занимался преподавательской деятельностью, в 1918 г. защитил магистерскую диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и был удостоен сразу двух степеней: магистра и доктора государственных наук. Будучи убежденным противником большевиков, он пережил шесть арестов и, наконец, в 1922 г. был изгнан из России.

В эмиграции он не прекращал научной работы, опубликовал ряд философских трудов, читал лекции, вел интенсивную общественную деятельность. И. А. Ильин был блестящим ученым, публицистом, оратором. Глубину и точность его оценкам и прогнозам придавали его живой ум и великолепная эрудиция, но главное – искренняя и горячая любовь к России. Иван Александрович жил и работал для своего Отечества, все его устремления и искания посвящены ему: «Если мои книги нужны России, Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому». Его любовь к Родине – не горда и не заносчива, каковой была любовь большей части русской интеллигенции, «искренне» навязывавшей России губительные для нее чужие устои. Такая «любовь» только прятала от них истинное положение вещей, и они, привязанные к своим амбициям, легко становились послушными орудиями любой злой воли, направленной на разрушение России.

Любовь к России И. А. Ильина, напротив, смиренна, жертвенна. Он не судил Россию, но стремился узнать и понять ее, постигнуть, что для нее жизнь, а что смерть, в чем состоит высший, духовный смысл ее существования. Именно в осознании смысла бытия России видел он путь к ее возрождению: «Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых национально-русских ответов [...] И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и своем падении, вновь утвердить свой национальный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений, но оно будет осуществлено и достигнуто. [...] На протяжении всей жизни, с тех

пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы, предшествовавшие первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований».

Ильин не мог не видеть, что крушение России имеет духовное, религиозное основание. Год за годом философ наблюдал, как не осознают русские люди своего призвания, как не ценят своей силы и не замечают своей слабости. Именно поэтому он говорил, что в революции виноваты все – каждый по-своему (где тонко – там и рвется). Но источник нанесенного по ослабленному духу России удара Ильин указывает определенно: «Болезнь и ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, – весь единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнилась им как “последним словом передовой культуры”, мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке – многонародно-международная, полурусская интеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая – пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Эта-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем, чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы запада и Востока, считавшие себя “неугрожаемыми”».

Итак, революция воспринималась Ильиным как катастрофа и разрушительное безумие, а революционные идеи – как духовная болезнь. В своих трудах Иван Александрович подробно изучал истоки и причины этой болезни, ее сущность и последствия и сумел отобразить ее духовную, истинную картину.

Зло в мире философ рассматривал в его религиозном аспекте, как дьявольское, богоборческое начало. Зло, по мнению Ильина, может проявляться по-разному, различными путями – через отдельных людей или через организованные группы, но способ его действия всегда одинаков – обман и соблазн, и плоды его сходны. Сам по себе, без Бога в душе, без твердых устоев, человек слаб и неразумен. Его легко убедить в соблазнительности и исключительной важности чего угод-

но. Это похоже на духовное опьянение, когда у человека смещаются в уме и в душе все понятия и он не способен реально оценивать происходящее, но действует из иллюзорной логики, навеянной опьянением. Думая, что он следует своим собственным желаниям и умозаключениям, человек, попавший под духовный соблазн, безропотно служит злу в каком-либо из его проявлений: бесовским идеям внутри себя или организованным партиям и течениям извне. Причем, считая навязанные ему желания и убеждения своими собственными, человек не в состоянии критически их осмыслить. Он, как безумный, действует часто себе во вред и не замечает этого. В конце концов, выполнив то, для чего он был нужен опутавшим его бесам в любом обличье, опустошенный и использованный, сломленный человек отбрасывается ими как нечто уже ненужное или переходит к открытому служению злу.

Таким вот духовным опьянением считает Ильин революцию. Оторванные от традиционных для России Православных устоев, люди гнались за призраками и теряли все то, что имели. Он дает внятное описание этого всеобщего безумия: «Революция была безумием со стороны самых умеренно-революционных и полуреволюционных партий, которые вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями. Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых – охранительных партий, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. [...]

Революция была безумием и для русского крестьянства. [...] Историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914–1917 гг. поставила их непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему – гибель его лучших технических обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; систему взаимного политического сыска, доноительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия со стороны русского промышленно-торгового класса, который финансировал революционеров до тех пор, пока не был уничтожен ими.

Но наибольшим безумием революция была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западно-

европейских государственных форм для России. [...] И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу “стойкости” и “верности”. [...] Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора – нам не указ и не образец».

Вот уж поистине безумие, когда огромная страна практически вся следует за миражом, за бредом, в пустых мечтаниях беснуется и считает себя свободной от совести, а затем, оставленная бесами, сломленная собственным бесчестием и беззаконием, потрясенная делами собственных рук, покорно склоняется перед тоталитарным режимом, лишаящим ее всего, что ей раньше принадлежало. Великий русский народ стал рабским советским народом, придавленный тяжестью собственного греха, ужаснувшись стены, которую он своими руками возвел между собой и Богом. А тоталитарный режим на долгие годы закрыл дорогу к единственному, что могло разрушить эту стену, – к покаянию.

Любящий Россию и русский народ, гордящийся русской культурой, И. А. Ильин искал ответ на вопрос: «Почему именно русскому народу надо переносить такие мучения и унижения?». В этом естественном для всякого русского человека вопросе Ильин видит четыре смысла: национально-исторический вопрос «Почему?», обывательски-политический «Кто виноват?», религиозно-философский «За что нам это послано?» и практически-волевой «Зачем?».

Последний вопрос сам философ считал наиболее важным, ибо от его окончательного разрешения зависит итог русской катастрофы, ответ на вопрос: на чьей же стороне была окончательная духовная победа – на стороне России, или ее врагов. Вот как Ильин отвечал на этот вопрос: «Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться

новое гражданственно-свободное правосознание. Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен “вернуться к себе”, к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем чтобы затем осуществить ее во всем – в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании. Страдания и унижения революции даны нам для того, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас втянули дореволюционные соблазнитель, и чтобы мы восхотели Божьего; чтобы мы очистились, возродились и заткали ткань новой России».

Говорить о возрождении России, о ее будущем, о ее духовном сохранении и обновлении Ильин считал возможным и необходимым, так как, по его мнению, в годы революции и Гражданской войны обновленный русский характер появился и стал духовной реальностью, носителем и хранителем новой России – России во Христе.

Обновленный тип русского человека возник именно в самый страшный момент всеобъемлющего разложения и искушения, а позже закалился в страданиях и лишениях. Были люди, не поддавшиеся на всеобщий соблазн, те, кто нашел в своей душе прочную основу и, опираясь на нее, остался невредим духовно, неуязвим для духовной чумы. Для священнослужителей, принявших мучения и смерть за Христа, такой основой была любовь к Богу. Любовь к России и, через нее, любовь к Богу стала такой основой в душах русских людей, оказавших вооруженное сопротивление большевикам, названное Белым движением.

О своем отношении к Белому движению Ильин много писал Главнокомандующему Русской армией генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю, переписка с которым началась у него в марте 1923 г., через полгода после изгнания философа из советской России. В первом письме Врангелю Ильин высказал некоторые мысли о Добровольческой армии, ее историческом и духовном значении: «В армии, руководимой Вами, мне всего дороже ее живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение, в корне своем, религиозно; этот характер, в строении своем, рыцарственен. История человечества обогатилась новым орденом; Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции не должны быть концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей ее государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности – это гнездо духовного здоровья».

В письме П. Н. Врангелю от 4 октября 1924 г. Ильин писал: «Моя духовная связь с Белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии».

Иван Александрович считал, что Белое движение одержало духовную победу, так как оно выполнило свою главную задачу – спасло и сохранило Россию. Ибо рухнет коммунистический строй, сгинут разные другие идолы и заблуждения, но навсегда останется идея, которая вдохновила на борьбу участников Белого движения. Она не была ими произнесена и обдумана в полной мере во время Гражданской войны, но сердцем каждый чувствовал ее, и именно эта идея объединила самых разных людей для Белой борьбы. Пытаясь осознать и осмыслить Белую идею, Ильин стал главным идеологом Белого движения в Русском Зарубежье.

19 ноября 1923 г. в Берлине на вечере, посвященном шестилетней годовщине основания Добровольческой армии, Ильин выступил с докладом: «Государственный смысл Белой армии». Будучи блестящим оратором, Иван Александрович буквально потряс слушателей впервые высказанным обоснованием духовной победы Белого движения.

В 1925 г. увидел свет философский трактат Ильина «О сопротивлении злу силою» с посвящением «Русской Белой армии и ее вождям». Трактат был задуман Ильиным как основа создания новой русской этики. Он стал встряской, порывом свежего ветра для русской интеллигенции, долгие годы впитывавшей разлагающие толстовские идеи непротивленчества, во многом по вине которых добро в России оказалось вялым, разобщенным и неспособным противостоять активному и направленному злу.

Для белых воинов в изгнании книга стала свидетельством духовности их подвига, того, что с ними Правда и с ними Бог. Впервые было произнесено то, что сердцем чувствовал каждый из них, поднимая оружие против большевиков: каждый человек несет ответственность перед Богом за все происходящее вокруг него. И сила духа не в том, чтобы уйти, спрятаться от мира, но в том, чтобы служить Богу в мире, умножая добро и уничтожая зло: если возможно – праведностью и молитвой, если необходимо – силой оружия.

В своем трактате Ильин ввел понятие духовного компромисса – кажущегося соглашения со злом, временного подчинения его «правилам игры» и действия его методами, если праведный выход из ситуации невозможен. В таком случае только сознание совершаемого греха, покаяние, бескорыстие, жертвенность и преданность Божье-

му делу приведут человека к победе над злом. Не сопротивляться, подчиниться злу – значит проиграть; поразить зло и стать злым – равносильно поражению; победить зло и сохранить чистоту души – значит одержать окончательную победу.

Философский труд Ильина помог увидеть Белое движение как образец высшего служения делу Божьему на земле, причем в беспрецедентных условиях, когда выбор – на чьей стороне оказаться, зависел целиком от человека. Не было уже государства, обязывавшего граждан взять оружие для борьбы с врагами. Были отдельные люди перед лицом Божиим. Среди них нашлись те, кто отсекся от себя и встал на защиту Божьего дела, совершив высший подвиг – свободной волей выбрав служение Богу и делом утвердив свою веру. В этом Ильин и видел содержание Белой идеи – в личном активном ответственном служении Богу, в защите Божьего дела на земле. По его мнению, именно эта идея вдохновляла русских людей на борьбу с большевиками. Никто не заставлял каждого отдельного человека вступать в эту борьбу. Но для каждого белого воина зло оказалось неприемлемым и отвратительным (по самым разным причинам и основаниям), и, что самое главное, все они сочли для себя невозможным жить, спокойно приняв существование этого зла. Каждый из них почувствовал, что это было бы предательством, духовным разрушением и предпочел возможную физическую смерть страшной и непоправимой духовной гибели. Для такого выбора, считал Ильин, нужна была большая духовная сила: «Активная внешняя борьба со злодеями доступна тому, кто взрастил и воспитал в себе силу духовного и, в конечном счете, религиозного характера».

Чистая, бескорыстная идея служения Божьему делу, Белая идея, объединив разных по взглядам, духовному опыту, мировоззрению людей, духовно воспитывала и укрепляла их, породив героическое и жертвенное Белое движение.

Так же любая идея, исходящая от дьявола, каких бы искренних людей не собрала вокруг себя, все равно приведет их лишь к гибели и разрушению, как это произошло с коммунистами и их антихристианской идеей устройства Царствия Божьего на земле.

П. Н. Врангель, благодаря Ильина за присланную ему книгу «О сопротивлении злу силою», писал об удивительной своевременности его труда: «Многие, духовно утомленные тяжкими годами изгнания, теряют веру в нравственную необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности “насилия”, которое они начинают усматривать в активном противодействии злу. Ваша книга откроет им глаза. Нам же, взявшим на себя всю тяжесть ответственности за поднятый меч

во имя высшей Правды, книга Ваша даст новые силы для тяжелого подвига».

В 1926 г. по инициативе генерал-майора А. А. фон Лампе в Берлине вышел первый том периодических документальных сборников под названием «Белое Дело: Летопись Белой борьбы». В качестве введения ко всему изданию в этом томе была опубликована статья И. А. Ильина «Белая идея». Статья наиболее полно и объемно отражает осмысление философом Белой идеи как идеи служения Божьему делу на земле и служения России в духе, во Христе. Ильин писал, что эта идея существует столь же долго, сколько существует сама Россия как некая духовная сущность, и именно она вдохновляла всех «вождей и строителей русского национального и государственного дела, которые не раз на протяжении русской истории становились под это знамя, скликались под него верных сынов Родины и, претворяя чувство в волю и слово в дело, выводили Россию из бед и опасностей». На протяжении многих веков русских людей побуждали стать под эти знамена «любовь к России, которая сильнее нас, и честь России, без которой жизнь на земле теряет для нас цену».

Ильин видел трагедию России в том, что эта идея никогда не была осмыслена и, не будучи произнесенной, предавалась забвению, особенно в годы спокойной жизни, ибо «если бы Россию вела Белая идея, то не было бы вовсе революционного крушения». В Белом движении, по его мнению, эта идея выступила столь ярко и осознанно, как никогда ранее. Белые «уже совершили и победили; они донесли наше знамя до конца и показали, как можно и должно строить Родину, умирая за нее» и тем самым выстрадали и явили всему миру путь следования Белой идее, раскрываемый Ильиным как «девизы белого духа», в которых он видел плод Белой борьбы, ее победу и величие, основу для возрождения России.

Укажем на некоторые из этих девизов. Подчеркивая религиозный смысл Белой идеи, Ильин ставит на первое место девизы «Господь зовет, сатаны убоюсь ли?» и «Моя молитва, как мой меч; мой меч, как молитва», так как Белая идея «направлена против сатанинского начала и несет ему меч, но внутренне она обращается к Богу и возносит к Нему молитву». Другие девизы белого духа: «Умей желать, умей держать, умей терпеть»; «В борьбе закаляюсь, в лишениях крепну»; «Грозная любовь, честная борьба» – открывают, что для белого идеал не мечта, а волевая задача, исполнить которую позволяют дары силы характера: достоинство («быть, а не казаться»), свобода («молиться, жить и умереть в свободе»), дисциплина («силен свободным повиновением»). Победа для белого есть «вопрос правоты перед лицом Бо-

жиим; а молитва, воля и время довершат дело и развеют призрак вражьего успеха. Он следует девизу: в правоте моя победа; и уверенно предвкушает победу в самой своей смерти. Его девиз – свободный в жизни, силен в смерти».

Тщательно исследуя различные грани Белой борьбы, Ильин вывел из них все новые девизы: «Все за Родину, все за Родину»; «Блаженство в верности»; «Подъемлю доброю волею»; «Служу России, отвечаю Богу»; «Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую; побеждаю, но не мщу»; «верность долгу – есть утешение»; «Дорогу честности и таланту»; «Нами правит лучший»; «Творю и соблюдаю» и многие другие. В них философ выразил то, что, по его мнению, «будет вести и строить Россию, и тогда, когда нас не будет в живых [...] Ибо это не дух части, а дух целого. Это дух русского национального всеединства. И дело это есть правое дело. И идея эта есть верная идея».

Впоследствии Белая идея стала духовным основанием многих трудов И. А. Ильина, придавшим цельность и законченность его мировоззрению. Особое место в этом отношении занимает сборник статей «Наши задачи». С 1948 по 1952 г. философ распространял среди единомышленников отдельные статьи «на злобу дня» под таким общим заголовком. Затем они были собраны в два тома и составили единое произведение, хотя первоначально не были в качестве такового задуманы. Ряд статей сборника – «Тоталитарное разложение души», «Национальный вождь и партийные главари», «Что такое РОВС», «России необходима свобода», «О русской идее», «О возрождении России», «О чувстве ответственности» и другие – прямо продолжают и раскрывают вышеупомянутые духовные девизы.

В настоящее время труды И. А. Ильина помогают многим русским людям духовно «вернуться на Родину» и стать на путь ответственного служения Богу и России.

Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России

І. Кадры и численность Вооруженных сил КОНР весной 1945 г.

Во время Второй мировой войны в германском плену оказались 235 473 британских и американских военнослужащих. Из находившихся в плену подданных Британской империи в Британский добровольческий корпус СС вступило от 30 до 60 человек, представлявших собой, по выражению английского исследователя, «опустившихся алкоголиков». Принципиально иначе выглядела ситуация с формированиями из советских граждан. Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России (далее ВС КОНР) под юридическим командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова, по нашим подсчетам, состояли на 90–92 % из граждан Советского Союза, из которых не менее 65 % до момента вступления на службу в германские Вооруженные силы или власовскую армию обладали статусом военнопленных. Общая численность ВС КОНР к 20–22 апреля 1945 г. достигла 124 тыс. человек, что, однако, составляло всего 10–13 % от общей численности советских граждан, участвовавших в 1941–1945 гг. в боевых действиях на стороне Германии. Тем не менее в силу собственного качественного статуса вооруженные формирования КОНР занимают совершенно особое место в истории восточных добровольческих частей. Недолгая история власовских соединений, развертывавшихся на рубеже 1944–1945 гг., представляла собой попытку создания общевоинской армии. В ВС КОНР весной 1945 г. ясно просматривались черты оперативного объединения, состоявшего из разных соединений, отдельных частей самостоятельных родов войск и т. п.

Власовская армия стала реальностью в кратчайший срок (6–7 месяцев) в критических условиях неотвратимого военно-политического крушения государства, на чьих материальных ресурсах она базировалась. Примерно половина ее состава была сформирована с нулевого уровня. По самым приблизительным подсчетам в апреле 1945 г. на вооружении соединений, состоявших под командованием А. А. Власова, находилось 44 самолета, около 25 танков и бронемашин, около 600 минометов (50-мм и 82-мм), более 230 орудий (от 37-мм до 155-мм), более 2,1 тыс. ручных и станковых пулеметов, несколько десятков огнеметов. В номенклатуре власовских офицеров из числа комначс-

става Красной Армии находились: 1 заместитель командующего фронтом и командующего армией, 2 командира корпусов, 7 командиров стрелковых дивизий, 1 заместитель начальника штаба фронта и 1 начальник штаба армии, 2 командующих родами войск армейского уровня и др. – всего около 35 военнослужащих Вооруженных Сил СССР, относившихся к категории высшего командного звена. Среди них: генерал-лейтенант А. А. Власов, генерал-майоры И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, В. Ф. Малышкин, Ф. И. Трухин, М. М. Шаповалов, комбриги М. В. Богданов и А. Н. Севастьянов, полковники А. П. Ананьин, Г. И. Антонов, В. Г. Арцезо, В. Г. Баерский, С. К. Буянченко, А. Ф. Ванюшин, К. С. Власов, А. Н. Высоцкий, В. А. Гаврилов, С. Н. Голиков, И. Д. Денисов, Г. А. Зверев, А. А. Зубакин, В. Г. Киселев, С. Т. Койда, И. А. Макаров, В. И. Мальцев, М. А. Меандров, А. Г. Нерянин, А. С. Перхуров, А. И. Таванцев, А. А. Трошин, А. А. Фунтиков, Ф. Е. Черный, Н. С. Шатов, капитан I ранга П. А. Евдокимов, бригадный комиссар Г. Н. Жиленков и др.

С другой стороны, необходимо признать, что власовская армия не сложилась, безусловно, в полной мере и не осуществила возможного внутреннего реформирования. Но история ВС КОНР, на наш взгляд, демонстрирует всю серьезность намерений ее командования в области военного строительства. Подразделения власовцев продемонстрировали хорошие боевые качества при оперативном использовании на протяжении последних четырех военных месяцев 1945 г., как в боевых действиях против Красной Армии на Одере, так и против Вермахта во время Пражской операции. Командование ВС КОНР располагало значительными людскими ресурсами, которые не были использованы по независящим от власовцев обстоятельствам. В целом Военное управление КОНР претендовало зимой 1944–1945 гг. на контроль примерно над 930 тыс. советских военнопленных и 1 млн 175 тыс. совершеннолетних мужчин из числа граждан СССР, оказавшихся по разным причинам на территории Рейха (остарбайтеры, беженцы и т. д.). С учетом анализа свидетельств и материалов о популярности политической программы КОНР, мы предполагаем, что власовское командование смогло бы, безусловно, располагать не менее 8–10 % от общей численности указанных контингентов граждан Советского Союза. Это бы дало штабу генерала Трухина, с учетом отсева по разным показаниям, около 200 тыс. бойцов. Кроме того, при наличии некоторого запаса времени не менее 200 тыс. обстрелянных фронтовиков пополнили бы собой власовскую армию из состава восточных добровольческих частей (минимум 500 тыс. человек) Вермахта и Ваффен СС.

Таким образом, минимальные мобилизационные ресурсы ВС КОНР составляли 370–400 тыс. человек, из которых большинство имело опыт военной службы. Кроме того, половина из них уже участвовала в боевых действиях против войск стран антигитлеровской коалиции. При штатной численности и укомплектованности стандартной владовской дивизии в 11 865 военнослужащих, имевшихся ресурсов оказалось бы вполне достаточно, чтобы укомплектовать 30 линейных дивизий. В действительности генералы Власов и Трухин успели потребовать для формирования армии не более 30–35 % возможных ресурсов.

*Категории владовцев, находившихся в составе ВС КОНР
к 20–22 апреля 1945 г.
(для каждой категории % указан от общей численности армии)*

I	Казачков (войсковых и приписных)	53 тыс. чел. (43 %)
II	В составе невооруженного резерва	16 тыс. чел. (13 %)
III	Полностью боеспособных по штатному вооружению и снабжению	85 тыс. чел. (68 %)
IV	Боеспособных частично, ввиду неполного штатного вооружения и снабжения	23 тыс. чел. (19 %)
V	Имевших практический фронтальной опыт	ок. 80 тыс. чел. (65 %)

II. Ресурсы и значение белой военной эмиграции

В качестве совершенно специфического источника пополнения и комплектования владовской армии следует рассматривать кадры белой военной эмиграции: сохранявших организационное единство участников Белого движения, воспитанников Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), молодежных национально-патриотических организаций Русского Зарубежья (Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР) полковника П. Н. Богдановича, Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков (НОРС-Р) Гвардии полковника О. И. Пантюхова, Национальной Организации Витязей (НОВ) поручика Н. Ф. Федорова, сокольских обществ) и др. В этом смысле количественные и качественные характеристики ресурсов непримиримой эмиграции заслуживают самого пристального внимания. В начале 30-х гг. по данным центрального штаба РОВС в Союзе находи-

лись на регистрации около 40 тыс. чинов, при этом указывалось, что в случае активных боевых действий это число могло быть увеличено в 2–3 раза, т. е. в среднем до 100 тыс. человек. К 1937 г. структурно РОВС состоял из 13 отделов и подотделов, объединяя около 30 тыс. действительных чинов.

Убыль в эмиграции происходила естественным образом, но так же происходила подготовка кадрового резерва из числа нового поколения. В Королевстве СХС (Югославии) при непосредственном участии Его Королевского Величества Александра I (Карагеоргиевича) с 1920 г. действовали: Русский кадетский корпус под руководством генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича (1920–1936) и генерал-майора А. Г. Попова (1936–1945), Крымский кадетский корпус под руководством генерал-лейтенанта В. В. Римского-Корсакова (1920–1924) и генерал-лейтенанта М. Н. Промптова (1924–1929), а также Донской Императора Александра III под руководством генерал-майора Е. В. Перрета (1920–1933). 1 сентября 1929 г. первые два корпуса оказались сведены в один, а в августе 1933 г. из двух оставшихся корпусов – I Русского и II Донского – был образован один: I Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, просуществовавший вплоть до эвакуации из Белграда в Судетскую область в сентябре 1944 г. Корпуса давали воспитанникам не только классическое среднее образование, но и особым образом воспитывали, формируя в немалой степени мировоззрение. К 1940 г. русские корпуса в Югославии выпустили более 2 тыс. кадетов. Многие из них заслужили производство в чины Королевской армии Югославии. Только из Русского (Княжекостантиновского) корпуса за 1924–1940 гг. в офицерские чины Королевской армии по различным родам войск были произведены 107 кадетов, еще больше кадетов к апрелю 1941 г. состояли в чинах наредников (сержантов).

При РОВС функционировали военно-училищные курсы, осуществлявшие подготовку молодых людей в возрасте 18–30 лет на должности командиров отделений и взводов. Преподавали на курсах кадровые офицеры Русской Императорской армии (в том числе офицеры Генерального штаба), многие из которых имели полевой боевой опыт от 4 до 7 лет. Учебный процесс занимал в среднем 2–3 года и опирался на курс военных училищ Императорской России мирного времени. Общее число прошедших через систему военно-училищных курсов при РОВС статистическому учету не поддается. Некоторое представление о положении вещей может дать уже один тот факт, что на рубеже 20–30-х гг. на 52 курсах обучалось более 550 слушателей. Большую известность по военно-патриотическому воспитанию подростков и

юношества получила Русская Стрелковая генерала Врангеля дружина в Брюсселе, возникшая 27 апреля 1930 г. при V отделе РОВС и работавшая под руководством Георгиевского кавалера и участника I Кубанского похода полковника А. Н. Левашева. К 22 мая 1938 г. дружина произвела 8 выпусков и подготовила не менее 300 юношей на должности командиров отделений и взводов. При дружине действовали военно-училищные курсы, курсы для подготовки унтер-офицеров, отряд подростков-разведчиков по типу отрядов НОРР, рота егерей.

27 марта 1927 г. в Париже в зале Галлиполийского Союза лекцией одного из блестящих русских военных теоретиков, профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина открылись Зарубежные Высшие военно-научные курсы систематического изучения военного дела. Организации курсов способствовал Великий князь Николай Николаевич (Младший). Целью курсов являлась подготовка и переподготовка русских офицеров по программам Генерального штаба в связи с менявшейся доктриной европейских армий. На курсах преподавали видные русские теоретики и академические специалисты: экстраординарный профессор по тактике Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба генерал-майор Б. В. Геруа, Генерального штаба полковник А. А. Зайцов и др. Преподавание и репетиции находились на очень высоком уровне, что объяснялось тщательным отбором лекторов и слушателей. К осени 1939 г. через парижские курсы Н. Н. Головина прошли более 400 офицеров, 82 из которых получили законченное высшее военное образование и соответствующую квалификацию. Белградский филиал произвел до 1944 г. 6 выпусков: через курсы прошли около 200 офицеров, в том числе получили квалификацию — 77.

По нашим подсчетам, к лету 1941 г. не менее 100 русских офицеров в эмиграции, благодаря знаниям и опыту, соответствовали должностям командиров и начальников штабов дивизионного и корпусного звена. Среди них: В. В. Бальцар, С. К. Бородин, Ф. Э. Бредов, В. К. Витковский, Б. С. Гескет, Н. Н. Головин, Б. В. Гонтарев, А. А. Зайцов, В. Э. Зборовский, М. М. Зинкевич, Е. Л. Ивановский, Б. М. Иордан, Е. В. Кравченко, В. В. Крейтер, Б. А. Мержанов, Е. Э. Месснер, Н. А. Петровский, Н. В. Попов, С. Н. Ряснянский, М. Ф. Скородумов, В. Н. Ставрович, Б. А. Штейфон и др. Средний возраст перечисленных офицеров к началу войны между Германией и СССР составлял 55 лет. Анализ послужных карт ряда командиров кадровых дивизий РККА мирного времени (до 22.6.41.) и послужных списков чинов воинских организаций Зарубежья, чьи опыт и знания допускали пребы-

вание на аналогичных должностях, позволяет сделать любопытные выводы. В ряде случаев русские офицеры обладали несравненно большими опытом, знаниями и тактической подготовкой, чем отдельные командиры стрелковых дивизий РККА, не говоря уже о воспитании, эрудиции, кругозоре и общем уровне культуры. Поэтому вряд ли стоит говорить об оперативно-тактическом превосходстве всех командиров стрелковых дивизий РККА к 1941 г. над офицерами Русского Зарубежья за счет якобы «более совершенных и современных военных знаний». Во многих случаях указанное «превосходство» заключалось лишь в возрасте, и оно нам представляется весьма относительным. Целый ряд командиров различных соединений Вермахта и Ваффен СС (Г. К. Винклер, Э. К. фон Геизо, К. А. Гильперт, Ф. В. Гольвитцер, К. Р. Закс, В. О. Занне, А. Г. фон Зикст, К. М. Пфедфер, К. П. Пфедфер-Вильденбрух, О. П. Рейнхольдт и др.), чей возраст соответствовал возрасту наиболее подготовленных офицеров Русского Зарубежья, должным образом участвовали во Второй мировой войне, в том числе и на Восточном фронте.

О сопоставлении командиров взводного, ротного и батальонного уровней говорить не приходится. По нашему мнению, к 1941 г. в большинстве своем командиры отделений, взводов, рот и батальонов Красной Армии по многим показателям уступали молодым воспитанникам РОВС и прочих воинских организаций, не говоря уже о кадровых офицерах, имевших полевой опыт Первой мировой и Гражданской войн. Подтверждением этому служат примеры успешных боевых действий чинов Русского Охранного Корпуса в Югославии в октябре 1944 г. против регулярных частей 65-й и 57-й армий 3-го Украинского фронта. При сравнении профессиональных качеств чинов воинских организаций Русского Зарубежья и комначсостава РККА еще большее значение, чем опыт и образование, приобретала оценка морального состояния. И. Л. Солоневич в одной из своих статей совершенно справедливо заметил: «Красная Армия по технике стоит неизмеримо выше довоенной русской армии. Красная Армия так же неизмеримо ниже старой русской армии по духу». Еще более глубоко коснулся проблемы морального состояния известный военный историк А. А. Керсновский, размышляя над ней на страницах «Часового» за две недели до начала новой европейской войны: «В минуту смертельной опасности мозги и бицепсы подчиняются... лишь инстинкту самосохранения... Нужно, чтобы “мозги и бицепсы” были обузданы чем-то более сильным. И это более сильное – дух. А кто говорит “дух” – тот говорит “традиция”. Традиция – это исток духа и его аккумулятор». Красная Армия к 1941 г. была измотана не только бесконечными чистками

30-х гг. В ее полках и дивизиях отсутствовали ветеранские традиции, корпоративная спайка и внутренняя красота кадровых подразделений.

Белая военная эмиграция, остававшаяся в своей массе непримиримой по отношению к режиму на родине, представляла бесценный командно-кадровый резерв. При стихийном антисталинском протесте в случае серьезной войны указанный резерв мог бы послужить основой для развертывания полномасштабной армии и эскалации нового вооруженного периода Гражданской войны. По самым осторожным подсчетам к моменту нападения Германии на Советский Союз, эмиграция могла мобилизовать в кратчайшие сроки не менее 20 тыс. офицеров и добровольцев. Ими было бы возможно укомплектовать командно-начальствующие должности 4–5 пехотных корпусов антисталинской армии, на формирование которой в массовом порядке могли поступать десятки тысяч военнопленных бойцов. При подобном развитии событий офицеры-белогвардейцы и воспитанники юношеских национальных организаций послужили бы, по замечанию А. А. Керсновского, «той закваской», которая бы превратила «безличное сборище 70–80 молодых людей друг друга не знающих и друг другу не доверяющих... в один монолит».

III. Непримируемая эмиграция и Вторая мировая война

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. пробудило надежды у непримиримой эмиграции на возобновление вооруженной борьбы. Развертывание крупных общевойсковых соединений на основе командных кадров русских воинских организаций и добровольцев из военнопленных казалось неизбежным. Представлялось естественным, чтобы любое государство, враждебное СССР, максимально использовало и потенциал Русского Зарубежья, и соответствующие настроения значительной части «подсоветских» людей, готовых протестовать самым радикальным образом против сталинской террористической политики на протяжении предыдущих 10–15 лет. Подобные расчеты нельзя считать утопичными, так как они задолго до 22 июня 1941 г. подтвердились на практике. Попытка эмиграции привлечь на свою сторону военнопленных РККА в ходе скоротечной советско-финляндской войны 1939–1940 гг. оказалась вполне успешной. 2 апреля 1940 г. Председатель РОВС Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский известил письмом начальника I отдела генерал-лейтенанта В. К. Витковского об итогах формирования пяти боевых отрядов из советских военнопленных при участии чинов Союза. Общее руководство акцией осуществляли бывший технический

секретарь Политбюро ЦК ВКП(б) Б. Г. Бажанов, бежавший из СССР в 1928 г., и начальник Финляндского подотдела РОВС капитан Шульгин. По мнению Архангельского, общие уроки и выводы предоставляли РОВС право «смотреть более или менее оптимистично на возможность... успеха» при повторении аналогичных событий. Политическая разведка СД подтвердила успех начинания: за короткий срок белогвардейцы из лагерей военнопленных отобрали около 200 красноармейцев, но в бой успели ввести лишь 1 взвод в начале марта 1940 г. В первом же бою на его стороне оказалось около 200 перебежчиков. Есть сведения и о боестолкновении, в ходе которого один из русских антисоветских отрядов пленил 30 красноармейцев.

Первая попытка создания добровольческих частей из советских граждан в ходе Второй мировой войны принадлежала РОВС. Она могла оказаться еще более успешной при наличии соответствующих ресурсов, а также благоприятных временных и политических обстоятельствах. Любопытно, что Разведывательное управление Генерального штаба (РУ ГШ) РККА в предвоенные месяцы уделяло особое внимание пунктам расположения боевых формирований белой эмиграции, центрам военного обучения, их численности и организации. В комплексе мероприятий, сопровождавших стратегическое развертывание Красной Армии на границе с Германией с осени 1940 г., РУ ГШ РККА неоднократно требовало от своих агентурных источников за рубежом сведений о потенциальных возможностях белой эмиграции – тем самым советская разведка допускала ее активное участие в неизбежном военном столкновении между Германией и СССР и усатривала в этом определенную опасность.

Однако основной противник Советского Союза категорически исключал подобное развитие событий. Наиболее недвусмысленно об этом свидетельствует запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ от 3 марта 1941 г., характеризовавшая основы будущего оккупационного режима: «Бывшая буржуазно-аристократическая интеллигенция, если она еще и есть, в первую очередь среди эмигрантов, также не должна допускаться к власти. Она... враждебна по отношению к немецкой нации... Мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая в конечном счете (о чем свидетельствует история) будет вновь противостоять Германии».

21 мая 1941 г. председатель Объединения Русских Воинских Союзов¹ и бывший начальник II отдела РОВС Генерального штаба генерал-майор А. А. фон Лампе обратился к Главнокомандующему Вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу с конфиденциальным письмом. В

письме один из руководителей белой военной эмиграции за месяц до нападения Германии на СССР убедительно заявил о неизбежности военного столкновения между Германией и Советским Союзом. Автор высказал твердую уверенность, что Вермахт «будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею... властью совнаркома» и выразил надежду на союз между Германией и национальной Россией, «который обеспечит мир Европе и процветание». В заключение А. А. фон Лампе сообщил о передаче ОРВС в распоряжение Германского Верховного Командования и просил допустить в перспективе чинов ОРВС на Восточный фронт. Процитированное выше письмо стоит рассматривать в контексте практически полной неосведомленности белой эмиграции о политических целях рейха. Еще 10 мая был закрыт журнал «Часовой». В разгар лета 1941 г. начальник Управления по делам русской эмиграции в Германии генерал-майор В. В. Бискупский обратился по собственной инициативе в Министерство пропаганды рейха с ходатайством о возобновлении издания. Ответ был внятным и лаконичным: «Журнал может быть разрешен только при условии безоговорочного принятия его редакцией национал-социалистического воззрения на освободительную роль Германии в восточных землях». Ознакомившись с позицией бюрократов Геббельса, редактор «Часового» капитан В. В. Орехов счел за благо уклониться от подобной перспективы.

Настроение, с которым чинов РОВС восприняли известие о начале войны между Германией и Советским Союзом, выразил начальник группы РОВС в Ницце Генерального штаба генерал-лейтенант М. А. Свечин в письме от 23 июня 1941 г. В. К. Витковскому. Подчеркивая близость офицерам РОВС развернувшихся событий, Свечин отдавал себе отчет в том, что России за освобождение от Советской власти придется принести жертву и уповал на то, что по милости Божьей «она не будет великой». Официальная позиция РОВС была сформулирована 29 июня 1941 г. в письме Председателя Союза, которое рассылалось из Брюсселя всем подразделениям, отделам и воинским объединениям. Архангельский ставил главным условием участия эмиграции в борьбе с советской властью создание русского национального центра и правительства. Далее он перечислял варианты пребывания эмигрантов на Восточном фронте, указывая на возможность их использования в качестве строевых чинов в регулярных войсках, при занятии тыловых и хозяйственных должностей, командиров подразделений по борьбе с возможной повстанческой деятельностью в оккупированных областях, организаторов инженерных работ по восстановлению взорванной и поврежденной местной инфраструктуры,

санитарно-медицинского персонала. Рассматривая кадры эмиграции как основу будущей Освободительной армии, Архангельский предлагал сохранять существовавшие воинские объединения (полковые, общественные и т. п.) для поддержания ветеранских традиций и воспитания будущего пополнения в традиционном духе.

Письмо Архангельского должно было определенным образом ориентировать начальников групп и подразделений РОВС, но события развивались совсем не так, как хотелось бы руководителям этой крупной воинской организации Русского Зарубежья. В ночь на 22 июня 1941 г. Гестапо были арестованы ответственные чины РОВС — начальник группы РОВС в Бельфоре подполковник Н. И. Мишутушкин, капитаны Лосиевский и Коротун, пробывшие под арестом несколько суток. В Париже под гестаповский арест угодил начальник канцелярии I отдела РОВС полковник С. А. Мацылев. И хотя арестованных в скором времени освободили, определенное впечатление столь выразительная акция оккупационных властей на чинов РОВС произвела. Все же В. К. Витковский заявил оккупационным властям о стремлении чинов I отдела присоединиться к борьбе с большевиками, а также о готовности «принять посильное участие в восстановлении Российского государства», которое оккупанты воссоздавать ни коим образом не собирались. Только во Франции для отправки на Восточный фронт зарегистрировалось 1,5 тыс. русских офицеров.

Интересно, что Архангельский не рассматривал собственную организацию в качестве основного фактора крушения советского режима на родине. Таковым он считал факт «получения русским народом оружия в собственные руки». Некоторые события на фронте в 1941 г. подтвердили небезосновательность высказанного им замечания. Но РОВС не получил никакой возможности использовать свой боевой потенциал. В августе 1941 г. А. А. фон Лампе получил официальный ответ от Браухича, уведоившего генерала о невозможности привлечь чинов ОРВС в состав Вермахта. 17 августа 1941 г. Лампе издал циркуляр № 46 по ОРВС, которым предоставил чинам, состоящим в ОРВС, «право в дальнейшем осуществлять свое стремление послужить делу освобождения Родины путем использования каждым в индивидуальном порядке предоставляющиеся для сего возможности...». Чины ОРВС и входивших в него воинских объединений должны были по убытии на Восточный фронт поддерживать связь со своим руководством, информируя его о развитии ситуации. Аналогичные распоряжения отдавались по РОВС. Тем самым представители белой военной эмиграции в Западной Европе оказались вынуждены отказаться от какой-либо организационной деятельности, положившись на личную инициативу своих подчиненных.

Отказывая белой эмиграции в праве широко участвовать в развернувшихся событиях, нацисты откровенно опасались ее контактов с «подсоветскими» людьми на оккупированных территориях и в лагерях военнопленных. Подобное взаимодействие, по мнению референтов А. Розенберга, могло бы привести к всплеску национально-патриотических настроений, грозивших оккупационной администрации непредсказуемыми осложнениями. Тем не менее целому ряду русских офицеров и белоэмигрантов, использовавших взаимную неприязнь различных структур и ведомств рейха, в 1941–1943 гг. удалось попасть на Восточный фронт и на оккупированные территории. Здесь они принимали деятельное участие в формировании специальных и восточных добровольческих частей Вермахта. Среди известных автору упомянем: генерал-майора Вермахта² Б. А. Смысловского (русские учебно-разведывательные батальоны Абвера, 1941–1942 гг.), ротмистра Заустинского (русская штурмовая группа «Белый крест» при 18-м полку 6-й пехотной дивизии Вермахта, 1941 г.), полковника А. Н. Пуговочникова (102-й (600-й) казачий батальон, 1941–1943 гг.), полковника А. Д. Архипова (рота по борьбе с партизанами, 1941–1942 гг.), полковника Вермахта Т. К. Хоруженко (казачий десантный отряд при Абвергруппе-202, 1942–1943 гг.), Георгиевского кавалера и майора Вермахта И. К. Соломоновского и подполковника Вермахта Н. Г. Яненко (Восточный запасной полк «Центр», 1942–1943 гг.), полковника К. Г. Кромиади и хорунжего С. Н. Иванова (Абверкоманда-203 (РННА), 1942 г.), майора ВВС КОНР М. В. Тарновского (I восточная авиационная эскадрилья Люфтваффе, 1943–1944 гг.), капитана А. Н. Подраненцева (отдельная сотня по борьбе с партизанами при XXIII армейском корпусе, 1941–1942 гг.), поручика С. И. Афанасьева (Восточные войска Вермахта, 1942–1944 гг.) и др. Большая группа бывших чинов Русской армии, служивших в Восточных войсках Вермахта, присутствовала 13 апреля 1943 г. в 25-ю годовщину гибели генерала Л. Г. Корнилова в Греческой церкви Симферополя, где при большом стечении прихожан была отслужена общественная панихида по командующему Добровольческой армией.

На Балканах из русских белоэмигрантов были сформированы крупные воинские подразделения, сыгравшие исключительно важную роль в боевых действиях на территории бывшей Югославии. 12 сентября 1941 г. в Белграде по инициативе героя Первой мировой войны генерал-майора М. Ф. Скородумова началось формирование соединения, известного как Русский Корпус. Со 2 октября 1941 г. по 30 апреля 1945 г. Корпусом официально командовал бывший суровый комендант Галлиполийского лагеря генерал-майор Б. А. Штейфон, про-

изведенный в 1943 г. в чин генерал-лейтенанта Вермахта. Всего в 1941–1945 гг. в составе корпуса было сформировано 5 полных полков, через которые прошло 17 090 чинов. Убыль за время боев составила 11 506 чинов, в том числе 3 429 пришлось на безвозвратные потери. Основные возрастные группы составляли люди в возрасте от 17 до 30 лет (5 436 человек) и от 40 до 60 лет (5 326 человек). Большая часть корпусников прибыла на службу из Румынии (русское национальное меньшинство Бессарабии), Сербии и Болгарии. В Корпусе на протяжении его истории служили 314 бывших военнослужащих Красной Армии, сведенных в две особых роты, 44 (!) русских генерала – участника Белого движения, в том числе 3 генерал-лейтенанта и 15 генералов, причисленных к Генеральному штабу. В рядах Корпуса состоялось вручение двух последних в истории Русской армии Георгиевских крестов III и IV ст. – доктору Н. А. Голубеву за храбрость при спасении раненых в бою 28 ноября 1941 г. (III ст.) и 17-летнему юнкеру С. В. Шаубу за храбрость, проявленную в первом бою юнкерской роты 8 декабря 1941 г.

В 1941–1944 гг. подразделения корпуса несли охранно-караульную службу в Сербии и Хорватии, вели тяжелые и кровопролитные бои с партизанами НОАЮ, оставшись непобежденными противником. С сентября–октября 1944 г. полки и батальоны корпуса в составе группы армий «Ф» генерал-фельдмаршала М. Вейкса участвовали в боевых действиях против регулярных частей 65-й и 57-й советских армий, при этом корпусники неоднократно захватывали пленных и трофеи. Во время операций в Югославии чины корпуса неоднократно спасали мирных сербских беженцев от геноцида со стороны усташей, вступая даже в перестрелки с хорватами. Так, например, чины 1-го полка генерал-майора В. Э. Зборовского в конце апреля 1942 г., занимая позицию на берегу реки Дрина у местечка Логовица, открыли огонь по усташам, готовившимся уничтожить сербов, бежавших из Боснии. Обстреляв хорватов, корпусники перевезли на сербский берег Дрины более 2,5 тыс. человек, а также их домашний скарб и скот. Летом 1942 г. корпусники спасли около 1 тыс. беженцев, в том числе несколько сот сербских детей и т. д. По оценкам командования Вермахта, четников и разных югославских источников, Русский Корпус представлял собой исключительно качественное и боеспособное формирование.

В период с ноября 1943 г. до лета 1944 г. в Зоннеберге (к югу от Эрфурта), а затем в Любляне (Словения) были сформированы три батальона особого полка СС «Варяг», которым командовал М. А. Семенов – офицер Русской армии П. Н. Врангеля, дослужившийся в 1943–

1945 г. до чина оберста (полковника) Вермахта. На комплектование полка, сражавшегося преимущественно в Словении против партизан И. Б. Тито, были обращены добровольцы из местной русской диаспоры и лагерей советских военнопленных. За время операций полк показал вполне удовлетворительные боевые качества и представлял известную ценность. В 1943–1945 г. белоэмигранты служили на Балканах и в казачьих частях (1-я дивизия, затем – XV кавалерийский корпус) генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица. Среди них: полковник Берзлев, подполковники Некрасов и Пахомов, майоры Г. Н. Дружакин, В. Островский, Сокол, Чепига, ротмистры Карский и Письменский, лейтенант Б. К. Ганусовский и др.

Немаловажную роль играли офицеры-эмигранты и в Казачьем Стане, выведенном с территории СССР и Польши, а затем размещенном осенью 1944 г. в Северной Италии. Строевая часть Стана подверглась многочисленным реорганизациям и весной 1945 г. была переформирована в Отдельный казачий корпус генерал-майора Т. И. Доманова, насчитывавший к 20 апреля 1945 г. 18 401 чин. Из 1 652 офицеров 290 (18 %) относились к категории белоэмигрантов. Более 70 % казачьих офицеров-белоэмигрантов служили по строевой части и многие из них занимали ответственные должности (генерал-майоры Л. В. Васильев, В. С. Есаулов, Е. С. Тихоцкий, полковники А. М. Голубов, И. А. Морозов и др.). Группа казачьих генералов (Н. В. Голубинцев, В. Г. Науменко, Г. В. Татаркин, Б. И. Полозов и др.) сыграла важную роль в создании 23 марта 1945 г. Совета Казачьих Войск (СКВ) – органа управления казачьими частями при Главнокомандующем ВС КОНР. Совет под председательством Полевого Атамана Войска Донского генерал-лейтенанта Г. В. Татаркина не успел начать никакой конструктивной деятельности, но преуспел в качестве видимой и формальной оппозиции прогерманскому Главному Управлению Казачьих Войск генерала от кавалерии П. Н. Краснова. Это способствовало вхождению в состав ВС КОНР двух полноценных казачьих корпусов. Около 20 русских белых (Н. И. Сахновский и др.) из Льежа и Брюсселя оказались среди 600 добровольцев 373-го пехотного добровольческого батальона (легион рексистов «Валлония» Л. Дегрелля), приданного осенью 1941 г. 100-й егерской пехотной дивизии Вермахта, и впоследствии отличились в боях. Многие белоэмигранты по собственной инициативе, а также по заданию своих политических организаций служили в подразделениях Абвера или политической разведки СД (Н. П. Афонский, В. А. Бондаровский, И. И. Виноградов, В. А. Власов (Вандерер), А. Э. Вюрглер, К. А. Евреинов, Г. П. Ламсдорф, В. А. Ларионов, В. А. Ресслер, Н. К. Самбор, И. К. Сахаров, К. А. Фосс,

И. Л. Юнг и др.), местной криминальной полиции на оккупированных территориях (С. К. Бердяев) и т. д.

Будет нелишним упомянуть, что на оккупированных территориях легализовались и приняли активное участие в стихийном антисталинском протесте в разном качестве многие офицеры-белогвардейцы, по каким-либо причинам не попавшие в эмиграцию и проживавшие к 22 июня 1941 г. на территории СССР. Сегодня мы можем назвать в их числе генерал-майора Р. Бангерского (Бангерсиса) (Рига), Генерального штаба полковника В. Г. Попова (Новочеркасск), полковников В. А. Елкина (Ростов) и Пустовойтова (Одесса), подполковника А. А. Бене (на 1910 г. – поручик 115-го пехотного Вяземского полка) (Гатчина), войсковых старшин Н. Л. Кулакова (ст. Ессентукская) и С. В. Павлова (Новочеркасск), капитанов А. Тер-Григоряна (Симферополь) и Сверчкова (Смоленск), подъесаула П. Харламова (Симферополь), сотников Б. И. Абраменкова (Новочеркасск), Т. И. Доманова (Пятигорск), поручика П. Дроздова (?) и др.³ Некоторые из них в 20–30-е гг. подвергались различным репрессиям со стороны органов ОГПУ–НКВД.

Общая численность русских эмигрантов, участвовавших в европейском движении Сопротивления (В. Л. Андреев, Б. В. Вильде, М. Я. Гафт, И. А. Кривошеин, А. С. Левицкий, кн. В. А. Оболенская, И. И. Троян и другие, всего в среднем от 300 до 400 человек), а также призванных в армии стран – участниц антигитлеровской коалиции (П. Н. Николаев, В. Н. Савинский, Г. Е. Чаплин и др.), не превышает в целом 5 тыс. человек. В то же время в вооруженных формированиях, действовавших на стороне Германии и ее союзников, а также в их различных военных структурах служили, по нашей оценке, от 20 до 25 тыс. участников Белого движения и представителей эмигрантской молодежи. Служащих гражданских и культурно-просветительских учреждений в эту категорию мы не включаем. По нашему мнению, при создании русского политического центра и антисталинской армии не в конце 1944, а в 1941–1942 гг., эта цифра могла возрасти минимум на порядок.

IV. Белогвардейцы во Власовском движении и на службе в Вооруженных силах КОНР

Определенные круги белой военной эмиграции проявили неподдельный интерес к деятельности А. А. Власова, как только его имя и аббревиатура РОА начали фигурировать в пропагандистских акциях Вермахта зимой–весной 1943 г. На протяжении 30-х гг. в Русском Зарубежье были весьма распространены надежды на ликвидацию ста-

линского режима путем военного переворота со стороны РККА, который должен был возглавить абстрактный «комкор Сидорчук». Умами многих белогвардейцев владела мысль о прекращении психологического разделения на «белых» и «красных», на смену которому должна была явиться идея общенациональной Русской армии. В эмиграции даже высказывались суждения о запрещении ношения в будущей возрожденной России знаков отличия и наград, заслуженных во время Гражданской войны. Поэтому появление осенью 1942 г. в Берлине генерала Власова не стало неожиданностью для тех, кто ожидал «комкора Сидорчука». Основные программные положения власовцев, сформулированные 27 декабря 1942 г. в известном Смоленском обращении несостоявшегося Русского Комитета, казались эмиграции простыми и понятными. Ликвидация принудительного труда, колхозов, террора и насилия, передача земли крестьянам в частную собственность, освобождение политзаключенных, введение действительных гражданских и политических свобод, предоставление интеллигенции права свободного творчества – адекватно расценивались консервативными соотечественниками как наиболее реальная программа, способная привлечь массы «подсоветских» людей.

Однако попытки принять участие во Власовском движении встретили не только серьезные препятствия со стороны нацистов, но и власовцы отнеслись к ним довольно прохладно. Не будет большим преувеличением сказать, что в какой-то степени желание белоэмигрантов вступить на службу в РОА оказалось гораздо более серьезным, чем желание бывших противников по Гражданской войне видеть их в собственных рядах. Конечно, этому парадоксу в известной степени способствовали интриги немецких «опекунов», по-прежнему опасавшихся национально-патриотического возрождения на оккупированных территориях России. Но в гораздо большей степени разделение между власовцами и белогвардейцами усугублялось их полярными психологическими характеристиками. Белые ощущали себя носителями идеи и культуры тысячелетней российской государственности, особенно в ее военной традиции. Власовцы воспитывались и формировались системой, последовательно уничтожавшей основы российской цивилизации. Поэтому, за редким исключением, подняться выше лозунга «За Советы без коммунистов!» они не могли.

Справедливости ради заметим, что не все участники Белого движения увидели в А. А. Власове искреннего противника сталинского режима. В частности, его категорически не принимал майор Вермахта И. К. Соломоновский – один из последних русских Георгиевских кавалеров, участник Белого движения на Юге России в рядах Кирасир-

ского и Сводно-Гвардейского полков, выпускник Крымского кадетского корпуса. Тем не менее подобные настроения в белоэмигрантской среде могут рассматриваться скорее как исключение. По свидетельству командира роты Русского Корпуса поручика В. В. Гранитова, ставшие доступными весной 1943 г. известия о генерале Власове вызвали у офицеров Корпуса самые разные надежды, вылившиеся в конце концов в настоячивые требования подчинить Корпус командованию РОА. Гранитов подтвердил автору, что корпусников не смущало прошлое Власова: «Нам вполне хватало его заявлений и листовок. У нас не существовала цель завоевать Россию. Наша цель была – сломать сталинский режим вместе с русским народом. А вместе с русским народом, значит, вместе и с его армией, с бывшими советскими офицерами».

Ряд офицеров – участников Белого движения приняли участие во Власовском движении еще до создания осенью 1944 г. КОНР и его вооруженных формирований. Полковник К. Г. Кромиади в сентябре 1943 г. принял должность коменданта штаба А. А. Власова в Далеме, обеспечивал его безопасность и практическую деятельность, а через год стал начальником личной канцелярии бывшего советского генерала. В 1943–1944 гг. в Дабендорфской школе РОА служили: полковник-марковец А. Д. Архипов – командиром 2-й офицерской роты и курсантского батальона, капитан В. С. Григор – помощником командира роты по строевой части, мичман А. И. Путилин – в административно-хозяйственной части и т. д. Летом 1943 г. оперативным адъютантом А. А. Власова стал полковник И. К. Сахаров – участник гражданской войны в Испании на стороне франкистов и сын командующего белым Восточным фронтом Генерального штаба генерал-лейтенанта К. В. Сахарова. Все же заметим, что серьезного влияния на организационные усилия власовцев или идеологию движения отдельные чины РОВС и другие белогвардейцы оказать не смогли. Ведущая роль здесь оставалась за «младомарксистами» (майором М. А. Зыковым, капитаном Д. Д. Падуновым, поручиком Н. В. Ковальчуком и др.), а также членами Национально-Трудового Союза (НТС) (капитаном А. Н. Зайцевым, Н. Г. Штифановым и др.).

Доброжелательное отношение к Власовскому движению в кругах белой военной эмиграции во многом укрепилось после визита в Париж В. Ф. Малышкина, прибывшего во французскую столицу в сопровождении нескольких офицеров РОА 15 июля 1943 г. 24 июля Малышкин выступил в переполненном русскими эмигрантами зале Ваграм; по некоторым оценкам, на его выступление, организованное русской газетой «Парижский вестник», собралось почти 4 тыс. слушателей. Эмоциональная речь власовца, продолжавшаяся почти 1,5 часа, нео-

днократно прерывалась бурными аплодисментами. Малышкин не только пересказал уже упоминавшиеся нами политические цели власовцев, но и недвусмысленно выразил надежду на сохранение целостности России и прекращение войны только при помощи почетного мира между русским и германским народами.

Несмотря на традиционные антимонархические выпады, речь бывшего генерала Красной Армии произвела сильное и благоприятное впечатление на белогвардейцев. С. А. Мацылев писал, спустя 4 дня, в письме А. П. Архангельскому: «Говорил он просто, ясно, хорошим русским языком без употреблений советских выражений и совершенно спокойно. Содержание совершенно совпадает с нашими взглядами, он открыто указал на совершенные ошибки (ошибки немцев в отношении политики на оккупированной территории. – К. А.). После собрания я со многими беседовал, и на большинство речь произвела самое благоприятное впечатление... Но реальных результатов в смысле возможности для белых офицеров поступления в армию генерала Власова их приезд никак не дал». В другом письме от 4 августа 1943 г., адресованном полковнику А. С. Шторху, Мацылев заметил: «Впечатление от этой речи в русских кругах большое и в основных положениях с ней нельзя не согласиться. Особенно мне понравился ее тон, независимый, без всякого “припадания” к стопам... Как мне известно из разных источников, речь эта не весьма понравилась здешним власть предержащим».

С осени 1944 г. вся практическая деятельность по развертыванию ВС КОНР и реформированию частей, предназначенных для пополнения власовской армии, сосредоточилась в центральном штабе под общим руководством генерал-майора Ф. И. Трухина. Знаменитый дроздовец генерал-майор А. В. Туркул, присутствовавший на пражском учредительном собрании КОНР, был кооптирован в члены Комитета 17 декабря 1944 г., но к практическим шагам по формированию войсковой Зальцбургской группы (Отдельного корпуса) смог приступить лишь в конце зимы 1945 г. Для зачисления Туркула в ряды армии потребовалось личное вмешательство Власова. Любопытно, что А. А. фон Лампе считал бывшего начальника Дроздовской дивизии «незаменимым в роли начальника авангарда в бою, исключительно храбрым и доблестным офицером... убежденным антибольшевиком, но...не слишком принципиальным». Несмотря на столь противоречивую характеристику, генерал Туркул с января 1945 г. развил интенсивную деятельность по популяризации ВС КОНР в Австрии и Словакии среди отдельных чинов РОВС и ОРВС, членов Общества Галлиполийцев, смягчая отчужденность власовцев. Штаб А. В. Туркула в

Зальцбурге именовался Управлением частей РОА. В марте–апреле 1945 г. Туркул осуществлял формирование 2 полков в районе Линца и Виллаха общей численностью около 3 тыс. чинов. Командовали полками участники Белого движения полковник Кржижановский и генерал-майор С. К. Бородин. На комплектование последнего полка были обращены кадры несостоявшегося казачьего корпуса генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро. В середине апреля началось формирование еще одного сводно-пехотного полка, командование которым принял бывший начальник артиллерии 280-й стрелковой дивизии подполковник В. А. Кардаков, произведенный в чин полковника ВС КОНР. В группу Туркула (очевидно, в полк Кардакова) попала часть чинов из 2-го батальона 212-й народно-гренадерской дивизии, где вместе с воспитанниками «Гитлерюгенда» и австрийцами служили около 100 советских граждан, преимущественно украинцев. Всего в этом соединении оказалось около 5,2 тыс. человек, на вооружении которых находилось только личное огнестрельное оружие и гранаты. Пулеметов было крайне мало, артиллерия отсутствовала.

Начальником штаба Зальцбургской группы стал выдающийся русский кавалерист, Генерального штаба генерал-майор В. В. Крейтер, возглавлявший Управление по делам русской эмиграции в Сербии. 17 декабря 1944 г. он был кооптирован в КОНР и в результате передал в финансовый отдел Главного организационного управления около 20 ящиков (коробок?) с остатками закладных ценностей Петроградской ссудной (серебряной) кассы, находившейся с 1921 г. в Королевстве СХС. 25 марта 1945 г. А. А. Власов приказом №423/п де-юре подчинил А. В. Туркулу Русский Корпус Б. А. Штейфона, а в апреле в состав Зальцбургской группы юридически влился Особый полк «Варяг» М. А. Семенова. С учетом этих формирований под командованием Туркула и Крейтера могло оказаться около 12 тыс. человек. В действительности к исходу апреля 1945 г. Корпус Штейфона и полк Семенова с превеликим трудом пытались вырваться с территории бывшей Югославии в Австрию и их фактическое объединение с туркуловцами не состоялось.

Русский Корпус, насчитывавший около 5 тыс. чинов к началу 1945 г., представлял для власовцев исключительную ценность как источник комплектования унтер-офицерских и офицерских должностей квалифицированными кадрами. Младших офицеров и унтер-офицеров штабу ВС КОНР катастрофически не хватало, поэтому чины Корпуса могли сыграть незаменимую роль в военном строительстве власовской армии. Тем более что за ними стояли не только практический боевой опыт в тяжелых условиях горной войны, но и соответствующий

шие довоенные воспитание, дух и традиция. В середине января 1945 г. Б. А. Штейфон, будучи в командировке в Германии, встречался с А. А. Власовым и выразил готовность подчиниться Главнокомандующему ВС КОНР без всяких условий и как можно скорее, что произвело на Власова сильное впечатление. 29 января 1945 г. штаб Русского Корпуса разослал всем подразделениям радиogramму: «Корпус включен в состав армии генерала Власова». 16 февраля корпусникам поступил приказ нашить на форму нарукавные шевроны «РОА».

Столь радикальным поступком генерал Штейфон надеялся спасти чинов Корпуса, кадры которых постоянно таяли в непрерывных ожесточенных боях в горной Югославии. За период с 12 сентября по 12 марта 1945 г. общие потери Корпуса составили 7 281 человек, в том числе 734 – пришлось на категорию безвозвратных. Командование немецкой группы армий «Е» во главе с генерал-полковником Люфтваффе А. Лером использовало Корпус в жестоких арьергардных боях буквально на износ. Субъективные обстоятельства оказались сильнее в условиях катастрофической нехватки времени для переформирования ВС КОНР. Подразделения Корпуса так и не удалось вывести из боев на югославском фронте, и им пришлось самостоятельно сдаваться союзникам в мае 1945 г. Их подчинение Зальцбургской группе А. В. Туркула имело лишь характер де-юре. Зимой 1945 г. штаб корпуса откомандировал значительную группу молодых корпусников из эмигрантской молодежи (Б. Ф. Дмитриева, А. М. Жилина, Г. Д. Мистулова, Н. А. Шереметова, Б. М. Старчикова и др.) в качестве курсантов в I Объединенную офицерскую школу Вооруженных сил народов России⁴ генерал-майора М. А. Меандрова. Произведенные по окончании учебного курса в подпоручики власовской армии, они должны были в числе других выпускников занять должности младших офицеров в будущих соединениях ВС КОНР, формирование которых так и не состоялось ввиду окончания войны. По многочисленным мемуарным отзывам, корпусники великолепно смотрелись в школе во всех отношениях. В апреле 1945 г. в состав ВС КОНР формально вошли XV генерал-лейтенанта Паннвица и Отдельный генерал-майора Доманова казаčki корпуса, состоявшие преимущественно из граждан СССР. Оба корпуса избрали целью своих перемещений Австрию, где в конце концов и капитулировали союзникам. О роли офицеров-эмигрантов в указанных автономных соединениях мы уже говорили. С учетом того обстоятельства, что их фактического объединения с Южной группой ВС КОНР не произошло, более интересным нам представляются обстоятельства службы офицеров-белоэмигрантов во власовских частях, создававшихся непосредственно на территории Германии.

Сразу же после учреждения КОНР А. А. фон Лампе надеялся на использование строевых кадров ОРВС, численность которых он оценивал в 2,5 тыс. человек. С этой целью он подготовил тактичное, краткое и достаточно содержательное обращение, с которым, по его замыслу, Власов должен был обратиться к белогвардейцам: «Офицеры и солдаты Белой армии, вас, много лет тому назад всей душой вложившихся в борьбу против большевиков, зовем мы в свои ряды. Пусть не будет ни белых, ни красных, и в Россию вернутся только верные ей русские люди!». К сожалению, можно только гадать, почему бывший генерал Красной Армии так и не подписал данного, в целом весьма корректного, обращения. Опасался ли он негативной политической реакции со стороны «подсоветских» людей? В результате организованного призыва белых в ряды власовской армии не состоялось, как и в начале войны, они полагались на личную инициативу.

Сам генерал фон Лампе был зачислен в ВС КОНР в чине генерал-майора резерва и, по свидетельству исследователя В. Г. Бортневского, трепетно относился к этому эпизоду собственной биографии. Добился приема на службу на должность преподавателя тактики и один из известных военачальников Северо-Западной Добровольческой армии генерал-майор Б. С. Пермикин, но, встретив в Офицерской школе довольно бестактное отношение, быстро перевелся в Зальцбургскую группу Туркула. Один из лучших русских топографов, профессор, Генерального штаба генерал-майор резерва И. С. Свищов был принят на службу с унизительным чином подполковника, но ревностно относился к своим обязанностям преподавателя топографии в 1-й Офицерской школе. Служили в ВС КОНР зимой–весной 1945 г. бывшие участники Белого движения: генерал-майор М. А. Моисеев, подполковники Н. Л. Горгопа и В. А. Кремповский, капитаны Андриевский, А. М. Марков и А. М. Шенгалайя, поручик С. И. Афанасьев и др. Ряд офицеров-белоэмигрантов заняли соответствующие должности в центральном штабе ВС КОНР: полковник Г. В. Сакс (начальник отделения по устройству тыла отдела материально-технического снабжения), майор В. Черемисинов (начальник снабжения административно-хозяйственной части), капитан О. Л. Баумгартен (помощник начальника общей части командного отдела), подпоручик Н. Н. Енгальчев (начальник общей части командного отдела) и др. Полковник-марковец Н. А. Шоколи (Шаколи) был начальником отдела кадров Вспомогательных технических войск. Несколько белоэмигрантов служили в Управлении безопасности КОНР, наибольшую известность среди них получили капитан-марковец В. А. Ларионов – организатор взрыва в партийном клубе Ленинграда в 1927 г. – и поручик В. Мельников.

Вслед за Ф. И. Трухиным из Дабендорфа убыли осенью 1944 г. и офицеры-белогвардейцы: полковник А. Д. Архипов стал командиром 1-го (1601-го) гренадерского полка 1-й (600-й) пехотной дивизии; капитан (позднее – майор) В. С. Григор стал командиром 1-го батальона в том же полку; мичман А. И. Путилин еще в Дабендорфе был произведен в капитаны РОА, а затем в майоры ВС КОНР, где он служил инспектором по квартирному довольствию отдела материально-технического снабжения центрального штаба. Полковник И. К. Сахаров командовал в феврале 1945 г. отдельным противотанковым отрядом в боевых операциях на Одерском фронте в полосе советских войск 5-й Ударной армии I Белорусского фронта. 8–9 февраля отряд из 55 добровольцев отличился при атаке местечка Ней-Левин, который защищали подразделения 990-го стрелкового полка Гвардии подполковника В. В. Кондратенко из состава 230-й Сталинской стрелковой дивизии. В этом же отряде в чине капитана служил Г. П. Герсдорф – вице-унтер-офицер XIII выпуска 1932–1933 гг. Княжекостантиновского кадетского корпуса. В марте Сахаров стал командиром, а произведенный за боевые отличия в майоры Герсдорф – начальником штаба 1604-го русского пехотного полка, преобразованного спустя месяц в 4-й полк 1-й пехотной дивизии ВС КОНР.

Кстати, старшие выпускники-кадеты считались образцовыми добровольцами власовской армии, особенно в строевом отношении. Именно такой взгляд доминировал по отношению к «кадетской роте» капитана С. А. Копытова. В середине сентября 1944 г. более 100 кадет XXIV–XXV выпуска и 20 чинов персонала Княжекостантиновского кадетского корпуса эвакуировались из Белграда в Эгер (Судетская область). В ноябре многие княжекостантиновцы изъявили желание поступить на службу во власовскую армию. Старшие кадеты 1-м взводом влились в роту капитана Копытова, в которой также служила эмигрантская молодежь из Югославии, Польши и Франции. Рота прибыла из Протектората в Берлин 20 января 1945 г. и охраняла центральный штаб до его переезда из Берлина в Хойберг в конце февраля 1945 г. Затем частично она попала во 2-ю (650-ю) пехотную дивизию, а частично – в Зальцбургскую группу Туркула. Младшие кадеты-княжекостантиновцы во главе с директором корпуса генерал-майором А. Г. Поповым прибыли в конце января 1945 г. на аэродром в Эгере, где формировался 1-й авиационный полк ВВС КОНР. 31 января кадетская группа была преобразована в особый взвод охраны командующего ВВС КОНР генерал-майора В. И. Мальцева. Командовал взводом поручик Н. Фатьянов – офицер Русской армии П. Н. Врангеля и лейтенант французского Иностранного легиона. А. Г. Попов вскоре

занял должность штатного преподавателя роты пропаганды 1-го авиационного полка.

Откомандирование кадров из Русского Корпуса осенью 1944 – зимой 1945 г. происходило не только в 1-ю Офицерскую школу. Так, выпускник Николаевского кавалерийского училища в Белой Церкви А. А. Бертельс-Меньшой был откомандирован из Корпуса в чине капитана в центральный штаб, где стал офицером связи и адъютантом полковника Г. В. Сакса. Но наиболее важным по своим последствиям стал перевод из Корпуса в ВВС КОНР группы русских офицеров, среди которых в первую очередь стоит выделить полковников Л. И. Байдака, Р. М. Васильева и С. К. Шебалина. В ВВС КОНР, по некоторым подсчетам, офицеры-белоэмигранты составили более 30 %. Известные русские авиаторы – подпоручик Байдак и штабс-капитан Шебалин – участвовали в 1918–1919 гг. в боевых операциях против большевиков на Севере в составе англо-русского авиакорпуса Славянско-Британского легиона. В эмиграции оба служили в Королевских ВВС Югославии, при этом Байдак в чине полковника командовал авиационным полком. Полковник Байдак в октябре 1944 г. возглавлял одно из представительств по приему в РОА в Карлсбаде, а в конце осени 1944 г. прибыл в Эгер и вскоре был назначен В. И. Мальцевым командиром формирувавшегoся 1-го авиационного полка. С. К. Шебалин прибыл в ВВС КОНР после излечения в госпитале и стал начальником штаба полка в чине майора. Именно по их настоянию 5-й истребительной эскадрилье, которой командовал Герой Советского Союза капитан Б. Р. Антилевский, было присвоено Шефское имя полковника А. А. Казакова. Неоценимую роль в формировании полка и в подготовке летных кадров играл офицер для поручений капитан М. В. Тарновский – сын участника Белого движения и представитель русской диаспоры в Чехии. В 1943–1944 гг. он командовал I восточной эскадрильей Люфтваффе, а в конце апреля 1945 г. заслужил производство в майоры.

Полковник Р. М. Васильев поступил на службу в ВВС КОНР в начале 1945 г. после кратковременного отпуска по болезни, приняв командование 9-м отдельным зенитным полком. Полк, состоявший из одного тяжелого и двух легких дивизионов, базировался в 8–10 км юго-восточнее Мариенбада и был укомплектован личным составом практически полностью. Однако он не имел штатного вооружения, личное огнестрельное оружие и легкие ручные пулеметы имела только штабная батарея, чины которой и исполняли весной 1945 г. охранно-караульные функции. В 9-м полку служил еще целый ряд белоэмигрантов в офицерских чинах, создавших нечто вроде собственной внутренней корпорации, и это осложняло отношения с бывшими командирами Красной Армии. А вот

бывший кадет и чин Русского Корпуса поручик Г. Н. Сперанский, принявший после излечения в госпитале командование 2-й десантной ротой, быстро нашел общий язык с офицерами парашютно-десантного батальона. Его рота стала одной из лучших рот этого специфического подразделения (1,4 тыс. чинов), готового к развертыванию в парашютно-десантный полк. Обилие белоэмигрантских офицеров в ВВС КОНР, которыми командовали бывшие советские полковники авиации В. И. Мальцев и А. Ф. Ванюшин, хоть и вызвало критическую реакцию со стороны некоторых власовских генералов (И. А. Благовещенского и др.), но в целом сыграло безусловно положительную роль.

Возможности участия белой военной эмиграции в антисталинском протесте в годы Второй мировой войны оказались в значительной степени подорваны ввиду объективных и субъективных причин. Если нацисты, адекватно оценивая ее национально-патриотический порыв, пытались не допустить вмешательства белых в события по политическим мотивам, то нормальному развитию взаимоотношений с бывшими командирами Красной Армии зачастую препятствовала разная ментальность и культурная традиция. Белоэмигранты располагали серьезными ресурсами как в военно-политическом, так и в духовно-нравственном отношениях. Нельзя не сожалеть, что они не оказались использованы так, как могли бы быть использованы при более благоприятных обстоятельствах. Вместе с тем, вклад непримирившихся участников Белого движения и их детей в развитие антисталинского протеста оказался все равно весьма значителен. Столь однозначный вывод не могут дезавуировать ни хаотичный характер использования эмиграции, ни эпизодичность служебных усилий тех или иных лиц, о которых упомянул автор. Упорное стремление многих белогвардейцев попасть в Вооруженные силы КОНР, несмотря на настороженность и прохладное отношение к ним со стороны «подсоветских» людей, деятельная служба на ответственных должностях таких офицеров, как А. Д. Архипов, Л. И. Байдак, Г. П.-Герсдорф, К. Г. Кромиади, И. К. Сахаров, И. С. Свищов, М. В. Тарновский, С. К. Шебалин, Н. А. Шоколи и других, постепенно создавали основу для психологического примирения бывших белых и красных в рядах общей армии.

Это примирение должно было состояться не столько на почве совместно го отрицания травмировавшего Россию зла, сколько на постепенном приобщении бывших «подсоветских» людей к незамутненной культурно-патриотической традиции, носителями которой все годы изгнания оставалась белая военная эмиграция. Конечно, для этого требовалось несопоставимо больше времени, чем его оказалось в исторической действительности на рубеже 1944–1945 гг. Но конкретные факты массового участия русских бе-

лых эмигрантов в антисталинском протесте 1939–1945 гг., отчетливо указывают на подобную перспективу.

Неопубликованные источники

I. Бахметьевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк)

Коллекция документов и материалов А. А. фон Лампе.

Коробка № 9. Переписка с Ю. И. Лодыженским.

Коллекция Русского Обще-Воинского Союза.

Коробка № 20. Корреспонденция I (Французского) отдела, Брюссель – Париж.

Коробка № 30. Переписка по I отделу за 1941 г.

Коробка № 31. Переписка по I отделу за 1944 г.

Коробка Брюссель – Париж, 1943 г.

Коллекция документов и материалов И. К. Соломоновского.

II. Личный архив Александрова К. М.

Письмо Председателя РОВС Генерального штаба генерал-лейтенанта А. П. Архангельского – чинам РОВС от 29 июня 1941 г. (копия).

Мордвинкин Ю. Б. Белогвардейцы: Автобиографическая повесть. Компьютерная версия. 1997.

III. Служба регистрации архивных фондов (РАФ) Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Архивно-следственное дело № 89804.

Опубликованные источники и литература

1. Алдан А. Г. Армия обреченных. Нью-Йорк, 1969.

2. Александров К. М. Вооруженные силы КОНР: Материалы к составлению штатного расписания Вооруженных сил Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенанта А. А. Власова по состоянию на 22 апреля 1945 г. // Новый Часовой. 1999. № 8–9.

3. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945: Биографический справочник. СПб., 2001.

4. Алферьев Б. О., Крук В. М. Походный атаман батько фон Паннвиц. М., 1997.

5. Безбородова И. В. Генералы Вермахта в плену. М., 1998.

6. Вертепов Д. П. Русский Корпус: Фотоальбом. Нью-Йорк, 1960.

7. Владимир Владимирович Гранитов: Интервью // Новый Часовой. 1996. № 4.

8. Гетманенко О. Д., Юшко А. А. Черная белая гвардия: О судьбе белогвардейцев-эмигрантов // Военно-исторический журнал. 1989. № 11.

9. Еркин М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11–12.

10. За Родину, Честь и Свободу! // Часовой (Брюссель). 1947. Май. № 263 (1).

11. Иванов И. Б. Русский Обще-Воинский Союз. СПб., 1994.

12. К. Памятник генералу Врангелю // Часовой. 1938. 1 июня. № 243.

13. Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945. Монреаль, б. г.

14. Керсновский А. А. О нашем будущем служении // Часовой. 1939. 1 авг. № 240–241.

15. Керсновский А. А. Традиция и «диамат» // Часовой. 1939. 15 авг. № 242.

16. Ленизов А. К. Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг.: Материалы и документы. Мюнхен, 1970.

17. Месснер Е. Э. Судьба русского офицера. СПб., 1997.

18. *Н. Н. Р.* Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже // Военная быль (Париж). 1962. Март. № 53; Май. № 54.
19. Новая Национальная Россия будет жить: (Речь генерал-майора В. Ф. Малышкина в Париже 24 июля 1943 г.) // Голос Крыма (Симферополь). 1943. 27 авг. № 102.
20. *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
21. Письмо генерал-майора А. А. фон Лампе – Главнокомандующему Сухопутными войсками Вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу. Берлин, 21 мая 1943 г. Приложение 3 // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941–1945. Т. II. М., 1998.
22. *Протопопов Н. Н.* Генералы, служившие в Русском Корпусе // Наши Вести (СПб.). 1998. Март. № 450.
23. *Романько О. В.* Мусульманские легионы Третьего Рейха. Симферополь, 2000.
24. «Русские дни» в Париже: Собрание в зале Ваграм 24 июля // Парижский вестник (Париж). 1943. 31 июля. № 59.
25. Русский Корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963.
- Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945: Воспоминания соратников и документы: Сборник второй / Под общ. ред. Н. Н. Протопопова и И. Б. Иванова. СПб., 1999.
26. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.
27. *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992.
28. *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998.
29. *Стругар В.* Югославия в огне войны 1941–1945. М., 1985.
30. *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж, 1988.
31. 1941 год: Документы в двух книгах / Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов, Д. Д. Воробьев, Ю. А. Горьков, В. П. Гусаченко, Л. А. Двойных и др. / Под ред. В. П. Наумова. Кн. I. М., 1998.
32. *Успенский И. В.* Из истории русской эмиграции 1921–1945: Коллекция документов из фондов Российского Государственного Военного Архива. М., 1996.
33. *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

Примечания

¹ ОРВС возникло в 1938 г. на основании II (Германского) отдела РОВС в качестве формально самостоятельной организации. Причиной возникновения ОРВС послужило давление официальных властей, запрещавших на территории рейха деятельность организаций с центрами зарубежного подчинения. Неформально А. А. Лампе продолжал поддерживать тесные контакты с А. П. Архангельским.

² Указаны последние чины русского производства, чины иного производства оговорены.

³ Автором указаны последние чины, которые перечисленные лица имели в Белых армиях.

⁴ Официальное название школы.

«ПОСЕВ»

Библиотечка россиеведения

ВЫПУСК № 1

Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917–1991 гг.

80 стр., I изд. 1997, II изд. 1998, III изд. 2001.

Краткий исторический обзор.

ВЫПУСК № 2

Ярославское восстание. Июль 1918

112 стр. 22 илл. 1998.

*Материалы научной конференции в Ярославле и воспоминания
руководителей восстания.*

ВЫПУСК № 3

С. Г. Пушкарев. Воспоминания историка 1905–1945

112 стр. 6 илл. 1999.

*Мемуары посвящены жизни в России и Германии накануне I мировой
войны, революции, гражданской войне, русской академической группе
в Праге.*

ВЫПУСК № 4

НТС: Мысль и дело 1930–2000

128 стр. 46 илл. 2000

*Обзор деятельности и идейного развития Народно-Трудового Союза
российских солидаристов.*

ВЫПУСК № 5

Ижевско-Воткинское восстание. 1918 год

116 стр. 2000.

Исторический обзор, воспоминания и документы.

ВЫПУСК № 6

Преемственность и возрождение России.

224 стр. 2002.

Сборник статей

Заказы направлять по адресу:

НП ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Россия, 103051, Москва, Петровка, 26, стр. 2, пом. 96

тел. (095) 925-8138; тел./факс 925-9248

E-mail: posev@online.ru

